

Добро
пожаловать
отсюда

COFFEE

Здесь
пахнет
кофе
и
свободой

Добро пожаловать
отсюда

Булочка
с корицей
120 р.

Ван
пе

Добро пожаловать отсюда

Часть 1.

Особенное место

– Пошёл к чёрту, мудака сраный! Чтоб я тебя больше не видела! И манатки свои заberi! – кричала девушка-официантка в белом фартуке. Её голос срывался и хрипел; она задыхалась, выкрикивая слова на одном дыхании. Выплеснув всю злость, она шумно перевела дух. Одной рукой придерживала стеклянную дверь, другой с силой бросила брезентовый рюкзак цвета хаки прямо в парня.

Он стоял в паре метров, растерянно хлопая длинными ресницами. Щенячьи голубые глаза беспомощно уставились на неё. Защититься он не успел: рюкзак ударил прямо в грудь. К счастью, внутри не оказалось тяжёлых предметов и он, как половая тряпка, просто распластался под ногами.

– Ну и жесьть, – бормотал парень, собирая с асфальта рассыпавшиеся вещи. Люди равнодушно проходили мимо. Соседи напротив – маленький цветочный магазин и чайная лавка – спокойно занимались своими делами.

Девушка резко хлопнула дверью. Стекло в этой двери меняли уже не раз, но в конце концов владелец сдался и поставил бронебойное. Иногда официанты слишком усердствовали, доводя уровень Hard до предела. Он ничего не мог с этим поделаться. Даже стажёры, поначалу скромные, рано или поздно доходили до этого. Порой и клиенты умудрялись снести дверь с петель.

– Ну и жесть... Это правда вот так делать?! Ой, я не смогу! – хрупкая девушка с двумя русыми косичками, похожая на ребёнка, прикрыла ладонями маленькое лицо и сжалась в деревянный стул. Если бы она могла прямо сейчас стать этим стулом – она бы стала.

– Да это тебе кажется! Я в первый день даже на Лайте нахамить не могла! А теперь – сама видишь! Легко! И Hard – не Hard! Они же сами этого хотят, понимаешь? За этим и приходят. Деньги платят. Ой, пересядь на другой стул, а то занозу подцепишь. Кстати, псевдоним придумала? Что на бейдж напишем? – стройная брюнетка с серыми глазами и хриплым от крика голосом уставилась на новенькую. На её бейдже было написано: “Матильда”.

– Я не знаю... Я даже не думала... Мне бы сначала работать научиться...

– Ладно, может, посмотрим на тебя и сами придумаем. Меня ведь тоже не сразу Матильдой назвали, – рассмеялась брюнетка. – Орешки хочешь? Солёные.

– Нет, спасибо, у меня же брекететы. А почему тебя так назвали?

– Ты серьёзно? Не понимаешь? Ты вообще в интернете бываешь? Это потому что я самая дерзкая стала! – “Матильда” засмеялась. – Ну ладно, потом поймёшь! Вот тебе блокнот, вот книга правил. Это у нас самое главное. Пока ни о чём другом не думай. Здесь все уровни расписаны. Смотри, видишь кнопки на столе? Это не просто кнопка вызова официанта. Их три. Клиент приходит, нажимает одну – и... получает, что хочет!

Девушка уставилась на кнопки: “Lite”, “Medium”, “Hard”.

– Ты же понимаешь, что это не про прожарку стейка? – снова рассмеялась Матильда.

– Ага... Поняла...

– В этой книге написано всё самое важное про нашу работу! Остальное сама догонишь. У тебя неделя стажировки.

Матильда не успела закончить монолог, как входная дверь распахнулась. Послышалась громкая брань. В помещение ввалился грузный мужчина с залысиной на пол головы – словно мешок картошки, небрежно сброшенный пьяными грузчиками. Разумеется, он запнулся о порог. Высота порога – почти двадцать сантиметров – не оставляла посетителям шансов пройти, не споткнувшись. Раньше на его месте была натянутая верёвка – канат на той же высоте. Но потом владелец решил, что даже для “Хамкафе” это перебор.

“Ты отсюда пойдёшь в жопу” – гласила белая надпись на деревянном рекламном щите прямо у входа. “Здесь работают специалисты по снижению твоей самооценки” – значилось чуть ниже.

– Смотри, детка, учись. Сейчас он не должен нас видеть. Пошли за барную стойку. Нужно, чтобы он сел и выбрал уровень.

Девушка кивнула. Она уселась на самый дальний стул за барной стойкой, откуда её почти не было видно – разве что приглядевшись.

Она выглядывала из-за стойки: хмурый посетитель в спортивном костюме листал меню. Он кашлял, как старый чахоточник, – заслуженный ветеран местной шахты. Жидкие остатки каштановых волос обрамляли полянку лысины на макушке. Он пыхтел, сопел и, нахмурившись, водил толстым, как сарделька, пальцем по глянцевым страницам меню.

Наконец он нажал на кнопку. Раздался звук, будто кто-то наступил в грязь. Он шёл из колонки, висевшей прямо над головами девушек.

– Лайт? Фу, слабак! – тихо выругалась Матильда. – Я пошла, а ты смотри, запоминай и записывай. На уровне Lite мы ещё здороваемся. Это зафиксируй, чтобы не забыла.

Ученица быстро закивала, схватила блокнот и придвинула стул ближе к стойке, сев, как за парту.

В это время Матильда застучала каблуками по мраморному полу, направляясь к посетителю. В зале, кроме стука её каблуков и тяжёлого дыхания этого антропоморфного мешка картошки, не слышно было ни звука.

– Здрасьте! – челюсти Матильды двигались, как у коровы; во рту она катала жвачку, звук чавканья эхом отражался от стен.

– Здравствуйте, девушка. Я не понял, у вас что за странное меню? Что за “Слёзы бомжихи”? А это что – “СПИДозный тортик”? Что у вас за цирк? Будьте добры, есть ли у вас обычная картошка фри и латте на безлактозном молоке?

– Ахаха! – смех Матильды звенел, как колокольчик, режущий уши.

– Девушка, что смешного? – мужчина развёл руками.

– Ты себя в зеркало видел? Какая тебе картошка фри! Тебе варёную рыбу до конца жизни жрать надо! И никакой латте без лактозы тебя не спасёт! – Матильда нарочно делала голос высоким, говоря на связках. – Лучше “Плесень с носков” возьми, с него меньше жира наешь!

– Да что вы себе позволяете? Что это за заведение? Позовите менеджера!

Матильда закатила глаза: ну почему некоторые индивиды не умеют читать вывески? Увидел на входе листок с изображением пельменей – и просто зашёл.

– Ща, – бросила она, швырнув на стол приборы. Те со звоном рухнули на деревянную поверхность.

Матильда вихрем пронеслась мимо новенькой. Та сидела, не сводя взгляда с происходящего. Её большие голубые глаза напоминали два блестящих блюда; она так вцепилась в матовую столешницу барной стойки, что пальцы побелели и сплющились. Сидела неподвижно, словно монумент.

Лишь лёгкое колыхание рюш на нежно-голубой блузке выдавало в ней живого человека.

Из двери за баром вышел менеджер – босиком, в коричневых брюках и вязаной клетчатой жилетке. Обычно такие надевают на рубашку, но “Адольф” – так значилось на его бейджике – было глубоко фиолетово. Жилет, снятый, кажется, с деда, он нацепил прямо на голое тело. Уверенной походкой он направился к возмущённому клиенту.

– Вашу мать! – орал он на весь зал. – Вы чё меня от работы отвлекаете?! Я жилетку от катышек чистил! Какого хрена?!

– Да вон сидит, возмущается! – Матильда, спотыкаясь, бежала следом, показывая пальцем на растерянного мужчину.

Новенькая, еле сдерживая смех, юркнула под стойку. Щёки пылали алым, живот судорожно вздрагивал от беззвучного хохота.

– Что ваша работница себе позволяет?! Дёргается, хамит! – вскипел клиент.

– А-а, ну понятно, я бы вам тоже хамил, – лениво протянул менеджер, осматривая мужчину с ног до головы и поглаживая крохотные усики под носом.

– Что?! Что вы сказали, молодой человек?! – мужчина медленно поднялся из-за стола. – Я буду жаловаться куда надо! Недолго вам осталось работать! Вас прикроют, глазом моргнуть не успеете! Хамы!

– Давай, вали. Клиника липосакции – через две улицы, – невозмутимо бросил Адольф.

Его грязный ноготь застрял в зубах. Адольф гневно выругался, после чего с характерным “чпок” вытащил палец и развернулся, шагая обратно. Несколько секунд спустя он исчез за дверью своей каморки, оставив в воздухе едкий запах раздражения.

За соседней дверью, скрытой за кучей пустых банок, лениво гремел посудой повар Вазген. Он обожал свою работу настолько, что на кухне мог оставаться сутками. Официанты чаще видели его спину, чем лицо – шеф был всегда в поисках идеального приготовления.

Матильда зевнула, картинно закатив глаза, и неспешно направилась за барную стойку. Она даже не ускорила шаг, хотя гость тем временем со всей силы ударил ладонями по столу, выпуская в воздух целый букет оскорблений.

Не замолкая, он резко встал и направился к выходу.

– Совсем охренели! – его голос наполнил зал. – Что хотят, то и делают! Ну ничего, я им покажу, сволочам таким!

Девушка вздрогнула от резкого звука: мешок, выходя, со всей силы хлопнул дверью.

– Такое бывает чаще, чем надо, – Матильда невозмутимо пожала плечами.

– Не парься, он просто не понял, куда пришел. Просто играй дальше, спокойно продолжай работать. Но вот что мне подсказывает внутренний голос... он вернется. Хм... Не знаю, почему людей сюда тянет, как мух в общественный туалет, а те, кто когда-то случайно зашел, не понял, куда попал, оскорбился, они всегда – я не вру! – всегда становятся постоянными клиентами. Я не знаю, как это работает! Даже не спрашивай!

– Может, людям в глубине души нравится, когда их оскорбляют? Вдруг в подсознании у нас заложено что-то, что требует услышать самые жёсткие словесные унижения в свой адрес? Особенно если эти оскорбления прямо указывают на наши недостатки, которые мы в себе не видим? А из нашего окружения никто нам о них не скажет. Люди приходят сюда, здесь им говорят всю правду в глаза. – Новенькая развела худенькими руками, как бы признавая абсурдность своих мыслей. – И это помогает им становиться лучше? Ведь часто именно унижения звучат как вызов.

– Интересная теория, – Матильда усмехнулась, слегка удивленная. – Я много о таком думала за три года работы, но до такого не додумалась. Да ты философ, однако! – Улыбнулась она и сделала шаг назад, вставая в

более расслабленную позу. – Кстати, завтра у нас вечеринка. Начало в 18:00, там такие фрики соберутся, закачаешься! Будет весело, да и поучишься заодно. С директором нашим познакомишься, только сразу говорю: он немного со странностями, не обращай внимания!

– Со странностями? Да ты что? – девушка засмеялась. Кажется, напряжение её отпустило, она расслабилась, вытянула шею и даже немного расправила плечи.

– Ах, ещё! Завтра приходи пораньше, для новеньких будет инструктаж. Вон в той каморке, где Адольф сидит! Вас всего трое, у нас коллектив редко меняется, в основном тут всем нравится работать. Уходят редко и не по своей воле. Так что инструктаж слушай внимательно и записывай, окей? Ты мне понравилась, я бы хотела, чтобы ты осталась. Все, кто до тебя были, они какие-то посредственные, даже стажировку не проходили, я их сама выгоняла сразу. А в тебе что-то есть. Это место особенное, оно не для всех. И люди здесь работают особенные. Кто попало не сможет. Я директору слово за тебя скажу, но и ты не подведи! – Матильда подмигнула, и в её глазах пробежал весёлый огонёк.

Девушка кивнула в ответ. Не подведу – читалось в горящих глазах.

Вечеринка

– Проходите, уроды, быстрее! Жопой шевели, сучара! – Адольф стоял у входной двери, размахивая руками, словно дирижируя потоком гостей. Он жевал бумагу. В руке у него была сломанная пополам соломинка для напитков. Пережёванные комки бумаги он засовывал в отверстие соломинки и с силой выдувал в проходящих клиентов.

В честь вечеринки уродов владелец заведения самолично сделал порог ещё выше – прибил к нему дополнительную доску.

В зале гремел дабстеп. Вечеринка только началась, а народу уже было не протолкнуться. Официанты еле успевали разносить заказы. Среди них мелькала Матильда: высунув язык, она разбрасывала тарелки по столам, не забывая молча показывать средний палец сидевшим в зале клиентам. Она носилась, как вихрь, постоянно спотыкаясь о чьи-то ноги и громко проклиная мать каждого, об кого споткнулась.

– Да чтоб вас всех конь изнасиловал! Достали!!! – орала Матильда, носясь по залу.

– Эй! Я заказывал “Мокроту из лёгких туберкулёзника!”, а ты мне что принесла, тупая девка?! – крикнул кто-то ей вслед.

– Да мне похуй, что ты там заказывал! “Сопли алкаша” пей – какая разница! И хлеборезку попроще сделай! – рывкнула она, не сбавляя ходу.

В это время в каморке шло затянувшееся собрание новеньких. Их было всего двое: девушка с брекетами и косичками и парень с нервным тиком на глазу, лицом, усеянным прыщами, и кудрявыми русыми волосами. Они сидели друг напротив друга за круглым столом. Шею парня обвивали массивные наушники, из которых тихо лилась медитативная музыка.

– Сорри, я без этой музыки жить не могу, начинаю нервничать! У меня синдром Туретта, – пояснил парень в начале встречи, энергично отгрызая ноготь.

Директор, Мстислав Рувимович Елбанов, любезно разрешил ему оставить наушники. Левое веко парня жило своей жизнью, вздрагивая и дёргаясь в разные стороны, когда само того хотело.

“Должен же быть третий человек”, – вдруг вспомнила девушка.

– Вас сегодня двое. Третью, к моему великому сожалению, увезли в больницу. Увы, я не знаю, что стало причиной её сердечного приступа... Итак, ребята, начнём!

Искусство оскорблений берёт своё начало ещё в далёком прошлом! Испокон веков люди находили способ снять напряжение посредством

унижения других. Пассивная агрессия, хамство, скандалы, оскорбительные слова – порой это настоящий бальзам на наши, израненные бытом, души! Иногда у нас нет ничего против человека, стоящего перед нами. Мы даже его не знаем! Но мы ругаемся с ним. Потому что нам нужно сбросить пар. Самоутвердиться.

С годами это стало естественной потребностью человека – как еда и вода, – его голос постепенно стих к концу фразы.

– В этом заведении мы удовлетворяем сразу минимум две естественных потребности!

Четыре удивлённых глаза – один из которых продолжал свой тверк веком – устали на поднятый корявый палец Мстислава. И на его чёрный в белую полоску пиджак. И на белые брюки на коротких, как пеньки, ногах. На жидкие седые волосы. На золотую брошь в виде коровы, сверкнувшую на широкой груди при свете мигающей лампы.

Тем временем он продолжал тираду, не опуская пальца. Маленькие беличьи глаза с восторгом смотрели на будущих официантов. Его голос – хорошо поставленный тенор – слушали и впитывали даже стены:

– Порой мы используем самые изощрённые ругательства! В рамках выбранного клиентом уровня! Но иногда, например, сегодня, на вечеринке, мы позволяем себе просто выпустить пар! Сегодня все три уровня перемешались! Это для вас – прекрасная возможность научиться! Сегодня вы сможете бросить своё первое меню на стол, выкрикнуть первые бранные слова в адрес клиентов! Ах, как прелестно! Сегодня вечеринка! Ни в чём себе не отказывайте!

Он поднял палец ещё выше.

– А сейчас – немного потренируемся. Начнём с уровня “lite”. Это единственный уровень, где есть приветствие. Но запомните: никаких вежливых “здравствуйте”, “добрый день” и прочей аристократической ерунды! Только брошенное сквозь зубы “здрасьте”. Вы должны не сказать – а выплюнуть это слово! Как харчок через зубы! Это искусство!

Он резко указал на девушку.

– Давай, дорогая, ты первая! И запомни: меню никогда не подаём! Только швыряем! Так, чтобы оно плюхнулось на стол. Так, чтобы гость вздрогнул!

Девушка осторожно взяла папку. Робко оглядываясь, она прокашлялась:

– Эм... здрасьте, – слово выпало из её рта, словно маленькая горошина.

Она не удержала меню: кожаная папка, местами заляпанная жиром, через секунду плюхнулась на пол.

– Ой... извините.

– Нет, так не пойдёт, милая, – директор покачал головой. – Где эмоции? Где пассивная агрессия?! Живее, живее! Ты – актриса и психолог в одном лице! Ты и агрессор, и жертва одновременно! Ты должна гореть! Найди в себе эту эмоцию! Она есть в каждом из нас!

– Здрасьте! – выкрикнула девушка.

– Уже лучше, но всё равно не то. Не весело, дорогая. Нужно сквозь зубы! Должна быть агрессия, раздражение, презрение. Представь, что ты в гостях у свекрови. Ты знаешь, что она говорит гадости за твоей спиной. Почувствуй это. Давай, я верю: ты сможешь. Выше тон! Протяни гласную, как нитку через зубы, вот так: “здра-а-а-сте”.

Тем временем в зале разгоралась вечеринка. Гости веселились; из-за столов раздавались брань и хохот. Они перекрикивали всё ещё орущий из колонок дабстеп. Столики, расставленные слишком тесно, не оставляли ни малейшего личного пространства. Конечно, посетители пытались их подвинуть, но не знали, что накануне предусмотрительный Адольф прошёлся по ним гвоздями и шуруповёртом.

На барной стойке валялись чьи-то носки. На вид – чистые. С потолка свисали плюшевые игрушки, повешенные за шеи. Из их животов торчали кишки. Настоящие.

У входа в уборные анатомически точные, чрезмерно наглядные рисунки не позволяли представителям обоих полов перепутать дверь. Похожие рисунки украшали пол и стены. Внутри уборных над раковинами висели кривые зеркала.

Уборщица, женщина лет шестидесяти, которую не называли вообще никак, водила тряпкой по полу – и заодно по ногам посетителей. Она всегда носила один и тот же белый платок с голубым орнаментом. Иногда из-под него выпадали полностью седые пряди. Её лицо будто заколдовали лет сорок назад: на нём навсегда застыло выражение шарпея. Других эмоций никто за ней не замечал. Она никогда не разговаривала. Ходили легенды, что она мыла здесь ещё задолго до появления кафе. Ведро эта женщина неизменно ставила в самых неподходящих местах. Привыкшие официанты всегда смотрели под ноги. Чего не скажешь о клиентах.

Конечно же, мыть полы в зале женщина начала в самый разгар вечеринки. Она ловко балансировала шваброй между ног танцующих и сидящих гостей.

– Ты чё делаешь, дырка сморщенная?! У меня кроссовки новые! Ты знаешь, сколько я за них отдал?! Эй, я тебе эту швабру щас засуну туда, куда давно никто ниче не совал! Пошла нахрен!

Женщина просто продолжала своё дело, пританцовывая под грохочущую музыку.

– Ты глухая, что ли?! Пошла!! Твоё место возле параши! – парень в деловом костюме, с галстуком и кроссовками, швырнул в неё скомканную салфетку, перепачканную непонятно чем. Из его кармана выпал рабочий пропуск в резиденцию президента.

Женщина подняла потерянную вещицу, окунула в ведро – и небрежно бросила парню на колени.

– Ах ты тварь!!! – заорал он. – Я этот пропуск сегодня получил! Я пришёл отметить!

Женщина молча показала средний палец.

Чувствуя, что пахнет жареным, на шум прибежала Матильда.

– Ты чё орёшь, говножуй?! В резиденции своей ори!

– Ты откуда знаешь, где я работаю?! Пасёшь меня?

– Да нужен ты мне сто лет, нарцисс хренов! Будь ты даже последний мужик на земле – я б с тобой в одном поле срать не села! Самооценку снизь, не соответствуешь!

– Рот закрой, тупая овца!

– Мамка твоя овца! А отец – козёл!

– А отца моего ты откуда знаешь?!

– Так он всё село оприходовал! И сеструху свою тоже – вот ты и получился!

Под шумок уборщица исчезла, растворилась, будто её и не было.

Матильда и парень продолжали перепалку. Её щёки пылали, в глазах бушевал пожар.

Наконец оба выдохлись. Парень снял пиджак, расстегнул верхние пуговицы рубашки, вытер пот со лба. Потом залпом опрокинул в себя стопку мутного пойла. Откинулся на спинку «занозного» стула - так этот предмет мебели прозвали официанты. Они же его и изобрели.

Музыка стихла.

Он достал из кармана несколько смятых купюр, протянул их растрёпанной официантке:

– Девушка, это лично вам на чай. Спасибо огромное.

Матильда молча кивнула, привычно показала язык и средний палец – и стремительно исчезла в лабиринте тесных столиков.

– Эй, ну вы долго ещё теорию жевать будете?! Давайте, новенькие, сюда, нужна практика! – Матильда ворвалась в каморку, еле дыша. Стояла, крепко держась за дверной косяк, с таким видом, будто она только что пробежала марафон. Её тёмные густые волосы, собранные в шишку на макушке, частично выпали из причёски. Сегодня на ней была неприлично короткая чёрная юбка и чулки в мелкую сетку, плотно облегающие стройные длинные ноги. Единственным оправданием для её наряда была белая, как у школьницы, блузка, но и она едва скрывала дерзкий взгляд. Серые миндалевидные глаза колко смотрели из-под тёмных бровей на присутствующих.

– Матильда, доченька, конечно, пусть идут. Ребята уже прошли теорию. Даже немного покидали меню. Ты можешь забрать обоих.

– Доченька? – удивлённо повторила новенькая, – это что, семейный бизнес такой?

– Нет времени, пошли скорее! – Матильда схватила девушку за руку, не дав ей возможности ни ответить, ни что-то понять. Быстро потянула к выходу. За ними поплёлся и парень в наушниках, совсем как тень, не замечая, что его уже включили в этот сумбурный мир.

– Эй, тварина, вот твоя жрачка! Сет “для свиньи” же ты заказывала? – официант с лицом, как у статуи Моаи, только бледный, с бейджиком “Хмурый Хмырь”, обращался к девушке. Она чудом урвала себе место за отдельным столом у окна.

– Нет, это не мой заказ! Ты что, в шары долбишься, паскуда?

– А, не твой! Просто на тебя смотрю, похоже, что твой!

– Эй, Хмырь! – окликнула его Матильда. – Вот парень новенький, возьми его на стажировку. Особо ничего не надо, пусть просто с тобой походит, посмотрит. Разок меню кинет и поорёт на кого-нибудь – и хватит. Я знаю, у тебя работы завались, у меня тоже стажёр. Девчонка, кстати, классная. Наконец-то кто-то нормальный пришёл. Я с ней буду, мне её терять нельзя. Всё, давай!

Матильда толкнула новенького в сторону Хмыря. Тот споткнулся о ведро, и его падение остановил диван. В этот момент заиграла громкая музыка. Адольф включил самый лютый шансон с самым ужасным качеством записи, которое только смог найти в интернете.

“Какая осень в лагерях” – блял хриплый голос из колонок. Гости продолжали заказывать выпивку, которую подавали в стопках, напоминающих унитазы и больничные утки. Матильда несла капельницу – из неё заказчик должен был пить колу прямо через катетер. Яблочный сок и пиво подавались исключительно в баночках для анализов. Аккуратно выставив их рядами, новенькая несла на подносе.

– Держите, вот ваш заказ... – сказала она и тут же осеклась. – Мочу свою бери, одноклеточное! Пей, а то на башку вылью!

– Спасибо, девушка.

– Ну надо же, какой вежливый! Mamочка тобой гордится! Тебе слюнявчик дать? Тебе кто хлебальник начистил?

– Это родимое пятно.

– Ааа! А я думала, кто тебе половину рожи снёс! А вторую не снес – не доработал! Ты природу любишь?

– Ну да, а что?

– И это после того, что она с тобой сделала?! – заржала новенькая.

– Я на неё не в обиде, девушка, – парень отхлебнул напиток из баночки и поморщился. – На вкус как моча.

– Фу, скучный ты! – прошипела девушка и скинула на стол меню. Раздался характерный шлепок. Она радостно сжала кулаки: удалось! Хотя шутка и была не нова, а давно гуляла по интернету, девушка осталась довольна своей репликой. Но сердце почему-то бешено стучало и находилось точно не на месте.

Парень продолжал спокойно пить сок, морщась от вкуса. Его добрые синие глаза устало смотрели в стакан.

– Слушай, а ты молодец! Наорала как мегера! – Матильда подошла сзади и похлопала девушку по плечу.

– Матильда! Пойдем, отойдём туда, где тихо, нужно спросить что-то.

Они закрылись в камерке. Круглый стол пустовал. На спинке красного стула сиротливо висел черно-белый пиджак. Матильда включила свет и вопросительно посмотрела на коллегу.

– Вот тот парень с родимым пятном... Я ему незаслуженно нахамила, он такой... хороший, вежливый. Вообще не знаю, зачем пришёл, мне так стыдно. А ты меня похвалила.

– Незаслуженно нахамила? У тебя нормально всё? Амнезия? Ты забыла, где работаешь? Если он не знает, зачем пришёл, это его проблемы. А ты просто выполняй свою работу. Вот тебе бейдж. С этого дня ты здесь работаешь. И не бери в голову эту ерунду! Ты её себе придумала, – она нежно погладила девушку по плечу. – Пойдём, там пацаны без нас не справятся. Народу полно.

Девушка надела бейдж с надписью «Мегера».

– Матильда, стой. Это ведь не новый бейдж. Его точно уже носили.

– Ну да, носили, а какая разница? Пошли!

– Я сюда прихожу, чтобы на меня орали, прямо на пороге прошу, чтоб пожёстче!!! Не хард, а мега-хард! Чтоб меню в лицо швырнули, пусть синяк останется! Чтоб вилкой в глаз! И пиво на башку вылили, аа, кайф! И чтобы самому послать кого-нибудь на три буквы, а то и на четыре! Я люблю, когда орут, чтоб прям слюни летели! В меня! Если бы можно было, я б тут БДСМ заказал!

– Ха, нифига ты отчаянный. Кем работаешь?

– Педиатром.

– Эй, вы чё мне пустую тарелку принесли?!

– А ты что заказывал?

– “Сосите”

– Ну и вот.

"Мегера" наблюдала за происходящим. Бармен по прозвищу Мразь разливал коктейли по бокалам, проливая большую часть жидкости на столешницу и свою розовую футболку. Полные бокалы доставались только самым удачливым. Мраморный серый пол блестел от пролитых напитков, но уборщица больше не собиралась заниматься своей работой. На голове у бармена была черная шапка с надписью “Сдохни!” прямо на лбу. Из его широкого носа торчали две черные волосины, а огромные губы выглядели так, как будто их погрызли крысы. Пустые чёрные глаза смотрели куда угодно, только не на клиентов. Его коренастая фигура двигалась вдоль стойки с необычайной медлительностью, как у черепахи, больной ДЦП. За барной стойкой стояла огромная очередь, но парень оставался безразличным, двигаясь в своем темпе.

“Эх, Шарик, я как и ты был на цепи!” – фальшиво подпевал он музыке из колонок, не обращая внимания ни на один вопрос клиентов и вообще не удосуживаясь на них смотреть.

– “Неведомое пойло” наливай! – орал бармену лысый, худой мужик с почерневшим лицом алкоголика третьей стадии.

– Я-то налью, только имей в виду, – бармен перекинулся через стойку и уставился мужику прямо в плоскую переносицу. – Мне пох, что с тобой после этого будет, шлепок ты майонезный. Я даже не знаю, что там намешано. Никто не знает.

Его голос звучал, как скрипучая кровать.

– Валяй, мне терять нечего! Жена ушла, дети разъехались. Сюда хожу, душу отвести!

– А мне сет “Цирроз” давай, делай! – кричал мужик, ростом с гнома, пытаюсь дотянуться до стойки. На нём был дорогой спортивный костюм, брендовые кроссовки и недовольное лицо.

Музыка затихла. Из колонок послышался противный свист. Через секунду он сменился на кряхтение, а потом – на чавканье. Девушка закрыла уши руками – слушать эти звуки было невозможно.

– Эй, сегодня вечеринка уродов! – приятный спокойный тенор вещал из колонки. – Каждый из вас привел своего урода, но я вам вот что скажу: вы все уроды! Все! Горите в аду, мразоты!!! Вы хуже скота! От него хоть польза есть, а вы – ебучий мусор! От вас одни проблемы, вы – грёбанное днище, ходите, ноете, а в своих никчёмных жизнях ничего не меняете. Живёте в одном и том же дерьме! Воняет, зато тепло! Вы как тупые хомяки: бегаєте по кругу, но ничего не догоните! Вы не измените мир, вы даже мысли в своих тупых членоподобных бошках поменять не можете! Вы не можете бросить свои насиженные места в корпорациях, потому что без них сдохните! Вы не можете жить без налаженных схем, которые вам кто-то продиктовал. Ваши костюмы ничего не решают, одна показуха, вы ведь не умеете сами думать. Так ведь, да?

– Да!!! – синхронно закричал хор из разных голосов, послышался свист и хохот.

– И каждый сейчас думает, что это не про него, а про соседа! Выкусите, пидоры и бляди, вонючие отрывки современной культуры! Это всё – про

вас, про каждого из вас! Вы – никто, одноклеточные! Вы канализация, которая поглощает всякий мусор, сожрёт любое дерьмо! Веселитесь, уроды! Это ваша единственная возможность! Пользуйтесь! Завтра вы, как ни в чём ни бывало, снова пойдёте прислуживать таким же, как вы, прогибаться под систему, подставлять свои задницы ради гребанного куска хлеба, купленного у такого же урода, как и вы, только он вам вежливо улыбается в глаза, а в душе желает вам сдохнуть в канаве! А здесь всё искренне! Пользуйтесь, будьте собой! Пусть из вас льётся ваше дерьмо, в вас же больше ничего нет! Веселитесь, уроды! Сегодня выпивка бесплатно, вы же любите халяву! Но мы не отвечаем за то, что вам нальём! Сами решайте, пить или нет! Хотя за что-то в своих никчёмных жизнях отвечайте сами. Кроме бухла у вас никакой радости, тупые высеры подзаборных шлюх! Так давайте, ни в чём себе не отказывайте! Травитесь сколько влезет!

Выступление невидимого оратора вызвало громкие аплодисменты и смех. Каждый был уверен, что это не про него. Послышался гул от голосов и топот – все рванули к бару, не обращая внимания на происходящее.

– Что это вообще было? – прошептала новенькая, сжимая ладонями пульсирующие виски. – Для чего всё это? Что этим хотели сказать? Боже, я просто хочу уйти домой и больше никогда сюда не возвращаться! Всё, что здесь происходит, бесчеловечно! Это какая-то дикость! Ужасное место!

Она вытерла рукавом крупные горячие слёзы и, отпрыгнув от бара, побежала к стене, боясь быть раздавленной. Сев на подоконник, она продолжала наблюдать, промакивая щёки салфеткой. Её кукольные розовые губы дрожали, как на морозе, а маленький курносый нос покраснел. Народ толкался и кричал у бара, из колонок гремел шансон, все столы были пустыми. Официанты исчезли, их услуги больше не требовались. Грязный пол. Грязные деревянные столы, на которых пролили и рассыпали всё, что только могли. Её голубые глаза с сеткой лопнувших алых капилляров хаотично скользили по заляпанным поверхностям, не зная, с чего начать. Уснуть хотелось прямо здесь, на подоконнике, в этом безумном, разрушенном мире. Но пришлось встать и идти на кухню.

– Дай тряпку какую-нибудь, я столы хоть протру, – бесцветным голосом попросила она повара.

Он молча кинул ей пахнувший плесенью комок, потом сменил перчатку и продолжил что-то резать на доске.

– Но она воняет.

– Другой нет, – ответил он, не поворачиваясь, – а свои для кухни не дам.

Девушка взяла со стола салфетки. Повар и ухом не повел. В его обители, напротив, царила безупречная чистота: все хромированные поверхности сияли, несмотря на ажиотаж с заказами, нигде не валялся мусор. Он работал исключительно в перчатках. Сегодня девушке удалось незаметно заглянуть в холодильник: все контейнеры на блестящих полках были промаркированы.

Девушка намочила салфетки под краном, но бумага начала разваливаться в её руках. Худо-бедно протерев столы и получив в пальцы несколько заноз, она огляделась. Ни Матильды, ни Хмыря, ни новенького в зале не было. Двое других официантов, которых она ещё не знала, тоже отсутствовали. Эти двое весь рабочий день ходили вместе, как привязанные. Один всегда молча стоял рядом, ничего не делая. Не принимал заказы, не разговаривал с клиентами, не приносил заставленные едой и напитками подносы. Просто ходил рядом. Матильда говорила, что они так работают уже четыре года.

Гневно дёрнув плечом, девушка пошла в каморку. Идти пришлось сквозь бушующую толпу. Люди толкались, пробиваясь к барной стойке. Бесплатной выпивки хватило на всех.

Через два часа уставшие гости начали расходиться. Девушка безучастно наблюдала за происходящим. Когда последний клиент, шатаясь, кое-как вписался в дверной проем и направился куда-то вдоль улицы, официантов собрали в каморку.

– Отличная работа, ребята! Позвольте поблагодарить вас всех, и новеньких тоже – вы молодцы! Я дам вам денег на такси, ибо опасно в нашем городе добираться пешком в столь поздний час! Жду вас завтра, мои прекрасные! Вечеринка прошла на ура!

В зале пахло перегаром, табаком, дешёвыми духами и кислятиной. Кто-то уронил цветок с подоконника. Несчастное растение вывалилось из горшка вместе с дёрном и теперь лежало на холодном полу, обнажив беззащитные тонкие корни. Кажется, это было женское счастье.

Уставшая девушка шла, прихрамывая на правую ногу – сегодня перед работой она спешила и случайно надела те самые неудобные туфли-лодочки, и теперь судорожно вспоминала, куда положила лейкопластыри. Она сняла свой бейдж и оставила его на столе в камерке. Её зубы стучали, дрожащие деревянные руки с трудом удерживали предметы. Из косичек выпали пряди, остатки косметики собрались в комочки под нижними ресницами.

– Мне не подходит такая кличка. Нужно придумать другую, – тихо сказала она.

Матильда пожала плечами, мол, как хочешь, и продолжила расчесывать спутанные пряди перед зеркалом, не поднимая уставших красных глаз. Вдруг она спросила:

– А тебя как зовут?

– Людмила.

– Мда, точно... Тебе подходит. А меня – Ева.

Вот и познакомились, – грустно улыбнулась Люда.

Сила оскорблений

– Баранина?

– Да-да, “Херота из баранины”! Давай, горничная, ноги в руки – и вперёд! Смотри не обоссись от счастья по дороге, что такого мачо увидела! И скажи своим, чтобы быстрее готовили! Жрать охота! Скажи, срочный заказ!

– Тебе нельзя баранину, – серьёзно сказала Люда после короткой паузы.

– С чего это вдруг?

– Это будет акт каннибализма с твоей стороны. Ну, раз уж так хочется – жри, но на твоей совести!

Люда размахнулась папкой с меню, целясь прямо в прилизанную чёрноволосую голову. Спустя секунду раздался оглушительный шлепок, такой силы, что стены, казалось, треснули. Когда меню приземлилось на его макушку, лицо парня озарила кривая ухмылка, а на белых щеках, чуть тронутых щетиной, проступили две ямочки – будто их вдавили пальцем.

Чёрные глаза хитро прищурились. Он с удовольствием снова нажал на кнопку “Hard”, но Люда не собиралась подходить к нему в двадцатый раз. Она лишь поморщилась от звука грязи, летящей над её головой, и молча положила листок с заказом на стол повару. Тот, как обычно, даже не повернулся.

Заказ номер 0. Это означало, что спешить с ним не нужно.

Вазген улыбнулся. Он любил такие заказы: выполняя их, он мог наслаждаться каждым движением ножа, мягко скользящего по сочным мясным волокнам, мог гладить изрезанными, мозолистыми пальцами влажную красную мякоть. Пока на плите медленно закипал бульон, издавая тихое, ласкающее слух бульканье, а в зале громко орал голодный клиент, Вазген чувствовал себя по-настоящему счастливым. В такие моменты он ощущал себя невероятно нужным – этому заведению, этим людям, этому миру.

Вот и сейчас, когда новенькая положила на стол тот самый листок, его сердце радостно затрепетало. Если бы могло, оно станцевало бы брейк-данс прямо в груди, отскакивая от рёбер.

– А ты быстро осваиваешься, – подмигнул он ей своим широким веком.

Новенькая лишь улыбнулась в ответ, прежде чем скрыться в полумраке зала. Сегодня она и правда напоминала горничную: белый фартук, завязанный вокруг тонкой талии, чёрное полиэстеровое платье до колен с короткими рукавами и фатиновым белым воротником, телесные колготки и белоснежные лоферы. Пшеничные волосы, как обычно, были заплетены в две тугие, толстые косы, спускавшиеся почти до пояса.

Проходя мимо столика, где сидел посетитель, она с щедрым размахом швырнула на стол кожаный чехол со столовыми приборами. Это движение она отрабатывала всю ночь, не сомкнув глаз до самого утра. Следом туда же полетели салфетки: часть упала на пол, часть – на колени парня. Две точно угодили в ведро с грязной водой, стоявшее чуть поодаль. Люда осталась довольна своими метательными навыками.

Убедившись, что несколько лёгких белых квадратиков всё-таки попали на стол, она прошла с гордо поднятой головой мимо уборщицы, которая уже больше часа лениво возила шваброй по одному и тому же квадратному метру прямо перед глазами “мачо”.

– Слышь, может, свалишь уже? – не выдержал он. – Сколько можно эти плитки полировать?! Недотрах что ли? Ты уже два часа тут тряпкой елозишь... ты чё, NPC?

Уборщица даже не обернулась. Лишь сделала музыку в наушниках громче.

Он ковырял в зубах зубочисткой, лениво прислонившись плечом к деревянным рейкам на стене.

– Слушай, ну ты выдала! Про каннибализм – это сильно! Далеко пойдёшь! Как ты вообще такое придумала? – Матильда одобрительно захлопала в

ладоши, едва Людмила показалась за барной стойкой. Бармен приходил только по вечерам, так что стойка полностью принадлежала официанткам.

– Так я же по образованию филолог. Читать люблю, стихи пишу. Но знаешь, профессия эта скучнее некуда! Здесь веселее. Слушай, а где этот кудрявый парень? Мне показалось, он испугался и сбежал?

– Не-а, остался как миленький! Барменом будет. Оказывается, у него опыт есть. А официантов и так хватает. Вечером придёт, у Гришки учиться будет, – сказала Матильда, искоса глянув на клиента: тот нервно теребил салфетку. Уборщица всё так же мыла один и тот же квадрат пола.

Со стороны входа раздался крик. Похоже, Мстислав вчера забыл убрать ту самую дополнительную доску. А может, и не забыл.

– Так, классное место свободно? Если нет – я освобожу!

Парень с огромными бицепсами, бычьей шеей и широченной грудью, из-за которой белая майка без рукавов, казалось, вот-вот треснет, окидывал взглядом помещение. Его чуть раскосые ореховые глаза поочерёдно скользили по деревянным столам, серой мраморной плитке, непристойным рисункам на стенах, чёрной матовой барной стойке и уборщице.

Матильда жестом велела новенькой сидеть тихо и не вмешиваться. Сама взяла пилочку для ногтей и с остервенением принялась ею орудовать, не вставая с барного стула. Шишка на её голове вибрировала от каждого движения. Девушка надувала пузыри из жвачки; они лопались с громким щелчком.

Сегодня на ней была простая чёрная футболка, синие потёртые джинсы и белые кроссовки. Лицо – бледное, без капли макияжа, а редкие веснушки у носа казались темнее обычного. Даже тональным кремом она сегодня не воспользовалась, оставив тёмные круги под глазами неприкрытыми.

Посетитель прошёл в зал под косым взглядом “мачо” и уселся в самом углу. Над его головой, красными потёкшими буквами, красовалась надпись: “Место для жирных”. Длинная кривая стрелка указывала вниз –

на два стула, скреплённых между собой. Когда-то Адольф перемотал их ножки верёвкой, прочно связав, а сверху прибил лист ДСП, превратив их в единое целое. Теперь этот симбиоз был самым надёжным сиденьем в заведении и пользовался завидным спросом.

Стулья стояли за красным пластиковым столом из старой забежаловки. Стол шатался и был треснут в нескольких местах. В углу не горела ни одна лампа; туда долетали лишь слабые отблески света из зала – и это было единственным освещением. На столе была только одна кнопка: “Hard”. Парень нажал её.

– Стой, я сама, – сказала Матильда, хватая меню.

– Эй, скоро там заказ принесут? Жрать охота! Сорок минут уже, – возмутился “мачо”, но девушка лишь прошла мимо, даже не взглянув в его сторону.

– Ты что здесь забыл, анаболик?! – Ева крикнула так громко, что Люда подпрыгнула вместе со стулом.

– Матильда! Спасибо тебе! – качок расплылся в широкой улыбке и бросился к девушке с распростёртыми объятиями.

– Что ты, твою мать, несёшь?! Ты кто такой?! Ты не имеешь права меня трогать! – рывкнула она, оттолкнув клиента. Меню полетело в стену. С глухим хлопком папка отскочила и шлёпнулась на пол. Парень попятился, выставив ладони, и плюхнулся обратно на стул.

– Ты меня вряд ли помнишь! Но я сюда ходил два года назад, часто ходил! Я тогда тоже был почти 100 килограмм, но не мышц, а жира! Ты меня так на херах таскала, ух! “Мешок с дерьмом”, “только не нагибайся, а то все подумают, что это вход в Нарнию”, “ты ветку семейного дерева сломал”. Там ещё про Ждуна, Марианскую впадину, метеорит, и ещё что-то... Не помню, но это было жёстко! Так жёстко, что я, знаешь, домой приходил, плакал, жрал и думал. Серьёзно. Смотрел в зеркало на себя и говорил: пора завязывать с едой. В спортзал пошёл, теперь на ПП, поэтому здесь и не появлялся. Мне никто так не говорил, все меня только жалели –

особенно мама с бабушкой, думали, что я болею чем-то, гормоны, щитовидка и всё такое. А я просто жрал много! Только ты мне об этом и сказала!

Матильда застыла, не зная, что сказать. Растеряннo хлопая ненакрашенными ресницами, она пялилась на парня. Молча протянула ему папку.

– Так, у меня сегодня читмил, давай бургер “Котлета из деда”, двойной! И колу без сахара.

– Вазген! Заказ! – Матильда положила листок на стол повару. Тот молча кивнул, бросив взгляд на кастрюлю с бараниной. Мясо было ещё красным, сверху образовалась шапка пены.

Девушка вернулась за барную стойку и снова села на свой стул. Видя её растерянный взгляд, Люда спросила:

– С тобой всё в порядке?

– Ты была права. Ну, насчёт того, что мы людям правду говорим и это помогает им стать лучше, или что-то в этом роде. Я точно не помню, что ты говорила. Если честно, я твои слова тогда всерьёз не восприняла, но теперь это как один из вариантов ответа на вопрос, зачем люди сюда ходят. И теперь этот вариант – основной.

Девушка вкратце пересказала коллеге монолог с клиентом.

– Сама ему заказ отнесёшь? Я не знаю, как теперь хамить ему буду. Я его, кстати, всё-таки вспомнила. Он два года назад на Жиртрест party приходил. У меня фотка с ним есть. Меня он бесил, потому что он на моего бывшего похож, который меня бросил в трудный момент. Вот я на нём и оторвалась, это было что-то, – Матильда приложила ладонь к лицу. – После той вечеринки, правда, мы лишились нескольких стульев, унитаза и одного официанта, но оно того стоило! И плитку на полу поменяли. Адольф тогда постарался, два дня до тусовки все дверные проёмы переделывал.

– Расширял?

– Сужал.

Из зала послышался крик:

– Вашу мать, вы издеваетесь, шлюшки?! Уже час прошел, где заказ?! Я щас качка этого сожру!

– Не обращай внимания, – кивнула Матильда коллеге.

– Девочки, бургер готов! – голос Вазгена звучал как из консервной банки.

Людмила прошла на кухню. На деревянном подносе лежал бургер, обёрнутый в пергаментную бумагу. Рядом – горсть шоколадных конфет и записка: *“Помяни деда”*. Завершали заказ поллитровая бутылка колы и несколько мятых салфеток.

– Эм... А разве к напитку бокал не подают?

– Нет.

Люда пожала плечами и ещё раз оглядела кухню – она сияла чистотой. Выходя, девушка остановилась возле бара.

– Слушай, а этот Вазген или как его, когда успевает такую чистоту наводить? Он что, тут живёт? – шепотом спросила она Матильду.

– Этого никто не знает, – ответила та, коротко пожав плечами.

– Эй, он позже пришёл, ему значит готово, а мне нет?! Да я мамку вашу...

– Люда как можно быстрее пронеслась мимо столика, где сидел прилизанный “мачо”.

Она быстро кинула всё содержимое на стол качку, бургер плюхнулся последним. Когда парень открыл колу, белая футболка стала безвозвратно испорчена.

– Жри, не подавись. А не, лучше подавись. Чтобы тестостерон весь выблевал, я его потом дрыщам скормлю! – бросила Люда на одном дыхании и побежала обратно.

Отдышавшись, она села на свой стул и выжидающе посмотрела на Матильду. Та сразу же продолжила:

– Так вот, мы на входе масло растительное выдавали, чтобы они пролезть в дверь могли. Потом это масло везде было, всем коллективом отмывали. Но некоторые и с маслом не пролезли, прикинь! Так и остались за дверями стоять. Мы им бургеры туда уносили. Короче, это было нечто! Там ещё конкурс был на самого жирного, но никто не выиграл. Все самые жирные за дверями остались, не могли, бедолаги, участвовать. А ещё конкурс на самое большое количество подбородков. Ну там победитель был. Мы у одного бульдозера десятков насчитали. Так вот, этот тип, который сейчас качок, всю вечеринку за мной ходил, а потом меня ещё сталкерил в соцсетях. Я его везде заблокировала. И вот он заявился.

– Да он ничего такой.

– Сейчас – да, – Ева быстро закивала головой. – А раньше... вот смотри.

Ева провела изящным пальцем по сенсорному экрану телефона. На экране было фото. Два человека. Одна из них точно была Евой, только со светлыми волосами, заплетёнными в две косы. На ней был такой же наряд горничной, в каком сейчас сидела Люда. На груди у неё красовался бейджик с надписью “Мегера”. Люда не могла поверить своим глазам и начала осматривать себя с ног до головы.

– Ты чего? – спросила Ева, заметив её ошарашенный взгляд.

– Да так... Совпадение странное. А это он что ли?

– Ага.

Люда не могла сдержать усмешки, переводя взгляд с фотографии на качка, который продолжал жевать.

– Глазам не верю, – откинулась она назад, кивнув в сторону фото. – Вот что значит сила оскорблений. А тематические вечеринки часто бывают?

Ева сделала паузу, вытирая руки об салфетку, и с лёгким вздохом продолжила:

– Да когда как. Если есть идеи – делаем, периодичности как таковой нет. Всё по уму, всё до мелочей. Например, месяца три назад, секретную вечеринку проводили, некоторым гостям, выборочно, подсовывали печенья брауни с коноплём. Там надо было внимательно смотреть, кому можно подсунуть, кому нет. А остальным – обычные. После этого весь Инстаграм гудел, проверка была, кое-как отмазались. Недавно вот ещё “Racism party” была, на прошлой неделе. Единственный день, когда можно было оскорбить по национальному признаку, в обычные дни у нас это строго запрещено. Сама понимаешь, у концепции рамки должны быть обязательно, иначе триндец, людям вседозволенность давать нельзя. Долго рассказывать, что там было, на той вечеринке, но нас чуть не прикрыли. А месяц назад вечеринка для мам с детьми дошкольного возраста. Выясняли, чей ребенок чего умеет, так там массовая драка устроилась, тоже чуть не прикрыли. Мы постоянно балансируем на этом лезвии. Хотя у нас концепция с рамками – повторяю. В правилах написано, ты ведь читала. Ну а вчера была вечеринка уродов – это у нас вообще стандарт, классика. Все приходят со своим уродом, а потом узнают, что они сами для нас уроды. Честно, уже наскучил один и тот же сценарий. И ведь ходят на такую вечеринку, зачастую одни и те же. И не надоедает же им, а? Что за люди...

Люда молчала, переваривая услышанное. Матильда устало зевнула, её серые глаза затуманились тоской, как будто они искали что-то, что давно потеряли и не могли найти.

– Да вашу мать! – гневный крик прорезал тишину, будто рвущийся вихрь. Он был настолько громким, что казалось, сейчас все окружающие услышат его даже через стены. Крик раздался прямо над ухом. – Где ваш повар?! Пустите к нему, я щас его сам приготовлю!

Ева, не моргнув глазом, спокойно указала пальцем себе за спину в сторону кухни.

– Ну, можешь пройти, – произнесла она с безразличием, – дальше порога всё равно не попадёшь.

Посетитель резко отпрянул от барной стойки, и его кожаная куртка прошуршала злобно, будто живое раздражённое существо. Он двинулся к кухне, но как только его рука коснулась ручки двери, та с металлическим звоном захлопнулась прямо перед его носом. Вазген, стоящий внутри, не дал ему шанса попасть в святая святых.

– Да вы охренели все! – его голос дрожал от злости. – Я понимаю, у вас там своя концепция, свои фишки, но это уже перебор! Полтора часа! Я полтора часа жду сраный заказ!

Матильда без эмоций подняла глаза и, не спеша, ответила:

– Ну подожди, ещё не досрали, – её взгляд был мутным, почти безжизненным. Люда не удержалась и прыснула в кулак, её щёки покраснели, а на шее вздулись вены от смеха.

Посетитель с гневом повернулся к ним и, тяжело дыша, спросил:

– Девушка, у вас в заведении есть стоп-слово? Типа, если тебе надоело, ты говоришь это слово, и с тобой начинают нормально общаться, и еду вовремя приносят? Нет?

– Нет, – ответила Люда, откусывая пирожное, не обращая на него никакого внимания. – Мы же не твой отчим.

Дверь на кухню с грохотом распахнулась, и в проёме появилась голова Вазгена.

– Какая сука эту хуйню заказала?! – его голос взорвался, от чего качок выронил бургер прямо из рук.

– Вот эта, – Матильда равнодушно кивнула в сторону заказчика.

– На, забирай! – Вазген сунул поднос с едой в его сторону.

– В смысле, я сам это нести должен?! – посетитель уставился на него с возмущением.

– Ну а кто по-твоему? Тебе надо – ты и неси! – буркнул Вазген.

– А эти две тут чё, жопы просиживают? – клиент окинул взглядом Люду и Еву.

– Тебе какое дело до их жоп?! Свою обратно к столу неси! И объедки эти тоже! – Вазген грубо махнул рукой, указывая на входную дверь.

– Вашу мать! Твари тупорылые! Я буду жаловаться!

– Двадцать три, – сказал Вазген, внимательно рассматривая чёрные волосы на своих руках.

– Чё? – недоумённо переспросил парень.

– Счётчик веду, сколько раз мне такое за неделю сказали. Думаешь, ты у мамки особенный? Да вас как из инкубатора! У твоей мамки такой стоит, – добавил Вазген с издёвкой.

– Да пошёл ты! – сквозь зубы прошипел мачо, аккуратно забирая поднос с барной стойки.

Люда медленно сползла со стула. По её щекам текли слёзы, перемешанные с тушью. Она сидела на полу, обхватив колени руками, и издавала нечленораздельные звуки. Одному богу было известно, какую эмоцию она испытывает.

– Держись, подруга, ты тут всего лишь третий день, то ли ещё будет, – сказала Матильда, не проявляя ни малейшего интереса к происходящему. На её красивом лице застыло выражение среднестатистического придорожного камня.

– Девчонки, спасибо огромное! Я таких бургеров даже в Макдональдсе не ел! Это вам на чай! – он бросил на столешницу несколько мелких монет. – Матильда, ты меня теперь разблокируешь?

– И не надейся.

– Пока, девчонки! Я ещё вернусь!

– Такими темпами ты только в прежнюю форму вернёшься! Вали уже, меня от твоей рожи тошнит!

Счастливый парень захлопнул за собой дверь. Спортивная сумка лениво болталась на плече, а улыбка сияла так ярко, что, кажется, ослепила его самого – достаточно, чтобы массивный фонарный столб у выхода из кафе на мгновение слился с его внушительным лбом. Ева, наблюдая эту сцену, флегматично произнесла:

– Тридцать шесть. У меня свой счётчик. Вазген, лёд принеси.

Вернувшись, девушка взяла телефон. Люда, улыбаясь, наблюдала, как коллега сосредоточенно тычет пальцем в экран, предпочитая не вмешиваться.

– Девчонки, а у вас вакансии есть? – обладатель кожаной куртки вновь появился в поле зрения официанток.

– Ну, можешь пылесосом поработать или ковриком придверным. Всегда рады! Только на зарплату не рассчитывай, – громко откликнулась Люда, всё ещё сидя на полу.

– Да я не себе, у меня-то бизнес. Магазин свой открыл недавно. Я для друга.

– А-а, ну тогда тем более. Если твой друг ещё больший чмошник, чем ты, пусть приходит – писсуаром поработает.

– Ага, передам ему, пусть готовится! Пока, девчонки! – сверкая зубами, парень скрылся за дверью.

Ева проводила его взглядом, не выпуская из рук кусок льда, замотанный в целлофановый пакет.

Весь день Людмила тренировалась. Периодически она доставала свой блокнот, куда накануне занесла самые изысканные, безупречно мерзкие обороты речи. С гордостью протянула его Мстиславу.

– Девочка моя, вы – уникам! Я таких ещё не встречал! – восхищённо воскликнул директор.

– Вот, смотрите! Я всё систематизировала: по уровням, по ситуациям. Для парочек, для одиноких, для девушек, для парней. Вот для жирных – самый длинный текст. Я выжала все соки из родного языка, вытянула из пассивного словарного запаса всё, что могла! – сияла Люда, пританцовывая. – Тут, смотрите, все функции языка: эмотивная, конативная, фатическая... Ох, тут разгуляться можно!

Прощай, Матильда

Вечером подтянулись остальные: Хмырь, два неразлучных официанта, бармен и его стажёр. Последний сразу отличился – дрожащими руками умудрился разбить два бокала, пытаясь смешать коктейли. Наушники он не снимал ни на секунду, и никто так и не понял, как он умудряется слышать собеседников сквозь музыку.

Из широких карманов его штанов бесконечно что-то вываливалось: упаковка седативных, чехол от телефона, резиновая уточка, нафтизин, рецепты от психиатра. Он судорожно собирал свои потери под мрачным взглядом чёрных глаз наставника, пока Люда, с мягкой улыбкой, не предложила сложить всё это добро в рюкзак и убрать в каморку.

– Давай я сама их отнесу, Стёпа, ну! Не отвлекайся. Я аккуратно сложу всё в рюкзак – там и найдёшь. Никуда не денутся, – отчеканила Люда, обняв его за плечи.

– Нет! Я без них не могу! Не могу! – дергающийся глаз парня подпрыгивал в такт словам. Казалось, в нём всё работало, как идеально настроенная стереосистема.

В конце концов девушка махнула рукой. Вечером, когда поток посетителей наконец иссяк, директор срочно созвал всех на совещание. Весь коллектив во главе с Вазгеном расселся за круглым столом в каморке, на мягких, уютных стульях. Директор запер стеклянную входную дверь на ключ, оставив табличку “Открыто” на месте. Когда все устроились, он медленно обвёл их взглядом и начал:

– Итак, многоуважаемые коллеги! – начал директор, сложив руки на груди.
– Впереди важное событие: юбилей нашего заведения. Ровно пять лет, как мы оскорбляем, швыряем, кричим. Пять лет успешной, беспощадной работы! Мало кто может похвастаться таким слаженным коллективом, таким уровнем взаимопонимания... и таким количеством искренне благодарных клиентов.

Он сделал паузу, оглядел всех с особой теплотой.

– В честь этого я решил внести некоторые новшества в меню. Господин Вазген, я знаю, что вы обладаете ещё и кондитерскими талантами.

– Да, Мстислав Рувимович, – кивнул Вазген. – Несколько лет проработал на фабрике пирожных, проходил курсы повышения квалификации, все сертификаты при мне.

– Прекрасно, мой дорогой, прекрасно, – засиял директор. – У меня есть пара идей для новых десертов. Вот, на мой взгляд, самая удачная: бисквит “Жопа собаки”. Я уже обратился к местным умельцам – они изготовили форму для выпечки со всеми... анатомическими деталями.

Он вытащил листок с эскизом и развернул на столе.

– Шоколад для этого шедевра будем делать сами, нужен свой уникальный рецепт. А вот ещё вариант: желе с простым, но ёмким названием – “Блевотина”. Там должно быть множество мелких включений, например, перетёртые фрукты, орехи, кондитерская крошка...

– И пузыри, – вставила Люда, прищурившись. – Крупные, знаете, чтобы прямо на поверхности лопались. И чтобы жидковато, текуче. И цвет... белый, мутный. Я, конечно, не повар, но образ представляю.

– Интересное предложение, возьму на заметку, – кивнул ей Вазген, задумчиво потирая подбородок.

– Ну что ж, – продолжил директор, одобрительно хлопнув в ладони. – Решили. Кроме того, я обратил внимание: еда и напитки с медицинской тематикой у нас идут на ура. В связи с этим я купил в аптеке несколько клизм – продезинфицируем, и будем подавать в них коктейли. Эффектно, провокационно. Подача – на металлических подносах.

Он сделал паузу, наслаждаясь реакцией коллег.

– А ещё... теперь у капельницы появилась стойка. На колёсах. Она будет доезжать прямо к клиенту. Выкатываем её из кухни, а когда останется метра два до их стола... пинаем ногой. Пусть ловят сами. Весело, интерактивно! Дело нехитрое, без жертв.

Он перевёл взгляд на Еву и вдруг нахмурился:

– Ева, а чего это ты загрустила? На тебе лица нет!

Ева медленно подняла глаза:

– Я увольняюсь.

В комнате стояла тишина. Даже муха, всё это время жужжащая над столом, вдруг застыла в воздухе. Люда, сбитая с толку, дёрнулась, как заведённая, и

начала резко крутить головой, выхватывая взглядами лица коллег. Остальные молча переглядывались; два официанта-неразлучника что-то быстро показали друг другу загадочными жестами – как секретным кодом.

– Но что такое?.. Почему?.. – голос Мстислава звучал одновременно растерянно и умоляюще. – Тебе нужна помощь? Ты только скажи! Тебе просто нужен отдых. Ты ведь без выходных пахала!

– Нет, пап, – спокойно ответила Ева, – я правда устала от этого места. Всё это круто. Твой бизнес, твоя оригинальная идея... Но я больше не могу. Я хочу чего-то другого. Хочу свою жизнь.

Она вздохнула, взгляд её стал мягче.

– Ты знаешь, зачем я сюда пришла. Если бы не те события – меня бы здесь и не было. Я благодарна этому месту за всё. За исцеление. Но мне пора двигаться дальше. И, пап... у тебя есть замена. Люда. Лучше её я никого не встречала. Я останусь, пока полностью не передам ей всё, что знаю.

Мстислав молча кивнул. Роза на лацкане его малинового пиджака вдруг, как по команде, медленно опустила лепестки.

– Это твой выбор, дочь, – тихо сказал он. – Я не осуждаю. И никто не осуждает.

Все присутствующие быстро закивали. В глазах Люды блеснули слёзы – то ли от радости, то ли от грусти, понять было трудно. Мстислав Рувимович, глядя куда-то в пустоту, скомкано завершил собрание:

– Ну... тогда... обсудим ещё одну идею... тематической вечеринки... – начал он, но даже он сам услышал, как мрачно и неуместно это прозвучало. Никто не поддержал.

В этот момент в стеклянную дверь кто-то с силой забарабанил кулаками.

– У ВАС НАПИСАНО “ОТКРЫТО”, КАКОГО ЧЁРТА ДВЕРЬ ЗАПЕРТА?!

– проревел человекоподобный мешок картошки в грязной кепке и с красным лицом, сплюснутым, как стопка блинов.

Ева вдруг, впервые за весь вечер, улыбнулась – устало, но искренне.

– Я же говорила, – шепнула она, кивая на надпись.

– Я его обслуживаю, – твёрдо сказала Люда, вытирая глаза рукой. Она подошла к двери и повернула ключ.

Мужчина прошёл внутрь, не поздоровавшись. Он по-прежнему был в том же спортивном костюме и дырявых кроссовках, которые, казалось, могли развалиться в любой момент. Люда оглядела его с презрением, цокая языком и закатывая глаза. Под её взглядом посетитель бесцеремонно направился в зал, устроился на привычном месте и сразу же нажал кнопку “Hard”.

Глаза Люды заблестели. Она сделала шаг к двери и внезапно распахнула её.

– Эй! Чей мешок с мусором убежал? Он здесь! – крикнула она на улицу. Повернувшись к клиенту, она добавила с насмешкой: – Слышишь эту тишину? Никто не признается. Никому ты нахрен не сдался!

– Я много про ваше заведение в соцсетях прочитал, а ну, покажите класс! Начала ты неплохо!

– Жрать чё будешь? – перебила его Люда, не удостоив даже взгляда. – Для тебя тут только перхоть, с головы повара упала, когда готовил.

– Давай вот это – “Суп с голубиным помётом” и напиток “Пот ежа”.

– Для тебя сегодня специальное предложение: ожидание два часа. Если будешь хорошо себя вести – три.

– А повар ваш в напитки не плюёт?

– Много чести – слюну на тебя тратить.

– Ну давай, валяй без слюны.

Люда бросила на стол Вазгену заказ номер 0.

– Девочки, там Мстиславу неймётся, опять всех созывает, – послышался свистящий шёпот Хмыря. Ева вздохнула и поплелась к каморке, где все уже были на своих местах.

– Итак, ребята! – вещал Мстислав, его белые брюки, подвернутые снизу, собирали пыль с пола. Он был босиком, зато с красным цилиндром на голове.

– Вы придумали новую вечеринку? – спросил Вазген. – Если да, то не спешите, нужны все подробности.

– Знаете, какая самая страшная форма психологического насилия?

– Абьюз? Газлайтинг? Шантаж? Манипуляции? – посыпались разные версии из-за стола.

– Нет! Это – игнор! Лучше пусть на тебя накричат, пошлют и выставят полным идиотом! Пусть грубо скажут правду в глаза, чем относятся к тебе как к пустому месту! Когда человека игнорируют, он накручивает себе черт знает что, его съедают изнутри его же собственные мысли и чувство вины. Лучше поругаться, разбить пару-тройку тарелок, выпустить пар, родить истину в громком споре! Так вот. На наш юбилей мы устроим такую вечеринку. Имейте в виду, о её сути никто, подчёркиваю, никто из потенциальных гостей не должен знать заранее! Никаких упоминаний в соцсетях о концепции! Скажу об этом Адольфу, когда придёт, он ведёт аккаунт. Просто объявляем вечеринку и всё!

– Пап, ты перегибаешь. Ты же магистратуру по психологии закончил, знаешь же, что эта идея трэш полный и так нельзя, – протянула Ева. –

Может опять мамочек с детьми? Просто охрану поставим, чтобы их разнимали, и аптечками запасёмся. Или парней из гей-клуба! Ну, помнишь, я предлагала? Других гостей не предупредим, а геям скажем, что тут все геи. Круто же. А как же Клуб стариков? Имитируем очередь в поликлинику или в ЦОН, пусть друг друга от души матом кроют, а мы им еду будем прямо в очередь подавать? Ну пап, столько классных идей было! А ты хочешь какую-то ерунду!

– А мне нравится, – подал голос Гриша.

– Ну тебе-то понятно. Ты в принципе всегда так делаешь, – Ева повысила тон.

– Мне всё равно, – Вазген мирно поднял руки.

– Мне вечеринка уродов жестью показалась, и вообще, я здесь всего третий день. Если бы я отработала несколько разных вечеринок, может и сказала бы, а так – даже не знаю, – Люда развела руками.

– Нам пофиг, – крикнули неразлучники хором.

– И мне, – ответил Хмырь, ковыряясь в носу.

– Вот и отлично, значит все – за! – повеселел директор.

– Пап, пофиг это не значит “за”! Это значит – пофиг! В прямом смысле. Просто не хотят с тобой спорить. Просто пассивно соглашаются. Или своего мнения не имеют! Новеньких не касается, если что.

– Тогда решено! Вечеринке игнора быть! Все в режиме готовности! Как себя вести, я думаю, вы и так все понимаете, вы у меня умнички. Но листки с основными принципами такой вечеринки я вам всё равно чуть позже выдам. Так, давайте по рабочим местам, ребята, скоро придёт Адольф, мне ещё с ним нужно переговорить. К тому же, у меня сеансы – клиенты непростые: с тяжёлыми психо-эмоциональными проблемами. До встречи, ребята.

Коллектив дружно поднялся, и Мстислав, как обычно, занял своё рабочее место за столом в углу. Перед ним стоял ноутбук, пальцы быстро бегали по клавишам. Очки сползли на кончик грузинского носа, а широкие седые брови нахмурились, когда он погружался в экран.

– А про какие события ты говорила? Если не секрет, я не настаиваю, – спросила Люда, внимательно смотря на Еву.

– Да не секрет, – ответила она, – когда мамы не стало, четыре года назад, я долго отойти не могла. Я тогда только универ окончила, по специальности идти не хотела. Парень бросил, сказал, что я ною и его это бесит. А ведь мы помолвлены были. Собирались бизнес открывать, уже всё подготовлено было. Целый год в депрессии, и папа со мной работал, и другой психолог, не помогло ничего. Тогда я решила пойти в папино кафе официанткой. Здесь постоянно движуха какая-то, народ, да и заведение специфическое. Мне это реально помогло отвлечься, ну а потом я как-то прижилась, знаешь. С пацанами подружилась, а с ними не соскучишься. Постоянно нужно над чем-то думать: как ответить клиенту, какое название для нового блюда придумать, тематика вечеринок и всё такое. И этот умственный труд, как бы это банально не звучало, лечит. Но теперь я чувствую, что мне это больше не надо. Я здесь отработала своё. Я бы давно ушла, но так не хотела после себя пустое место оставлять. А тут ты пришла, – Ева грустно улыбнулась.

– Сочувствую по поводу мамы. Я тебя понимаю. Сама такое пережила, ещё в детстве, – Люда обхватила себя руками и вздохнула. – Ну ничего, движемся дальше, всё будет хорошо.

В этот момент из-за стойки раздался голос грузного клиента, который явно не собирался оставаться в стороне.

– Эй, девки! Вы ничего там не забыли?!

Ева зажала нос, вытирая руку о фартук.

– Нет. А вот у тебя явно память отшибло. О существовании ванной комнаты ты редко вспоминаешь. Сядь на место, а!

Мужик, кряхтя и сопя, как обиженный мопс, поплёлся к столу.

Полы в заведении блестели, отражая мелкие предметы и ножки столов. Но это ничуть не мешало уборщице в сотый раз методично проходиться шваброй по залу. Она бесстрашно провела ею и по ногам клиента.

– Эй, ты чё творишь, сука старая?! – возмутился тот, отпрыгнув.

– Не лезь к человеку, она моет. Ты и себя-то помыть не можешь, так что нефиг на неё орать, – парировала Ева, не поднимая глаз.

– Как-то слабо я ему нахамила, теряю хватку, точно, – засмеялась она, наблюдая, как мужик с тяжёлым грохотом плюхнулся обратно на место.

Его заказ принесли ровно через обещанные два часа. За это время он больше ни разу не возмутился и сидел молча, не считая бесконечного кашля и пыхтения. Девушки заскучали.

Вечером Мстислав раздал всем листки: концепция будущей вечеринки. Ева скривилась, читая ровные печатные строчки:

– Ну и что это за фигня? Значит, как только гости зайдут – не здороваемся, разворачиваемся и уходим. Если оскорбляют – молчим. Ходим тоже молча, ни на кого не смотрим. Заказы принимаем молча, не глядя на клиента. Просто записываем, что он говорит. Лицо – кирпичом. Это что, “Зомбилэнд” в формате кафе? Да это же скукота! Мы как ходячие табуретки! Никакой подготовки, никакой остроумной подачи, никакой атрибутики! Вообще ничего! Вечеринка уже послезавтра... Ну конечно, к ней же готовиться вообще не надо!

– М-да уж, – покачала головой Люда. – Выглядит... странно. Но раз уже всё утвердили, посты в соцсетях запустили, придётся делать. Тут написано: ни в коем случае не нарушать регламент, иначе всё пойдёт не так. За нарушение – штраф. Эх! Я только разогналась в освоении навыка оскорблений, а тут – игнорировать. Ну что ж... точно не соскучишься. Такое разнообразие!

Люда глубоко вздохнула. Свернула листок, убрала в рюкзак. В груди – будто воткнули кол, и кто-то медленно водил им в стороны. Наверное, усталость, решила она. Впереди выходной. И самая странная вечеринка в её жизни. Последней она станет не только для Евы.

Игнор не по плану

Стеклянная дверь была открыта настежь. Сверху висела гирлянда, но часть лампочек не горела. Деревянный стенд стоял пустым: все надписи стерлись, остались только белые следы мела. Никто не встречал гостей. В качестве музыкального сопровождения Адольф выбрал песни Моргенштерна, но включил их так тихо, что они больше напоминали фоновые шумы, чем музыку.

Люда пришла гораздо раньше назначенного времени. Протёрла столы, аккуратно разложила салфетки. На каждый стол положила свежий листок с новым меню. Вазген почти двое суток возился с новым шоколадным десертом, экспериментировал с желе. Люда приятно удивилась, увидев результат: десерт оказался чуть жидковатым, мутно-белым, с пузырями — напоминал не столько еду, сколько что-то из лаборатории.

Волосы она собрала в высокий хвост на затылке. Надела любимую голубую блузку с рюшами на груди. Синие обтягивающие джинсы подчёркивали изящные бёдра, а чёрно-белые кеды добавляли в элегантный образ нотку раздолбайства. Девушка улыбалась во всю свою брекет-систему, но внутри что-то сжимало. Щемило в груди, не давая вдохнуть полной грудью. Она снова списала это на волнение.

Бейдж она так и не носила – будто все давно забыли о нём. Она была яркой, заметной... но безымянной деталью этой системы.

К 19:00 начали подтягиваться гости. Люда с удивлением наблюдала, как разношёрстная публика заполняет зал: пожилые пары, мужчины в строгих деловых костюмах, девушки её возраста – такие разные, и все здесь, в этом

странном месте. Объединяло их только одно – заметная интеллигентность и вычурные манеры.

Мстислав Рувимович выглядел печальным. Сегодня он надел чёрный свитер, такие же джинсы и шляпу. Он стоял у стойки, вытирая носовым платком слёзы.

– Сегодня годовщина смерти моей любимой жены, – тихо пояснил он, заметив взгляд Люды.

Она сочувственно кивнула.

Все официанты сидели в каморке. Ева была в чёрной блузке, с красными глазами. Сегодня она не здоровалась и не разговаривала – не только с гостями, но и с коллегами. Её телефон непрерывно вибрировал, и каждый раз она судорожно хваталась за него.

Хмырь, как всегда бледный, стоял, скрестив худые жилистые руки на груди, и неотрывно смотрел на коллег. Длинные чёрные волосы он заплёл в хвост, став пугающе похожим на Дракулу.

Неразлучники просто сидели молча на соседних стульях. Бармены устроились рядом, в гавайских рубашках. Теперь глаз дёргался у обоих, но у Гриши – правый, для контраста. На его голове всё так же красовалась неизменная шапка.

– Ребята, сидим на местах, – сказал Мстислав, заходя в каморку. – Представьте, что вы ни при чём. Выходим только по сигналу.

Люда в это время подошла к одной из посетительниц.

– Так, мне коктейль “Козья лагуна”. Ну чего вы так смотрите, девушка? Восемнадцать есть! – клиентка, лет сорока пяти, с ярко накрашенными глазами и ужасной розовой помадой на тонких, как голодный червяк, губах кокетливо накручивала прядь чёрных волос на палец.

«Восемнадцать? Что именно? IQ? Количество партнёров за неделю? Или число нейронных связей?» – подумала Люда.

Её уши запылали. Она сжала кулак так сильно, что ногти больно впились в ладонь.

– Ты чё молчишь, выдра? Я выпить хочу! Закуску посоветуй! Что заточить можно?

«С твоими зубами – только полено», – мелькнуло у Люды.

Она молча взяла лист с меню, ткнула пальцем в раздел “закуски” и... приложила листок прямо к покрытому плотным слоем штукатурки лицу клиентки. Бумага жалобно зашуршала, прилипнув к толстому слою тональника.

Сердце Людмилы превратилось в отбойный молоток, грохоча где-то в горле. Дыхание сбилось: короткое, частое, словно у пса, сдыхающего от жары.

«Что я творю, чёрт возьми...»

– Ты охренела, шмара?! – заорала женщина. – Охрана! Где ваша ебучая охрана, говори! Чё молчишь, шаболда?! Ты меня, типа, игноришь?! За цены, что вы тут гнёте, могла бы и нормально отработать! Я два года прийти собиралась! Ждала, когда зарплату поднимут. Пришла – а тут хрень полная!

Тихий гомон, царивший в зале, стих. Посетители перестали изучать меню и обсуждать важные вопросы. Все, как один, обернулись в сторону девушек.

– Девушка, успокойтесь! – вмешался солидный мужчина лет пятидесяти, неожиданно появившийся рядом. — Вы же знаете, куда пришли! Это... ну... такое место специфическое. Здесь официанты *специально* ведут себя невежливо. Ну! Вы же знаете!

– Да знаю я, куда пришла! – рявкнула женщина. – У меня Инстаграм есть, я не с тайги вылезла! Но она... Она не невежливо! *Она никак!* Я у неё спрашиваю – она молчит! Она должна была меня матом крыть! А я – её! Я ж за этим пришла!

“Для этого к мужику своему иди, вам, видимо, не привыкать.”

– Так сегодня же вечеринка! Это значит, будет особенная тематика! Откуда вы знаете, вдруг это она и есть?

Люда бы с удовольствием растворилась в воздухе и стала бы мелким пеплом, который развеяли по ветру. Или насыпали в красивую керамическую урну. *«Сука, послушай умного человека. Мозгов своих нет – так хоть прислушайся к чужим»*, – думала она, с трудом удерживая взгляд. Всё равно что смотреть в стену, в пол или в окно – абстракция в каждом случае одинаково странная и отвратительная.

Клиентка, решив, что ее хватит на этом уровне, встала из-за стола. Её и без того широкие ноздри раздулись, как у гориллы перед дракой, а ростом она оказалась на голову выше Люды. Чёрное платье туго обвивало каждую складку на животе, будто присосавшись, и женщина напоминала гусеницу, готовую к чему-то крупному и неудержимому. Люда инстинктивно шагнула назад и вжалась в стену, частично заслонив собой неприличный рисунок, почти в её рост.

– Слышь ты, прислуга безмозглая! Пошли выйдем, поговорим, блядина! Я официантом десять лет работала, я знаю, как с клиентами общаться, айда научу!

– Девушка, девушка! Спокойно! Вы точно не поняли, куда попали. Даже если бы она вам хамила, вы не имеете права её трогать. Вот видите на столе, кроме меню, ещё один листок? Это правила и пояснения к правилам для клиентов. Прочитайте, пожалуйста.

– Мне похуй на ваши правила, она себя как мразь последняя ведёт!

– Девушка, перестаньте!

Но было поздно. Нарощенные розовые ногти гигантской гусеницы вцепились в волосы Люды. Та закричала и, инстинктивно отбиваясь, оставила на щеке соперницы под слоем тональника две глубокие царапины. Мужчина подскочил сзади и схватил гусеницу за туловище, но оттащить её оказалось не так просто. Несколько человек встали со своих мест, наблюдая за происходящим. Только двое крепких парней смогли удержать разгневанную женщину, и, держа её под руки, потащили к выходу. Люда смотрела им вслед сквозь пелену слёз. Два её спасителя – один в зелёной, другой в белой футболке с логотипом Reebok – с усилием тащили упирающуюся тушу на выход. На шум выбежал весь коллектив, первым, придерживая шляпу, подскочил Мстислав. Смотрев на остальных, он приложил палец к губам, требуя тишины. Все молча подчинились. Так же молча он схватил Люду за руку, повёл в каморку и жестом велел всем сесть. Его взгляд был строгим, когда он повернулся к дрожащей, бледной девушке.

– Так дело не пойдет, Людмила. Ты знаешь концепцию, ты не должна была обращать внимания на клиента. И вообще к нему подходить без сигнала. Из-за твоей ошибки вся вечеринка пошла на смарку. Теперь решай, как это можно исправить.

– Моей ошибки?! Вы серьезно? Она на меня накинулась, как бешеная! Я должна была стоять и ничего не делать?

– Ты могла спокойно отойти от неё, прийти сюда и попросить парней или Еву помочь. Но точно не вытирать ей лицо листочком с меню!

– Пап, успокойся! – вмешалась Ева, – она не могла ничего сделать! Эта баба неадекватная, у неё и с головой проблемы, и с алкоголем. Люда здесь пострадавшая, а не виновная. Она могла пострадать, если бы не схватили её. Неизвестно, что бы дальше случилось. Этот момент ты в своей концепции не продумал. Пожалуйста, не начинай опять. Ты же сам знаешь – такой контингент у нас хоть редко, но попадает. Нужно проще относиться.

В этот момент из колонки раздался громкий шлепок: кто-то выбрал уровень “Hard”.

– Я сам пойду обслуживать. А вы смотрите, как надо, если не поняли! – резко сказал Мстислав и вышел из комнаты.

– Люда, не обращай внимания, его каждый год в этот день “накрывает”, начинает дурить. Что он выкинет, невозможно предсказать. Ты не переживай, он завтра об этом даже не вспомнит, – тихо сказала Ева, не отрываясь от телефона.

– Он не вспомнит, но я-то помню, – плакала Люда, – она могла меня побить, и что, я бы ещё и виноватой осталась?! Спасибо, что за меня вступилась, но я не смогу это терпеть!

Звуки вызова официанта продолжали беспрерывно рваться из колонок, официанты вместе с директором уже метались по залу, а бармены не успевали разливать напитки. Музыка играла всё громче, дверь по-прежнему оставалась открытой настежь.

Кто-то уже танцевал прямо посреди зала, гости развлекались и совсем не обращали внимания на поведение официантов.

– Кого ты из себя строишь? Стройматериалы-то уже не те! – две пожилые женщины активно виляли бедрами в цветных юбках под “Кадиллак”. Между ними танцевала уборщица с шваброй.

– Гуляй, ископаемое, пока шарниры на ходу! – кричала вторая, вертясь вокруг уборщицы.

Мстислав Рувимович ходил между столиками, скрестив руки за спиной. Он смотрел в пол и тяжело дышал.

– Эй, мужик! Вилки тащи! Мне что, руками есть, или ты сам меня с рук кормить будешь?!

Мстислав просто продолжал свой путь. Что было у него на уме, не знал даже он сам. Он нарезал круги от столика к столику, бубня себе под нос странные слова. Его морщинистое лицо то краснело, то бледнело, то становилось цвета спелой сливы.

— Э, щенки! Вайляйте “Дохлый ананас” и “Выделения бабки”! Водки туда побольше! Я проверю, сколько льёте! – мужик в тёмных очках с короткими светлыми волосами орал на барменов. Его золотой зуб сверкал ярче софитов. Парни стояли спиной. У Стёпы в наушниках гремела музыка, уже не медитативная.

– Э, вы что, сосунки?! Не слышите?! Я говорю, коктейли месите давайте, гондоны дырявые! Там ваш начальник ходит, если будете хреново работать, подойду – скажу, вам задницы надерут, без премии останетесь оба!

Гриша не поворачиваясь, взял ананасовый сироп с настенной полки. Глаза клиента налились кровью.

– Я не знаю, что у вас за приколы, парни, – хрипел он, – но я не позволю молокососам так обращаться с собой. Вы что, о себе возомнили, скоты проссанные?! Эй, я к вам обращаюсь или к стенке?! Таблетки поверните, с вами клиент разговаривает!

– Эй, ребята, сделайте мне “Розовую шмоньку”, – рыжеволосая девушка в белой мини-юбке с разрезом и коротком серебристом топе на тонких лямках облокотилась на барную стойку. Мужик, забыв о возмущении, уставился на неё. Она ткнула красным ногтем в сторону настенной полки:

– Только с клубникой не переборщите, а то приторно будет, окей? Эй, вы меня поняли, вы, два дебила?

– А они не разговаривают, девушка, у них рты чем-то заняты, наверное, брали в них недавно, – мужик блеснул зубом в сторону девушки.

– В смысле? – два зелёных глаза уставились в лицо собеседника.

– Я уже ору. Вижу, что слышали, коктейль мой мешают, но молчат, падлы.

– А, ну значит точно! Мы с подругой заметили, что обслуга тут сегодня молчит. Ещё поржали, что это они специально. Ну, походу, и правда специально, чтобы нас позлить, но вы не ведитесь! – девушка махнула рукой, – просто расслабляйтесь. Меня, кстати, Марина зовут.

– Люда, возьми себя в руки! Пойдём работать, там уже народу много!

– Я не смогу, Ева. Меня обвинили ни за что, ещё и штраф выпишут, всё из-за какой-то сучки недотраханной! Это несправедливо!

– Люда, я тебе говорю, он завтра забудет, не будет никакого штрафа! Поверь, мне и пацанам ещё не так доставалось! Пошли, говорю! Все уже поняли фишку, никто ничего не скажет.

– Ева! Там Мстиславу плохо! В уборной на полу лежит, в конвульсиях бьётся! Что делать?! – выпалил Хмырь, ворвавшись в каморку.

Пробегая по залу, девушки ловко лавировали среди танцующих тел. Несколько раз Люда наступила кому-то на ногу, а кому-то даже на руку. В уборной их ждало жуткое зрелище. Мстислав действительно лежал на полу, его тело изгибалось в странных судорогах, изо рта лилась пена. Шляпа валялась у ног.

– Так, Хмырь, стой у двери, никого не впускай.

– А как же концепция?

– Ты debil? Дверь закрой! – кипела Ева.

– Папа, лежи, не шевелись! Голову набок, вот так вот. Люда, звони в скорую.

– Я уже звоню, – Люда держала телефон возле уха, слёзы катились из её опухших глаз.

– Блин, хоть бы успели приехать, у него такое не впервые! Это не эпилепсия, не сердце, вообще неизвестно что, в тот раз сказали. И закончится может тоже хрен знает чем, – шептала Ева дрожащими губами.

– Эй, в смысле нельзя в тубзик? Ты ничё не попутал, придурок?

– Стой тут, сказал! Там человеку плохо, тебе непонятно, что ли?

– Да, мне непонятно, какого хера ты здесь бычишься?

Из-за двери послышался ор, визг и грохот. Неизвестный, похоже, собирался снести стену и заодно голову Хмыря.

– Люда, тревожная кнопка на баре! Если там совсем всё хреново – жми!

Люда кивнула, выбегая. Там всё было хреново. Хмырь лежал на полу, из его носа ручьём текла кровь. Вокруг его головы разрасталась красная лужа. Он был без сознания. Рядом с ним стоял рослый парень с взъерошенными светлыми волосами и безумными блеклыми глазами. Он схватился за голову и издавал нечленораздельные звуки. Его белая футболка Reebok, была испачкана красными пятнами.

– Ты что наделал?! Ты его убил!!!

– Да не убил, хорош визжать, уши болят! Врезал как обычно. Оклемается. Иди отдохни, девочка.

Люда не теряла времени, и через секунду оказалась за баром.

– Пацаны, кнопку жмите! Где она?!

– Что за кипеш, какая кнопка? – вся левая сторона лица Стёпы дергалась, словно создавая развлечение для прыщей.

– Тревожная!

– А зачем? – тормозил он.

– Ааа!! Где Гриша?!!

– Я тут! Я уже нажал, Люда! – голос бармена слышался откуда-то с пола.

– А что случилось?

– Там жёсть, – орала Люда, перекрикивая музыку. – Мстиславу плохо, Хмырь без сознания! Его какой-то козёл побил! Ева с Мстиславом! Мне надо идти, следить, чтобы в туалет никто не зашёл!

– В туалет никто не зашёл? – тупо повторил Гриша, нахмутив брови.

Люда побежала обратно. По дороге она столкнулась с Адольфом, который мчался к бару, как ужаленный.

– Уже вызвали всех, – бросила девушка на ходу.

– Ты про скорую и охрану? – схватил её за плечо Адольф.

– Да.

– У нас есть ещё одна проблема.

– В смысле?!

– В каморке пахнет дымом, как будто проводка горит, надо срочно электрика вызывать! Я Мстиславу неделю уже талдычу: проверь проводку, особенно перед вечеринкой! Нет, он с бухты-барахты тусовку затеял! Тьфу, блин!

– О, Господи! Вы это серьёзно?

– Я на шутника похож? Всё, давай, времени нет!

Босые пятки Адольфа засверкали в сторону каморки.

– Ева, ну как он?

– Плохо, кажется. Он не шевелится, не дышит!

– Тихо, тихо, не плачь, всё будет хорошо, слышишь меня? Врачи уже едут.

Люда обняла подругу и погладила её по мягким волосам.

– Аа! Здесь труп!! Светка, вызывай ментов!

– Да какой труп, это приколы у них такие!

– Да нет, это реально парень лежит!

– Девушки, идите по своим делам, всех уже вызвали! – выглянула Люда.

Она села на пол, обхватив колени. Ева лежала рядом с отцом, молча уставившись в белый потолок. Её ослеплял свет люминесцентных ламп. Она не моргала, впитывая этот свет в свои глаза. “Одна боль заглушает другую,” – звучала мысль в её голове. “*А что за запах? Вазген на кухне что-то сжёт? На него не похоже...*” – пронеслась ещё одна мысль в затуманенном сознании. Над ней кто-то навис. Человек в медицинской маске. Сквозь туман в глазах она разглядела добрые карие глаза.

– Девушка, вы меня слышите? Вставайте, здесь опасно, нужно срочно покинуть помещение, – приятный, почти дикторский голос звучал рядом с её ухом.

Её поддерживали под руки двое мужчин в белых халатах. С ужасом она вдруг поняла, что туман – это не её зрение. Это дым. Всё помещение кафе её отца было охвачено едким, густым дымом. Крепкие парни в бронежилетах с нашивками “Security” скрутили парня в белой футболке и вели его к выходу сквозь клубы дыма. У входа стояли две машины “Скорой помощи”, оглушая округу резким звуком синих мигалок. В каждую из них загружали носилки. Еву посадили рядом с отцом.

Реанимационные мероприятия начались уже в машине. Девушке оставалось только молиться.

Задыхаясь от дыма, Люда бежала прочь. Скорая и охрана уже исчезли в подворотнях, и лишь слабый, удаляющийся звук мигалок и шуршание шин напоминали о их недавнем присутствии. До приезда пожарных она помогала выводить людей из помещения, присоединившиеся прохожие тоже помогали. Кто-то из них вытащил и обессиленную Люду, ровно за минуту до того, как кафе охватило пламя.

– Ты же с Евой работаешь? Мы с ней опять встретиться завтра вообще-то собирались. Вижу, не состоится встреча. Давай подвезу, я на машине. Это кошмар, конечно, что у вас такое случилось. Ты как? Может, в больницу?

– Нет, не надо, я в порядке. Домой, так будет лучше. У меня ещё есть планы. – Как твой лоб? Не сильно тогда о столб прилетело? – вдруг вспомнила девушка.

– Об этом я в тот день думал в последнюю очередь, – сказал атлет, открывая дверь новенькой “Хонды”. Он косился на дверь кафе: оттуда, как ни в чём не бывало, вышла уборщица со шваброй в руках.

В тот момент в голове девушки возникла идея. Когда они подъехали к дому, эта идея превратилась в чёткий, понятный план.

Эпилог

Она сидела на кровати, читая документы из банка. Тех денег, что она накопила, не хватало, но, к счастью, банк одобрил ей небольшой кредит. Она сосредоточенно водила глазами по строчкам, буквам и цифрам, которые определяли её будущее. Вся небольшая комната была завалена атрибутами подготовки к ближайшим нескольким годам её жизни: пока это были лишь бумаги – план, проект, наброски. Она держала в руках листки, которые долго лежали на балконе, но так и не проветрились от запаха гари.

Из горла вырвался приступ кашля, в нос будто насыпали пепел. Волосы пришлось остричь, и теперь две русые косички едва доставали до плеч.

– Так, так и запишем: десерт “Рвота оленя” – из желе, с мелкими частичками перетёртых ягод и орехов. Мутно-белый, внутри чуть жидковатый.

Рядом с ней завибрировал телефон.

– Алло. Нет, пишу ещё. Я план составила, теоретически всё готово, сейчас буду обзванивать. А ты все купил?

– Да, почти. Приеду, расскажу, удивишься, как дёшево урвал. У меня через час тренировка, нельзя режим нарушать, а то вернусь в прошлую круглую форму. Потом сразу к тебе. – Всё, давай, жди меня!

– Окей, до встречи, целую.

Она положила трубку и набрала другой номер.

– Алло, здравствуйте. Я по объявлению. Да, помещение нужно. Под кафе.

Часть 2.

Тебе здесь не рады.

Она стояла за барной стойкой. На деревянной столешнице лежала потрёпанная кожаная папка, с потёртостями на сгибах. Из папки торчали прозрачные файлы. Они липли к пальцам и легко рвались, стоило только надавить ногтём чуть сильнее.

“People equal shit...” – тихо лилось из колонок. Тёплый, ровный баритон заполнял пространство, тянулся вдоль стойки, оседал в углах.

Девушка сунула нос в платок. Не помогло. Едкий запах краски уже жил у неё в носу своей жизнью: щипал слизистую, оседал на нёбе и делал вкус кофе похожим на растворитель.

– Говорила же ему: не надо эту ПФ-115 брать, – бубнила она в платок, ведя пальцем по строчкам. – Задохнутся все. Начиная с меня. Неделью проветрить не могу.

Палец замер.

– Так... “Вода из бачка”... “Помой”.. “Слюни барана”... “Моча наркомана”... Всё перепутано – цены, ингредиенты! Ничего доверять нельзя!

Справа от стойки грохнуло так, что дрожь пошла по полу.

В вошедшего тут же прилетела большая капля воды. На этот раз повезло. Рост у человека оказался подходящий: струя “плюнула” точно в лицо, без брызг и промаха.

– Что за... – мужик осёкся на полуслове.

Он был похож на деревянный шкафчик: широкий, угловатый, явно не для интерьеров, а для хранения чего-то не особо важного. Морщась, он

вытирал щетинистые щёки рукавом олимпийки. Под тусклой лампочкой лысина на его макушке блестела как глазированный пончик.

– Эй! – рявкнул он, заметив девушку. – Это что за фигня?!

– О, привет, – отозвалась она, не поднимая глаз от файлов. Палец продолжал ползти по строчкам. – Клиника пересадки волос через дорогу. Ты, видимо, дверь в спешке перепутал.

Она мотнула головой куда-то себе за спину – на автомате, как показывают выход в случае пожара.

– Я не понял, – нахмурился мужик, – вы почему огрызаетесь, девушка? У вас тут что вообще за место?

Принюхиваясь, он оглядел помещение. Стены больнично-болотного цвета давили на голову. На подоконнике доживали свой век фиалки. Они ещё держались, но уже явно строили планы на достойную смерть.

Сразу от двери, сверкая крахмальными скатертями, выстроились маленькие столики. Достаточно было сдвинуть стул сантиметров на десять ближе к входу – и следующий посетитель гарантированно влетал в него коленом.

Девушка молчала.

– У вас кафе, ресторан или чё это вообще? – мужик прокашлялся и снова принялся. – Новое что ли? Эй! Ты глухая?!

– Кафе, – спокойно ответила она. – Мы тут кормим, поим и унижаем. Иногда – одновременно.

Она сделала паузу, перекатывая во рту жвачку.

– Если что-то не нравится, где дверь – ты уже понял. Если жрать будешь – вот стол, там меню.

Она ткнула пальцем в сторону столов.

Карие глаза мужика дёрнулись. Он попятился, озираясь, и через секунду с громким хлопком рухнул на стул – так садятся только люди, у которых внезапно отказали ноги.

Едва коснувшись кожаной папки, он тут же одёрнул руку. С омерзением, даже не глядя, принялся тереть пальцы о штаны. Салфеток на столе, разумеется, не было.

Папка была заляпана чем-то скользким, маслянистым и, по всем признакам, оставляющим несмываемые следы. Посетитель выругался вслух и отшвырнул её. Папка ударилась о белый кафельный пол с влажным шлепком. Он потянулся к соседнему столу – до него было рукой подать в прямом смысле. Но и там его ждало ровно то же самое. Та же кожаная папка. Та же маслянистая гладкость. Папка скользила между пальцами, как живая. Благо хоть не пахла – и на том спасибо.

С трудом зафиксировав предмет на столе, мужик снова выругался и уткнулся в меню. Через пару минут медленного, осторожного листания гнев стёк с лица сам собой, сменился сосредоточенным сопением, а потом и вовсе тихим, сдавленным кряканьем. Он перечитывал названия, шевелил губами и, кажется, даже не моргал.

– Эй! Десерт “Мусорный бак” несите! – рявкнул он. – Большую порцию! И кофе, вот этот... “Из канализации”!

Девушка не шелохнулась. Сидя на том же месте, она недовольно закатила глаза – медленно, с задержкой в верхней точке, чтобы он точно успел заметить. Резкими, быстрыми движениями она отдирала с плёнки ценники. Ноготь срывался, оставляя на тонких файлах дыры с рваными краями. Тихо матерясь, девушка заклеивала их новыми ценниками.

– Эй!..Официантка! Как тебя там? – мужик поднял руку, как отличник за партой. – Хоть бы бейдж прицепила.

– Щас сделаю, хватит визжать! – бросила девушка, отшвырнула ценники и поднялась со стула так, что ножки скрипнули по кафелю. – Я слышала, не глухая.

Громко топая, она скрылась за маятниковыми дверями кухни.

– Чёрт... Где эти дурацкие банки... А, вот.

Серые макеты мусорных контейнеров с надписью “Отходы класса А” стояли на самой верхней полке. Девушка придвинула стул, забралась с ногами, потянулась, схватила один контейнер и стащила вниз, недовольно цокая. Вскоре он наполнился тёмной, асфальтового цвета крошкой. Между крупинками торчали цветные, неаккуратно нарезанные ломтики фруктов – кривые обрезки, похожие на то, что обычно летит в ведро. К десерту прилагалась маленькая ложка в форме лопаты. В завершение девушка щедро залила всё карамельным сиропом. Не для вкуса – для дизайна. Тёмная крошка просела, впитала сладкую струйку, и десерт заблестел, как свежаасфальтированная дорога после дождя.

Когда загудела кофемашина, к ней тут же подключился телефон – настойчиво, в наглую, вклиниваясь в общий шум.

– Алло? Что случилось? Я работаю! – она зажала трубку плечом, продолжая возиться с посудой. – Ты ценники неправильно наклеил, всё переделывать пришлось...

– Люда! У меня классная новость! Я номер Вазгена нашёл! Не спрашивай как, – голос в трубке задышался от восторга. – Сейчас скину, позвонишь.

– Может, ты сам позвонишь, а? – Люда поморщилась, отставила чашку и потёрла переносицу. – У меня беготня целый день. Я тут и официант и повар, и юрист и таксист. А ты где вообще?

– Люда, у меня соревнования через неделю, – голос сменил тон на ноющий и тягучий. – Ну прости, солнце! Я обещаю, попозже приду!

Она молчала секунду, глядя в одну точку на стене. Потом выдохнула.

– Ладно. Сама позвоню. Давай, пока.

Она ткнула кнопку отбоя. В воздухе держался крепкий кофейный аромат. За окном дрались двое, щедро награждая друг друга самыми изощренными эпитетами. Где-то вдалеке, за бараками, лаяли собаки. Дождь лупил по стеклу – ровно, бездушно, как метроном.

Телефон снова завибрировал.

– Да что ж вас всех прорвало, – процедила Люда сквозь зубы.

– Алло?

– Людмила, здрасьте, – собеседник заикался и гнусавил, растягивая слова, – это рекламное агентство “Бро и Ко”... Мы изготовили вашу вывеску, но случилось недоразумение...

– Какое? – Люда сглотнула.

– Часть хомяка...отсутствует.

– В смысле отсутствует? – она замерла с чашкой на полпути к столу.

– Форс-мажор... Вывеску уже погрузили, и мы только сейчас заметили... у нас тут, понимаете, завал, заказов много...

– Да мне плевать, сколько у вас заказов! – Люда сжала губы. – У меня тоже завал! Я тут одна, между прочим! Что с моей вывеской случилось?!

– В общем... – собеседник засопел в трубку. – Наш дизайнер, он стажёр ещё. А у нас аврал жуткий. Программа глюкнула, когда файл на резку отправляли. Он не заметил. Файлы с деталями не загрузились. Долго объяснять... Короче, хомяк не в кепке. А с залысиной...небольшой.

– О боже... – Люда приложила ладонь ко лбу.

– Мы приносим извинения... Всё переделаем за свой счёт, но это займёт время...

– Везите то, что есть! – рявкнула она. – Нет у меня времени! Техническое открытие уже прошло, завтра официальное! Тянуть нельзя – пусть у хомяка хоть жопа отвалилась! Пока такой повисит!

В трубке повисла пауза.

– Хм... – собеседник замялся, – понимаете, дело в том, что и жопы у него тоже нет... То есть, это не жопа, а как бы часть от нижней части, где ноги начинаются. Говорю, программа глюкнула, вёрстка полетела... Слои с кепкой и нижней частью наложились не на тот макет... Кхм... В общем...

– Да блин! – перебила Люда, – плевала я на подробности! Везите что есть, некогда болтать!

Люда закинула телефон в карман фартука и вылетела в зал, впечатав пятку в маятниковую дверь. Та горестно скрипнула, качнулась туда-сюда и замерла.

Клиент сидел на том же месте, лениво обводил взглядом стены, потолок и остатки фиалок.

– Что-то вы, девушка, долго. Там заказ-то мелкий, могла бы побыстрее.

– Воду из канализации выкачивала. Для кофе! – Люда выдохнула сквозь зубы и швырнула посуду на стол.

Быстрым шагом она вернулась за барную стойку под заливистое ржание – мужик сидел с телефоном в руках, направив камеру на стол.

– Снимаешь, значит, – буркнула она себе под нос, втыкая наушник. – Хоть бы лайки потом накинуд, мудак.

Через полчаса входная дверь распахнулась. Капля шлёпнулась точно в грудь вошедшему.

– Девушка! – крикнул он, потирая мокрое пятно на рубашке, – у вас тут потоп что ли? Принимайте.

Он махнул рукой в сторону улицы. За дверью двое коренастых парней в бейсболках опустили на крыльцо огромный лист пластика. Один из них вытирал пот со лба, кивая в знак приветствия. Другой держал наготове шуруповёрт, нетерпеливо постукивая им по ладони.

– Смотреть будете?

Люда подскочила со стула и молча выбежала на крыльцо.

– Блядь!.. – вырвалось у неё. Громко, с хрипотцой.

– Что-то не так? – парень с шуруповёртом перестал стучать.

– Вы ещё спрашиваете! – голос Люды сорвался на визг, – что это за хрень?!

– Да мы откуда знаем, – пожал плечами парень, – мы монтажники. С нас спрос маленький: привезли, повесили. Все вопросы к менеджеру. Ему и звоните.

Люда перевела взгляд на вывеску.

“Кафе “ХАМстер”. Тебе здесь не рады” – кричали красные кривоватые буквы над головой полулысого хомяка. Макушка блестела, как после стрижки газонокосилкой. Пухлое тельце заканчивалось короткими ножками, между которыми зияла пустота – там, где полагалось быть продолжению, просто белый пластик и смутные очертания того, что не доехало. Маленькая лапка без тени смущения показывала средний палец. В правом нижнем углу едва заметно серел водяной знак: “Рекламное агентство “Бро и Ко”.

Девушка схватила телефон. Пальцы скользили по экрану – мокрые и липкие, она смахивала слёзы и раз за разом промахивалась мимо иконок, попадала не в те приложения, ворчала и тыкала снова.

На ступеньках парни сбились в кучку. Один чесал затылок под бейсболкой, другой смотрел в небо, третий – в мокрой рубашке – разглядывал свои кроссовки с таким видом, как будто видит их впервые. Они тихо перешёптывались, но Люда не слышала слов – только гул, от которого хотелось провалиться сквозь ступеньки.

После неизвестно какого по счёту гудка Люда беспомощно ткнула кнопку сброса и уставилась на потухший экран.

– Время час дня, – подал голос парень в рубашке. Он постучал пальцем по запястью. – У них обед по расписанию. Не перезвоните. Нам, кстати, тоже на обед уже пора.

Люда шмыгнула носом. Посмотрела на вывеску. Потом на парней. Потом снова на вывеску.

– Ладно... Хер с вами. Вешайте что есть.

– А по-моему, для вашего заведения очень даже ничего, – хмыкнул парень с шуруповёртом.

Люда бросила взгляд – короткий, злобный, без единого слова – и исчезла за дверью.

Мужчина сидел на месте и активно делал контент. Телефон он держал двумя руками, наклоняя корпус то влево, то вправо. Когда Люда вошла, он бесцеремонно устоял на её поверх экрана – даже не отвёл взгляд, просто проводил от двери до стойки. Вслед доносились звуки с улицы: маленький шуруповёрт рычал, как взбешённый перфоратор, парни громко спорили, щедро приправляя реплики матом. Лестница жалобно скрипела под чьим-то весом, кто-то крикнул “Держи, держи, ёб...” Среди всей этой какофонии из колонок лилась музыка, а мелкий дождь бил по стёклам – безмятежно, как маленький островок спокойствия.

Дрожащими пальцами Люда занесла номер в телефонную книгу. Она долго тыкала кнопки, печатала и стирала.

“Вазген, здравствуйте. Это Людмила, мы с вами в “Хамкафе” работали, с Евой. Помните? Вы нашли работу? У меня к вам интересное предложение. В вашем стиле. Вам понравится.”

Нажав “отправить”, она отшвырнула телефон на стойку. Он проехал по гладкому дереву, стукнулся о чашку и замер.

Может, зря. Мало ли что... – пронеслось в голове.

Она выбрала помещение на другом конце города, куда вряд ли случайно забредут старые знакомые. В соцсетях внимательно следила за тем, кто подписывается. В парикмахерской попросила “потемнее” и долго смотрела на себя в зеркало, когда мастер смыла краску.

По вечерам Люда раскладывала на столе тетради с рецептами и конспекты с поварских курсов. Жирные пятна на страницах появлялись быстрее, чем записи.

Артур заглядывал ненадолго – притащить банку с краской, переставить пару столов, бросить на ходу “Всё норм, прорвёмся” и исчезнуть до следующего раза. Люда оставалась одна: с плитой, меню и мыслью: первое время придётся всё тянуть самой.

Отдельно лежала другая тетрадь – с записями доходов и расходов. В двух колонках цифры сразу выдавали результат: правая, с расходами, расплзалась и росла, левая так и оставалась короткой и аккуратной.

Иногда она засыпала прямо за столом или барной стойкой – щекой на странице с рецептами, носом в жирное пятно. А на следующий день просыпалась и дописывала новую строчку в правой колонке.

Ответ от Вазгена пришёл через несколько минут.

“Привет. Конечно, помню. Не знаю, что у тебя за предложение, но оно вряд ли будет интереснее моей новой работы в ресторане “Царский”. Удачи”.

Люда тяжело выдохнула. Ресторан “Царский” – самое дорогое заведение в городе. Со своей мрачноватой забегаловкой ей туда было даже не заглянуть, не то что тягаться.

– Чего грустишь-то, красавица? – голос возник над ухом. – Или это лицо – тоже часть вашей концепции?

Девушка вздрогнула и уставилась вверх. Над ней нависал “шкафчик”, растянув губы в довольной ухмылке.

– Да так. Не твоё дело. Работников ищу, – бросила она.

– А кто нужен-то? – мужик подошёл ближе, опёрся локтём о барную стойку. – У меня племянник работу ищет. Малой совсем, только колледж окончил, на высшее не поступил, не хочет.

Ерундой какой-то занимается, сестра его на работу гонит. Он много не попросит, лишь бы пристроен был.

– Ладно, записывайте номер, – устало протянула Люда.

– Только он, как сказать...слегка со странностями.

– Мне такие и нужны, – усмехнулась Люда.

Мужик махнул на прощание – широко, по-свойски, будто они теперь чуть ли не родня. Оставил на стойке несколько мятых купюр, сверху бросил мелочь из кармана, не считая, и скрылся за дверью.

Люда покосилась на кассовый аппарат. Рука потянулась к кнопкам, зависла на секунду, дрогнула и упала. Она быстро сгребла деньги со стойки, сунула в карман фартука, потом передумала, достала из-под бара рюкзак. Монеты со звоном упали на твёрдое дно.

Вечером пришёл Артур. Уставший, но с довольной улыбкой. Он опёрся о барную стойку, оглядел зал. За дальним столиком сидела компания, со смехом листая меню.

– Эй, ты! – один из посетителей поднял руку и подозвал Люду пальцами, как собачку. – Обслуживающий персонал! Девочка по вызову! Тащи коктейли! Вот эти – “Пот в сапогах” и “Дерьмовочка”!

Люда даже не сразу повернулась. Сначала досчитала до десяти, ещё раз провела тряпкой по полке с сиропами, потом медленно, с ленцой, обернулась через плечо.

– Ты к бару подойди сначала! – крикнула она, перекрывая музыку. – Я ни хрена не слышу!

Из колонок без остановки лилось “*People equal shit*”. Баритон настырно лез в уши, и Люде пришлось повысить голос почти до визга. Парень что-то ответил, но слова утонули в гитарном рифе.

Артур хрипло рассмеялся, наклонился к самому уху:

– Ну что, хозяйка, отметим открытие? Давай и мне плесни коктейльчик!

– Во-первых, официальное открытие завтра. Во-вторых, у тебя же скоро соревнования. – Люда отстранилась, смирив его взглядом. – Ты спортсмен. Максимум – вода.

Артур усмехнулся, понизив голос. За последние дни он стал заметно грубее и ниже.

– Да брось. Вообще-то одно другому не мешает.

Он подмигнул и хлопнул себя по плечу – по слишком плотному, слишком выпирающему, где мышцы жили своей отдельной жизнью.

– Ты же знаешь, у меня всё под контролем.

Люда сжала стакан. На гладкой поверхности остались мутные разводы.

– Угу, – она покосилась на его щеку. Тональный крем – её, между прочим – лежал неровно, кое-где скатался, местами прыщи просвечивали розовым. – Как знаешь. Но один. Не больше.

Люда поставила стакан на стойку.

– Ты мне завтра помочь обещал. Сам понимаешь – народу будет, не протолкнуться.

Артур весело кивнул.

Люда машинально кивнула в ответ, и только через секунду до неё дошло – взгляд у Артура какой-то странный. Она потёрла переносицу тыльной стороной ладони и присмотрелась. В его глазах горел огонёк – слишком яркий для простой радости. Но голова уже гудела и она махнула рукой: мало ли, соревнования скоро, переживает.

Артур домыл посуду, бросил тряпку в угол и, сославшись на строгий режим, быстро собрался. У двери обернулся, подмигнул и исчез.

Люда осталась одна. За дальним столиком всё ещё гомонила компания – громко ржали над собственными шутками, делали селфи на фоне болотных стен. Люда откинулась на спинку барного стула, прикрыла глаза и просто слушала этот гул. Чужой, живой, идущий мимо неё.

На следующее утро Люда, продрав глаза после двух часов сна, пришла за час до открытия.

Вчерашние клиенты заказали всего по паре коктейлей, но просидели до полуночи. Когда Люда в третий раз подошла к ним и сказала, что технически кафе уже закрыто, а она хочет домой, один из них заржал так, будто она исполнила лучший стендап в его жизни.

– О, сегодня официантка в ударе! – объявил он остальным.

Второй захлопал в ладоши. Третий требовал повторить. Но не коктейль, а фразу.

– Ну-ка, ещё раз! Про “пора валить домой”! С той же интонацией!

Телефонные камеры пялились на неё весь вечер. Тыкали чёрными зрачками то лицо, то в руки с подносом, то в стойку, за которой она пряталась. Люду подзывали щёлканьем пальцев и свистом. То просили меню, то воду, то просто так – “для контента”. Один из них, нахальный худосочный тип с сальной улыбкой и неприятной щербинкой в зубах, тихо взял девушку за локоть и отвёл в сторону.

– Слушай, а ты это...продолжение можешь устроить? Ну, наедине. Потом рассчитаемся. Я же вижу – можешь. – Он шмыгнул носом и нелепо подмигнул.

– Что?! – Люда дёрнулась в сторону, уворачиваясь от его рук. – Руки убрал, уёбок сраный! Если мать твоя – шлюха, не значит, что все женщины такие.

– Эй, Димыч, успокойся, отстань от девки, тебе твоей мало, что ли? – друг, с лицом, будто его искусили пчёлы, развернулся на стуле. – Она щас амбала своего позовёт, он тебе еблет начистит. Оно тебе надо?

Димыч нехотя отступил.

Когда они наконец собрались, на столе остались только пустые стаканы, следы от донышек и тёмные разводы на белой ткани. Ни одной купюры. Расплачивались по счёту долго: выворачивали карманы джинс, трясли рюкзаки, искали по карманам курток. Монеты сыпались, звенели и падали на пол. Звук был такой, как будто в кафе залетела стая жестяных комаров и теперь билась о стёкла.

Утром Люда толкнула дверь и ненадолго застыла на пороге.

Красные буквы на вывеске ещё горели. Полулысый хомяк ухмылялся, кривовато, но нахально. В зале было пусто и тихо, как перед бурей.

Люда вытащила из кармана маленькое зеркало, взгляделась в отражение и поморщилась. Белки глаз были в красных нитях. Под глазами – тяжёлые тёмные круги, которые не перекрывала даже самая плотная пудра. Люда махнула рукой, швырнула зеркало и нехотя встала.

Она переделалась: простые джинсы, чёрная футболка, фартук. Волосы собрала в небрежную шишку на макушке и занялась залом. Поправила грязные сбитые скатерти – раз, другой, третий. Стулья стояли ровно, но она всё равно обошла каждый, проверила, хотя знала – сама вчера ставила.

Телефон вибрировал в кармане – настойчиво, короткими толчками. Люда вынула его, мельком взглянула на экран и тут же сунула обратно. Уведомления сыпались одно за другим: лайки, комментарии, репосты. “Ну наконец-то”, “Это будет жесть!”, “Мы придём толпой”. Каждое сообщение отдавалось где-то внутри неприятным холодком тревоги.

Она сжала губы и потянулась за следующим шаром.

Воздушные шары заполняли пространство постепенно: сначала один, потом ещё и ещё. Яркие, нарочито праздничные, они висели под потолком, цепляясь за углы, норовили выскользнуть из рук. Несколько штук, привязанные к стульям, слегка покачивались – беззаботные, как одуванчики на ветру.

На шарах плясали буквы.

“Спасибо, что пришли. Большие не надо”. “Мы стараемся. Но не для вас”.

Она со вздохом оглядела зал. У входа зелёным неоном светилась табличка “Место позора”. Ровно под ней стояли напольные весы – тяжёлые, старые, с большой круглой шкалой. Они бессовестно ввали – показывали больше, чем было на самом деле. Артур на днях поколдовал над ними – подкрутил что-то внутри. На все вопросы лишь улыбался и разводил руками: друг подсказал, инженерная магия.

Люда перевела взгляд на входную дверь.

Назад дороги не было. До открытия оставалось всего два часа.

Она развернула огромный красный баннер – тяжёлое виниловое полотно с острым запахом топографической краски: *“Мы открылись. Добро пожаловать отсюда”*.

Из кладовки Люда притащила лестницу, скотч и ножницы. Через несколько минут алое полотно уже висело над входом – неловко, вызываяще, как половая тряпка, вывешенная на просушку. Оно тянулось от носа хомяка и заканчивалось примерно на уровне лиц тех, кто решится войти.

Люда вытерла пот со лба и вернулась в зал. Бросила лестницу у барной стойки, недалеко от входа – там, где она всем будет мешать.

Папки с меню Люда методично промазала толстым слоем глицерина. Книгу жалоб положила на барную стойку, на самое видное место. Несколько страниц в ней уже были исписаны – разными почерками, с разным нажимом, но одинаковой интонацией.

“Официантка пожелала приятного аппетита. Наверное, была на эмоциях, но всё равно безобразие!”

“Больше не приду. Пусть радуется”.

“Очень плохо. Меня послали нахуй. Всего один раз!”

Она пролистнула книгу, кивнула сама себе и захлопнула обложку.

С музыкой она решила не усложнять. Просто воткнула флэшку в колонку, нажала кнопку – из динамиков тут же повалился звук работающей дрели. При необходимости всегда можно было сделать погромче. Чтоб сверлило не только уши, но и мозг.

Она достала телефон. “Привет. Ты где?” – холодные пальцы набрали сообщение.

Ответа не было. Она нажала вызов. В трубке потянулись ровные бездушные гудки.

– Чёрт... Он уже должен был прийти. Он же обещал, сказал – помогу. Ну где ты?

Едва она сунула телефон в карман, тот тут же бодро завибрировал – почти в такт мелкой дрожи в её руках. Люда вытащила его и ответила, даже не взглянув на экран.

– Алло, Артур! Тебя где носит, твою мать?! – слова вылетали рваными кусками. – Я сейчас открою, тут жопа полная будет, я не справлюсь! Быстро приезжай, я...

– Эм.. Девушка, здравствуйте.

Она замолчала. Из трубки лился чужой голос – тихий, грудной.

– Я понимаю, что у вас, это самое... жопа. Я насчёт вакансии. Мне дядька мой сказал, работники вам нужны... Когда прийти можно, поговорить?

Люда замерла. Потом медленно прижала тяжёлую ладонь ко лбу.

– О Господи... – выдохнула она. – Не знаю когда. Хоть когда. У меня сегодня открытие, я тут ни хрена не успеваю!..

– Это я понял, – спокойно ответили из трубки.

– Короче, хоть когда приходите. Я тут живу. Постоянно. Разберёмся.

Она ткнула кнопку отбоя и посмотрела на экран. Артур не ответил. Сообщение висело непрочитанным.

Люда обвела взглядом зал.

Окна, заляпанные снаружи осенней грязью, смотрели внутрь мутно и укоризненно, требуя мытья. Широкие подоконники выглядели не лучше:

пятна неизвестного происхождения расползлись по ним замысловатой картой, и горшки с умирающими фиалками больше не спасали – их просто не хватало.

Под ногами тихо, но настойчиво хрустело. Крошки въелись в щели между плитками, и каждый шаг отдавался сухим, противным скрипом.

Белые скатерти на столах оказались идеей красивой, но непрактичной. Вчерашние пятна въелись в ткань так глубоко, как будто их забивали молотком. Увы, антисанитария не вписывается ни в одну концепцию. Даже в эту.

Люда сгребла в охапку вёдра, тряпки и стопку новых скатертей. Работа началась быстро и без передышек.

Через час зал блестел. Её глаза – нет.

Ровно в двенадцать она открыла дверь. Не прошло и пары минут, как у входа слышались недовольные голоса:

– Это чё ещё за хрень?!

Кто-то уткнулся лицом в красное полотно, попытался одёрнуть его и тут же выругался громче. Полотно коснулось, лениво скользнуло по плечам и снова повисло поперёк прохода, как наглый стоп-сигнал.

– Мы вообще сюда или куда? Правильно вроде пришли. Вот крыльцо, хомяк. Ну и где вход?

В проёме нарисовались две тучных фигуры. Оба выше Люды на голову, если не больше. Она сидела на привычном месте, не меняя позы, и смотрела искоса, сверху вниз.

Первый шаг – и один из них резко дёрнулся, прижал ладони к ушам.

Гулкий бас ударил в стены и вернулся обратно, давя на виски.

– Я не пойму, – он перекричал звук из колонок, скривившись. – Вы работаете? Или у вас тут...ещё ремонт?

Второй кивнул, нахмурившись.

– В посте писали, что открылись.

Люда не шелохнулась. Дверь снова скрипнула – тихо, протяжно, словно собираясь впустить ещё кого-то. Красный баннер за их спинами тихо колыхнулся.

Люда чуть повернула регулятор громкости колонки. По залу прокатился яростный, раскатистый звук.

Мужики переглянулись. Круглые плечи синхронно дёрнулись вверх и так же синхронно опустились. Не сговариваясь, они развернулись и двинулись к выходу.

– Эй! Вупсень и Пупсень! – Люда привстала со стула. Голос взвизгнул, перекрикивая дрель. – Куда поёрлись?! Быстро на весы, по очереди! Я посмотрю и решу: кормить вас или нет!

Парни застыли. Спины напряглись, лопатки сошлись под куртками. Тот, что стоял ближе к двери, медленно повернул голову. Его глаза округлились так, будто их накачали насосом.

Он шагнул вперёд. Подошёл к весам, помялся, переступил с ноги на ногу и наконец взгромоздился на маленькую белую платформу – неуклюже, как на детский стульчик. Стрелка на шкале дёрнулась, качнулась и поползла вправо, останавливаясь где-то за сотней. Весы застонали.

Люда упёрла руки в бока. Наклонила голову и прищурилась, разглядывая цифры. Потом медленно, с чувством, покачала головой.

– Да-а... Нехило ты отожрался. Вы, я смотрю, с одного помёта.

Она скользнула взглядом по второму.

– Тебе можно не вставать. По тебе и так видно. Генетика.

У мужика на весах дёрнулась бровь. Он всё ещё смотрел на цифры глазами испуганной совы.

– Ладно, – Люда прищурилась, – за хорошее поведение накормлю. Только чур много не жрать, хватит уже! И не нагибайся, а то с твоими габаритами кто-нибудь решит, что это новый проход в сортир. Береги жопу.

Она мотнула головой в сторону стола, где сиротливо поблёскивала папка с меню.

– Вся жрачка там. Я это в руки брать не собираюсь.

Один из парней подцепил край папки кончиками пальцев и тут же скривился.

– Она... липкая, – выдавил он, смотря на свои пальцы.

– Значит, держи крепче, не роняй – бросила Люда, разворачиваясь, – чтоб наклоняться не пришлось.

Садились они медленно, с опаской. Сначала присмотрелись, потом опустили тяжёлые тела на стулья – те протяжно, жалобно застонали, но выдержали.

Сквозь рёв из колонки Люда уловила хихиканье. Она посмотрела краем глаза: папка переходила из рук в руки, пальцы отбирали её от ладоней с тихим, липким чмоканьем. Приглядываясь, они прыскали в кулак, как школьники над туалетным юмором.

– Эй! – один ткнул пальцем в сторону стойки, даже не глядя, просто в пространство. – Как тебя там... Неси закуску “Срань господня!” И кофе – “Для лохов”! Брату моему!

Люда даже не обернулась.

– Вам обоим подойдёт, – бросила она через плечо. – Сейчас.

Она метнулась на кухню. Дверь лениво качнулась за её спиной и с глухим стуком вернулась на место. Здесь было тихо. Хромированные столешницы отражали свет так, что резало глаза, белый пол скрипел от чистоты. На полках посуда стояла ровными рядами, без единого перекоса. В холодильнике царил тот же порядок: контейнеры выстроены по росту, свежие продукты разложены аккуратно, как на выставке сельского хозяйства.

Руки двигались сами, почти без участия головы. Пара движений – и закуска готова. Выглядела она ровно так, как и задумывалась: словно её уже начали есть, но передумали и отодвинули в сторону.

Нижним слоем на крупные тарталетки легло копчёное куриное филе, нарезанное без всякого плана и граммовки – как повезёт конкретному гостю и его судьбе. Поверх курицы, толстыми пластами, будто их кромсали тупым топором в плохом настроении, уютно устроились хрустящие солёные огурчики. Следом повалились обжаренные шампиньоны, щедро посыпанные зеленью. Отварные яйца, пропущенные через чеснокодавку, легли так, как сочли нужным сами, не признавая ни формы, ни иерархии. И увенчало всё это щедрое бесстыдное поливание майонезом – сверху, не размешивая, оставляя гостю право самому нарушить этот беспорядок.

Она расставляла тарталетки на подносе, и специально сломала край одной, а на другой убрала часть начинки. Пританцовывая под гул и равномерные щелчки кофемашины, она ловила крики из зала, сердце стучало в горле, отдавая в виски и желудок. Телефон вспыхивал уведомлениями, все из соцсетей, ни одного – от Артура. Дрожащими руками она взяла поднос. Две чашки кофе отозвались мягким стуком.

Выйдя в зал, она остановилась. Поднос в руках дрогнул.

Все столы были заняты. Все, до единого. К краям примыкали дополнительные стулья – гости сами перетаскивали их от стен, втискивали

куда могли, тесно прижимаясь локтями к соседям. Люда застыла. Взгляды обрушились на неё разом – множество пар глаз, настороженных и нахальных, скользили по её лицу, по рукам, по подносу. Из всех углов зала доносился смех – от тихого хихиканья до громкого хрипящего ржания, словно кто-то включил видео с дрессировкой лошадей.

– Эй, вы, долбоёбы! – закричала Люда, и её голос перекрыл все другие звуки. – Вы чё все припёрлись-то?!

Под дикий, нарастающий гогот она рванула к столу, продираясь между стульями, спотыкаясь о ноги.

Чашки с кофе и тарталетки шлёпнулись на скатерть, подпрыгнули, покатались – одна чашка звякнула о блюдце, другая остановилась у края, чудом не упав.

– Жрите! – выпалила Люда, развернулась и, ни на кого не глядя, двинула обратно за стойку. – Подавитесь.

Зал гудел, как потревоженный улей – только вместо пчёл здесь визжали, свистели и орали. Смех перемешался с возгласами, шуршанием, скрипом стульев. Люди переглядывались, тыкали пальцами в меню, обсуждали странные закуски, кто-то наклонился к соседу и шёпотом строил догадки, как это всё будет выглядеть вживую. На лицах читалось одно: “Что за хрень здесь происходит?”

Люда почувствовала, как сердце подпрыгнуло и застряло в горле. Она схватила пустой поднос и рванула к барной стойке – возле неё уже толпился народ, как на распродаже носков в базарный день. Одни тянули руки к меню, другие, перекрикивая гул, визжали и толкались локтями, выкрикивая свои догадки о “Сране господней” и “Мразотных” шотах. Кто-то просто стоял и ржал в голос, глядя на это безобразие.

– Эй, руки прочь! – командовала Люда, наотмашь отбивая чужую ладонь от шота, – это не тебе, говнюк!

Люда металась, словно её толкали от барной стойки до кухни и обратно. Крошки сыпались на пол, дрель из колонки гудела так, что вибрация сливалась с визгами и хохотом гостей. Люда неслась между столами, швыряла тарелки и выкрикивала едкие замечания – единственное, что хоть как-то удерживало её в состоянии, близком к разуму.

– Блядь! – вырвалось у неё, когда носок кроссовка врезался во что-то жёсткое.

Поднос дёрнулся, чашки глухо звякнули. Люда на секунду замерла, ловя равновесие. Она злобно перешагнула через лестницу и огляделась: гости спокойно проходили мимо, не задевая ни одной перекладины.

– Суки... – Люда прошипела и с размаху пнула лестницу. Та отозвалась металлическим звоном, удар прокатился по залу и утонул в шуме голосов.

Кофемашина на кухне была без пауз, давилась паром, скрежетала так, как будто в ней перетирали камни. Люда уже не слышала этого звука, он въелся в уши, поселился в затылке и пульсировал в такт головной боли. В воздухе стоял запах кофе, густой и липкий – он оседал на языке и в горле тошнотворным налётом.

Люда схватила чашку не глядя и через несколько секунд шлёпнула её на стол клиента. Кофе плеснул через край, тёмная лужица растеклась по белой ткани.

– Кофе. “С плевком”. Как просил.

– Я это не заказывал.

– Мне плевать.

Резко разворачиваясь, Люда вытерла пот со лба – небрежно размазала по коже. В этот момент из туалета вывалился грузный мужик – шагал он тяжело, раскачиваясь, как слон. Он без извинений наступил ей на ногу, хмыкнул и, не сбавляя хода, пошёл к своему столу. Люда проводила его взглядом – коротким, вязким, злым.

– Я к тебе вообще не подойду, ублюдок жирный, – прошептала она, скрываясь за дверью кухни.

– Эй, официантка! Ты где шляешься?! – заорали из зала. – Жрать неси, час уже ждём!

Шум нарастал, накатывал волнами, и каждая следующая накрывала с головой. Дверь хлопала без остановки – впускала, выпускала, снова впускала. Шары лопались с сухими хлопками, салфетки летели на пол. Седой мужик за дальним столом орал через весь зал, перекрикивая дрель и визг кофемашины.

Она юркнула в уборную, захлопнула дверь – и замерла.

Что-то было не так. Крышка бачка, обычно ровная и прижатая, съехала в сторону. Чуть-чуть. Из-под неё тянулась узкая тёмная щель – как приоткрытый глаз.

Одной рукой Люда задвинула щеколду на двери, другой потянулась к крышке бачка. Та не встала. Дёрнулась под пальцами, перекосилась и упрямо поехала в сторону. Люда замерла и только теперь посмотрела выше.

Кнопка смыва сидела криво. Кольцо вокруг неё не было закреплено – просто надето, на честном слове, съехав набок.

Люда сжала челюсть. По коже прошла дрожь – не страх, а злое, липкое раздражение.

Она перехватила крышку обеими руками. Холодная керамика тут же потянула вниз. Люда поднажала.

Вода в бачке деловито зажурчала, будто всё происходящее её не касалось.

Внутри царил странный, почти геометрический порядок. Но что-то было не так. Цепочка от спускового клапана – та, что должна просто болтаться и

ждать команды – оказалась перехлестнута с тягой поплавок. Хитрым, тугим узлом они были стянуты друг с другом, будто кто-то решил намертво соединить две чужие детали. Металл мокро блестел, сплетясь в неестественный, продуманный зигзаг.

Люда нажала на кнопку смыва. Раздался бесполезный, пустой щелчок. Она потрогала цепь – та была натянута струной, связывая две части механизма в мёртвый узел. Ни сорвать, ни дёрнуть. По спине девушки пробежал озноб: просто так, руками, она ничего не сможет сделать. Это точно не была поломка. Кто-то сделал это намеренно. Аккуратно и со знанием дела, с холодной головой и, кажется, с удовольствием.

Она отступила от бачка, отряхивая воду с пальцев и вытирая их о фартук – тот уже давно перестал быть чистым. Раздражение подступало комом к горлу. Чтобы починить этот чёртов узел, нужны инструменты и специалист.

Люда резко распахнула дверь и почти выбежала в зал, грохоча подошвами. Один короткий, злой тычок – и дрель оборвалась на полувизге.

Гул смеха и разговоров тут же стих. Люди замолчали, повернули головы. Десятки взглядов уткнулись в неё.

– Какая сволочь! – она рявкнула так, что голос хлестнул по залу. – Какая сволочь сломала сортир?!

В ответ зал взорвался хохотом.

– Это не смешно, говножуи ебаные! – она ткнула пальцем в толпу, не выбирая цель. – Ты. Да, ты. Думаешь, я не пойму? Ты здесь. И ты заплатишь. За всё.

Смех стал гуще. Несколько человек вскочили, зачем-то начали подпрыгивать, хлопать друг друга по плечам, как будто на празднике. С дальних столиков раздались аплодисменты.

Жирный мужик медленно потёк к выходу. Боком, с усилием, как будто тесто выдавливают из миски. Он так и не сделал ни одного заказа. Даже меню не попросил. Просто сидел и смотрел в стену.

Дверь приняла его не сразу. Сначала он вжался в неё животом, потом переступил порог и только тогда исчез за мутным стеклом.

Люда машинально глянула на часы. Стрелка подползла к вечеру. Значит – будет ещё хуже. А туалет – один.

Она вышла на крыльцо. Красное полотно больше не было баннером. Его утоптали, растянули, затёрли подошвами. Оно лежало под ногами, как ковровая дорожка с прихожей дешёвой общаги, давно потерявшая уважение к себе.

Люда подхватила его с пола и швырнула в сторону. Полотно хлопнуло о стену и упало на мокрую землю.

Вернувшись в зал, Люда с размаху дёрнула дверь – та хлопнула так, что дрожь прошла по стене.

– Так, придурки, в жопе зачатые! – звонкий голос Люды перерезал гул. – Жрите то, что есть, подавитесь и валите к чёрту! Заведение закрыто. Туалет не работает.

В ответ посыпались смешки, кто-то свистнул.

– Да не кипятись, мадам! – лысый парень в спортивном костюме откинулся на спинку стула. – Я могу и на улицу ссать бегать. Мне не в лом.

Люда шагнула вперёд.

– Я сказала: закрываемся! – голос сорвался на хрип, поцарапал горло. – Непонятно что ли?! Я серьёзно!

Глаза защищало, картинка на секунду поплыла – лица, шары под потолком, столы смешались в одно цветное пятно.

Она дошла до санузла и громко повернула ключ. В зале ещё гудели – но уже осторожнее, приглушённо.

До Люды доносились обрывки фраз – ленивые и злые.

– Ну и стрём тут...

– Да вообще. Я думал, как в “Хамкафе” будет. Классное место было, говорят, сгорело. А здесь тухляк. Ни разу не смешно.

Стулья скрежетали по грязному полу. На столах стояли нетронутые блюда, а к некоторым прикоснулись лишь едва.

Люди тихо поднимались с мест, пересчитывали деньги на ходу и клали их в руку девушки – ровно по счёту. Ни больше, ни меньше.

Она собирала молча. Когда последний клиент ушёл, Люда дождалась, пока стихнут шаги на крыльце, и только тогда опустила чёрную ролл-штору, отсекая стеклянную дверь от вечерней улицы, а помещение – от лишних взглядов.

Люда рухнула на первый попавшийся стул. В висках глухо билось, тело наливалось жаром и ватной тяжестью.

Она обвела зал мутным взглядом. Столы стояли заваленные. Грязная посуда, надкусанные бутерброды, липкие салфетки – всё это плавало в лужах пролитых напитков и раздавленных крошек. Белые скатерти потемнели, покрылись пятнами и потёками – их проще было выбросить, чем отстирывать.

В воздухе висел тяжёлый запах кофе, дешёвых духов и перегара.

Люда смотрела на всё это и чувствовала только одно: пустоту. Гулкую, тяжёлую, как тот звук, когда нажимаешь смыв, а бачок молчит.

– Ну вот, – сказала она вслух пустоте. – Открылись.

В дверь глухо постучали. Люда с трудом оторвалась от стула и шагнула к выходу.

– Мы закрыты! Нахер идите!

Слова вышли резко, на одном выдохе. Она упёрлась лбом в шершавую ткань шторы, задержала дыхание и тише добавила:

– Я серьёзно.

За дверью переступали с ноги на ногу. Послышался знакомый хрипловатый голос:

– Люд, это я. Ты чего закрылась?

Новенький

– Артур, твою мать...

Люда приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы в щель протиснулись нос и один глаз.

Артур стоял неровно. Его взгляд метался – от стены, в которую недавно врезался сброшенный баннер, к двери и обратно к Люде. Челюсть ходила ходуном.

– Эй, ты чего? – он усмехнулся криво. – Из роли не вышла, что ли?

Люда не ответила. Только отступила в сторону и коротко махнула рукой.

– У тебя тут что, бойня была? – присвистнул Артур, проводя ладонью по взъерошенному ёжику тёмных волос.

Он окинул взглядом зал – от потолка до пола, задержался на перевёрнутом стуле, липких столах, на сбившихся скатертях – и хмыкнул.

– Да. Бойня, – выдохнула Люда. – Сначала с клиентами. Потом с туалетом. Теперь вот уборка. И вывеска туда же. Не видишь, что ли?

– Я не понял, – Артур резко развёл руками. – Ты чего закрылась-то? Вообще-то ещё полдня работать. Что случилось? Ты мне нормально объясни.

– Да что объяснять, Артур?! – она сорвалась. – Ты где был весь день? Ни звонка, ни сообщения, ни...

Девушка села на стул, плечи обвисли, дрожь пробежала по рукам. Она схватила салфетку, с силой сморкнулась, роняя несколько крошек с колен.

– Я одна тут, – всхлипнула Люда. – Целый день. Люди прут, ор стоит, сортир сломали, вывеска – хомяк лысый с пальцем, я ноги сбила, поесть ни разу не успела, да что там – даже не присела. А ты не пришёл!

– Я тебе вообще-то звонил.

Люда взяла телефон. Сотни уведомлений поползли вниз, наслаиваясь друг на друга – лайки, комментарии, отметки. Палец скользил по стеклу, смахивал и снова скользил. Почти в самом низу зарылся пропущенный вызов от Артура. И сообщение: “Я щас приду”. Сорок минут назад.

Девушка горестно вздохнула, сжимая салфетку в ладони. Они встречались три месяца. Он был первым, кто узнал о её идее.

– Я всё придумала! – говорила она тогда, пританцовывая на месте, и глаза её горели так, что, казалось, могли поджечь шторы. По всей комнате валялись листки с записями: колкие фразы, названия блюд, ингредиенты, наброски интерьера. – Тут помещение есть в аренду, от дома недалеко – это точно судьба! – Она хватала очередной клочок бумаги, читала и снова отбрасывала. – Мстислав цены загибал, правил кучу придумал, а я сделаю

дёшево! И хамство без границ! Народ попрёт! Первое время сама буду, потом официантов найму, как освоюсь. Это легко! У меня отличный план!

Артур сидел на диване, поигрывая мышцами под футболкой и широко улыбался.

– Конечно, дорогая! У тебя всё получится, я верю! – пропел он, вставая. Он подхватил её хрупкую фигуру и покрутил в воздухе. – Если нужна будет помощь, зови! Я для тебя всегда свободен!

Она повисла у него на шее, смеясь. С ним было спокойно и надёжно. Как ей казалось.

Люда с энтузиазмом принялась за дело. Денег хватило на небольшое помещение практически без ремонта – бывшую шаурмичную с жирными стенами и вонючим туалетом. Она сама мыла, скребла, белила. Обзванивала поставщиков, торговалась до хрипоты, моталась по мебельным магазинам в поисках дешёвых столов и стульев. Носила коробки с посудой, пока руки не начинали дрожать, а вечером просто падала лицом в подушку.

Но вскоре энтузиазм испарился, как пар над чайником, который перестал кипеть. Она таскала коробки одна, потому что у него тренировка. Она ездила на другой конец города за дешёвыми продуктами, потому что он “урвал” их по знакомству, а забрать, конечно, было некогда. Она считала копейки, сводила дебет с кредитом так, что к вечеру в глазах рябило от цифр. Касса, кредиты, счета, аренда – всё это оседало грузом на её плечах.

А он просто тренировался и ждал, когда у неё “попрёт”.

Люда убирала очередной чек в папку и тихо повторяла себе: “Ладно, это моя идея. Проблемы тоже мои. Это ведь выгодно. У них же всё хорошо шло. Нужно потерпеть. Все с чего-то начинают. Всё идёт нормально”.

Артур присылал сообщения с фотографиями их спортзала с подписью: “Работаю на наше будущее, солнце!” Она улыбалась уголками губ и убирала телефон в карман, даже не ответив.

– Где ты был? – теперь повторяла она. – Где ты был, когда мне нужна была помощь? Ты вчера обещал, что придёшь.

– Я же говорю: тренировок добавилось! Я сам не ожидал. На сушку пора уже! Неделя осталась! Непонятно что ли? Я вообще-то к соревнованиям готовлюсь!

Хриплый крик разрезал воздух и девушка вздрогнула. Горячие слёзы предательски подкатывали к глазам, ломали горло, а пальцы непроизвольно сжали край стула.

– Ладно, ладно, солнце, извини, – голос Артура неожиданно стал мягче, и он обнял за плечи дрожащую Люду. – Тренировки просто убили. Тренер требует и требует. Хотя... мышцы уже, сама видишь!

Он с гордостью напряг странно выпирающий бицепс, ухмыляясь. В глазах мелькнула озорная искорка, почти детская.

– Я думаю: годится уже! После сушки будет красота. – Он отпустил бицепс, повернулся к ней. – Так что там с туалетом? Давай я посмотрю, у меня вообще-то папа сантехник! И убраться помогу. Ну! – он легонько тряхнул её за плечи. – Ты не плачь!

Не дожидаясь ответа, он демонстративно схватил тряпку и яростно принялся за столы, резко двигаясь, с силой сжимая её в руках.

– Это половая, Артур, – заметила Люда. – Сначала бы посуду убрать. И скатерти протирать не надо – бесполезно уже.

За уборкой они провели весь остаток вечера. Скребли полы, собирали осколки разбитых бокалов и разлетевшихся тарелок, подбирали крошки, рассыпанные по всему залу, вытирали липкие разводы от пролившегося кофе и майонеза, сметали со столов остатки салфеток, скрученных в комки. Каждый угол, каждый подоконник, каждый сантиметр пола хранил следы сегодняшнего хаоса: пятна от напитков, отпечатки пальцев и следы ботинок, превращая помещение в жертву локального апокалипсиса. По

всему залу валялись разноцветные ошмётки лопнувших шаров, они ссохлись и сморщились, как старая кожа. Ни одного целого не осталось.

– Тааак... Давай-ка попробуем... – бормотал Артур, склонившись над керамикой.

Он запустил пальцы в бачок, нащупал цепочку спускного клапана, переплетённую с тягой поплавка. Дёрнул, но это было бесполезно. Потянул сильнее – металл впился в кожу, но узел даже не дрогнул. Руки напряглись, лицо покраснело от усилия, мышцы вздулись под кожей.

– Чёрт, – пробормотал он, откинувшись назад. – Тут кто-то... хитро замутил. Ничего не двигается.

Он махнул рукой и переключился на мытьё полов в уборной. Люда, еле стоящая на ногах, отмывала заплёванную дверь, думая, что же делать с туалетом. В конце концов на это временно махнули рукой.

– До утра всё равно ничего не решим, – Артур пожал массивными плечами и бросил тряпку в ведро.

Люда молча кивнула. Подошла к стойке, где горкой лежали мятые купюры, и начала перебирать их, расправляя пальцами.

– Блин... – выдохнула она.

Стопка вышла слишком тонкой.

Люда прикусила внутреннюю часть щеки, быстро смяла купюры в ладони и закинула их в рюкзак. Монеты звякнули, рассыпаясь по дну, но она даже не стала их собирать.

На следующий день Люда приехала затемно. Витрины соседних магазинов ещё спали за железными ставнями, и только редкие фонари растягивали по тротуару мутные жёлтые пятна. Воздух пах сыростью и прелыми листьями.

Она остановилась у входной двери, вскинула голову – и поморщилась. Грызун ухмылялся на грязном фоне, на его морде расползлись серые потёки.

Люда поднялась на цыпочки, провела пальцем по краю пластика. Под ногтём осталась тёмная липкая полоска. Она машинально вытерла палец о джинсы и повернула ключ в замке.

Она встала на верхнюю перекладину стремянки и старательно протёрла пластик мокрой тряпкой, но вместо чистоты добилась лишь равномерного размазывания грязи, отчего буквы стали напоминать следы от шин по болоту. Поняв бессмысленность этой борьбы, она раздражённо сплюнула, бросила тряпку и ведро и, бурча себе под нос, затащила лестницу внутрь. Снова залезла на самый верх. Прижала плечом дверь, чтобы та не двигалась. Над косяком уже болтался кусок прозрачной трубки – она вчера протянула её вдоль и прихватила строительным скотчем, который теперь лип к пальцам и волосам одинаково охотно.

Из кармана фартука она достала резиновую грушу, наполненную мутноватой жидкостью, несколько раз сжала её, проверяя упругость. Груша недовольно чавкнула и втянула воздух обратно.

– Работай, зараза, – пробормотала она.

Люда примотала грушу к верхней части дверного доводчика двумя витками изоленды, затем ещё одним – на всякий случай. Конструкция получилась кривой, но держалась. От горловины груши отходила тонкая силиконовая трубка. Люда провела её вдоль косяка и закрепила кусочками прозрачного скотча.

На уровне лица она остановилась, прикусила губу и согнула конец трубки, вставив в него пластиковый наконечник. Несколько секунд она щурилась, прицеливаясь, потом аккуратно повернула сопло чуть вниз.

После этого она привязала к груше тонкую леску. Второй конец лески Люда закрепила на внутренней стороне дверного полотна – там, где петли.

Она медленно приоткрыла дверь. Леска натянулась, груша сжалась и выплюнула тонкую струю.

Люда довольно кивнула, поправила угол сопла и снова прикрыла дверь. Груша втянула обратно с тихим хлюпаньем.

– Хватит на всех, – довольно сказала она себе и слезла со стремянки. – Всё будет отлично.

Ровно в двенадцать она распахнула дверь, двумя пальцами пережимая резиновую трубку, тянущуюся от груши. Люда подняла глаза – и коротко вскрикнула.

На крыльце топтался парень. Белая рубашка сидела на нём так, будто её пришили прямо к телу – ни складочки, ни лишнего миллиметра ткани. Пиджак застёгнут на все пуговицы, и от этого он казался не одетым, а упакованным.

Бифокальные очки сползали к кончику носа каждые несколько секунд, и он, аккуратно, пальцем, двигал их обратно, после чего тут же принимался теревить рукав, мять край пиджака, поправлять то, что и так лежало идеально. Щёки пылали угревой сыпью, словно их натёрли румянами. Он стоял покачиваясь, как поставленная в вертикальное положение шпала.

Парень заметил её взгляд, вытянулся, чуть не качнувшись в сторону, и торопливо заговорил:

– Прошу прощения, если напугал. Вы ведь Людмила? Я вам, это самое...звонил. Вчера. Насчёт работы. Меня Игнат зовут, дядька номер дал.

Тёплый, как чашка малинового чая, голос мягко коснулся слуха девушки. От неожиданного контраста она выронила ключи – те звякнули о плитку и раскатились к порогу.

– Ой... – выдохнула она, наклоняясь. – Заходите.

Парень кивнул и шагнул через порог, пригибая голову, хотя до косяка оставался запас.

Он остановился у входа, аккуратно сомкнул полы пиджака, и заговорил, избегая смотреть по сторонам дольше секунды:

– Я знаю, заведение у вас... специфическое. Опыта у меня, уж простите, нет, но теоретически я подкован. Приступить могу хоть прямо сейчас, если позволите.

Люда хотела что-то сказать, но слова увязли, как сапог в болотной жиже. Она вытащила блокнот. Ночью, уткнувшись в ролик “Как проводить собеседование”, она старательно выписала вопросы – с подчёркиваниями, стрелками и восклицательными знаками.

Девушка покрутила блокнот в пальцах, скривилась и швырнула его в сторону. Тот нырнул под стол, грустно прошуршал страницами, понимая свою ненужность.

Игнат тем временем невозмутимо осматривался, машинально подталкивая очки к переносице. Его взгляд скользил от свежевывитых полов, ещё пахнувших хлоркой, к столикам с новыми терракотовыми скатертями, натянутыми чуть криво. Он едва заметно поморщился – то ли от въедливого запаха краски, то ли от сухих фиалок в горшках и разномастных деревянных стульев. Заметив на окне белоснежный тюль с аккуратной, но внушительной дырой посередине, он коротко хмыкнул: ткань забавно вздрагивала на сквозняке.

– Я так понимаю, вы недавно открылись? – он уставился на девушку, не моргая, и нарочито тщательно потёр переносицу – пальцы съехали по очкам, поправляя дужку.

Люда коротко кивнула. Край фартука в её пальцах скрутился в жгут.

– Ну что ж, я готов приступить.

Игнат резко стянул пиджак и перекинул его через спинку ближайшего стула, расправил рукава, хотя те и так висели ровно. Белая рубашка под ним выглядела безупречно выглаженной – если бы не одно “но”. Жёлтое пятно расплылось по нагрудному карману неровным озером, будто он неосторожно промахнулся мимо тарелки с супом.

– Но... – Люда замялась, пальцы сильнее вцепились в фартук. – Вы же только пришли, я...

– Лучшее обучение – это практика. Приступим.

Он едва успел договорить, как входная дверь распахнулась. Молодая пара ввалилась внутрь – смеясь, толкаясь, цепляясь друг за друга. В тот же миг скрытая груша выплюнула струю. Вода попала парню прямо в лицо – он дёрнулся, зажмурился, а через секунду уже смеялся, стряхивая ладонью капли с ресниц.

Игнат на них не посмотрел.

Люда скрестила руки на груди. Пальцы вцепились в предплечья, брови сошлись у переносицы. Она смотрела на гостей так, будто они только что разбили её любимую чашку.

Парочка их не замечала. Парень отодвинул стул – небрежно, одной рукой, даже не глядя. Ножки взвизгнули по полу, оставляя за собой две тонкие белые полосы. Девушка плюхнулась за стол, всё ещё хихикая, и смахнула с лица кудрявые рыжие пряди – они пружинили, лезли в лицо, цепляясь за ресницы.

Она потянулась к меню, пальцы скользнули по обложке – папка выпрыгнула из рук и шмякнулась на пол. Девушка зашлась смехом, уткнувшись лбом в плечо парня. Тот поднял папку двумя пальцами, безглаголиво, но с улыбкой.

Девушка попыталась взять меню и снова разразилась звонким смехом – чёрная папка тут же выскользнула из рук. Обмениваясь короткими

репликами про “местные приколы”, парочка принялась изучать содержимое папки.

Люда коротко махнула Игнату, велев оставаться на месте. Он даже не взглянул в её сторону. Спокойно отодвинул стул, поднялся и, поправив очки, уверенно направился к посетителям.

– Я правильно понимаю, в психоневрологическом диспансере сегодня день открытых дверей? – пропел он парню почти в ухо, незаметно возникнув у него за спиной и слегка наклонившись.

Парень дёрнулся, резко обернулся. Игнат стоял, чуть склонив голову, и смотрел сквозь стёкла очков спокойно, даже доброжелательно.

– Прошу уточнить: вы сбежали централизованно или в индивидуальном порядке?

Люда хмыкнула, медленно разжала руки, спустила их вдоль тела и отошла к дальнему столику. Села, подпёрла подбородок ладонью и замерла, наблюдая.

Клиенты переглянулись. Парень открыл рот, закрыл, снова посмотрел на Игната. Тот стоял не шевелясь – вытянутый, строгий, будто его привезли в это кафе на время, пока решают, куда пристроить памятник. Скульптура городского значения, которую все обходят стороной, но тайком фотографируют.

Девушка моргнула и только тогда вспомнила про папку в руках. Пальцы разжались, папка выскользнула и, как тающий кусок масла, мягко стекла ей на колени.

– Я не понял... – парень почесал выпуклый затылок, пальцы на секунду зарылись в короткий ёжик волос. – Ты кто такой? Проблем захотелось?

Он подался вперёд, нависая над столом. Девушка рядом замерла, перестав хихикать.

– Эй, я к тебе обращаюсь, ботан! – голос забрал высоту, готовясь сорваться. – В библиотеке скучно стало, решил приключений поискать? Эй, ты меня слышишь вообще?

Игнат не шелохнулся. За бифокальными очками его глаза цвета дубовой коры казались неестественно выпуклыми. Он смотрел куда-то в стену, будто клиентов не существовало в природе.

Люда нервно сглотнула и приподнялась, собираясь вмешаться. Но замерла, вцепившись пальцами в край стола. Веко дёрнулось в нервном тике.

Игнат медленно шевельнулся. Снял очки, бережно сложил дужки и на мгновение прижал их к губам. Затем провёл по лицу худой жилистой ладонью, задержав её на переносице.

– Когнитивная деградация отдельных индивидуумов периодически ввергает меня в кататоническое оцепенение, – произнёс он глухо, покачав головой с усталой укоризной.

– Ты чё несёшь, придурок? – парень приподнялся, упёрся кулаками в стол.
– Под шмалью, что ли?

Девушка стиснула папку обеими руками и подняла её к лицу, прячась за липкой обложкой, как за щитом. Только рыжие кудри торчали по бокам.

Парень встал. Под тонкой тканью футболки перекатывались тяжёлые бугры мышц – плотные, округлые, нелепо внушительные, как у кенгуру, который решил, что он теперь человек. Плечи расправились, руки тяжело повисли вдоль тела. Широкие ноздри раздувались при каждом вздохе.

Люда наблюдала молча. Пальцы отбивали по скатерти глухой ритм.

Клиент подошёл к Игнату почти вплотную. Ещё шаг – и их лбы соприкоснулись бы. Ноздри парня ходили ходуном, грудь вздымались короткими рывками.

Игнат отступил на полшага, сунул руку в карман брюк. Двумя пальцами медленно вытянул продолговатый предмет – тёмный, матовый.

И тут девушка не выдержала – сначала из-за папки вырвался всхлип, потом сиплый, сдавленный смех.

– Сёма, – выдохнула она, показавшись из-за обложки. – Успокойся. Сядь на место.

Смех ещё дрожал у неё в горле, голос рассыпался по залу мелкими звонкими шариками.

– Это рофл.

Предмет в пальцах Игната скользнул обратно в карман брюк. Он поправил очки и уставился куда-то поверх их голов, в угол под потолком.

Семён повернулся к девушке. Плечи чуть опали. Он упал на стул, как тяжёлый шар, наполненный водой.

– В смысле? – голос уже не гремел. – В смысле рофл?

– Ну...он специально так общается, – девушка провела пальцем по глянцевым файлам. – Заведение такое. Ты названия глянь.

Она развернула папку к нему, ткнула пальцем в строчки.

– “Мутная жижа”, “Туалетный утёнок”, “Дохлый краб”... Тут всё по рофлу. Расслабься.

Семён уставился в меню, шевеля губами. Ноздри больше не раздувались. Пальцы всё ещё сжимались в кулаки, но уже не от злости, а по привычке.

– Тут можно пар спустить – добавила она тише и закрыла папку, прижав её к груди. – Говорить что думаешь. Без вот этого всего.

Она посмотрела прямо на него. Её губы дрогнули в улыбке, тихо вырвался смешок. В следующую же секунду смех застрял в горле. Яркие зелёные глаза сощурились, стали колючими, как битое стекло.

– Ты же начальнику не скажешь в лицо, что он мудака. И этому из соседнего отдела – тоже. А внутри-то всё кипит.

Семён поморщился, дёрнул щекой и уставился в окно. Гладкие, почти кукольные щёки медленно налились розовым – снизу вверх, от шеи к вискам.

– Я тебя сюда специально притащила, – она уже не улыбалась. Слова посыпались быстрее. – Ты в последнее время ходишь, как чайник на плите. Ещё чуть-чуть – и свисток сорвёт.

Она загибала пальцы, не глядя на него – просто в воздух, перед своим лицом.

– Начальнику – молчишь. Маме – молчишь. Отчиму – тоже. Деньги? Держите. Помочь в любое время? Да пожалуйста. Что я ещё могла упустить?

Семён сжал челюсть. Скулы задвигались под кожей, перекатываясь жёванными мячиками.

– Квартиру тебе купили и всё – ты теперь по гроб обязан? – её голос стал резче. – Друг твой... как его. Чёрт бы его имя помнил. За спиной языком чешет, а ты улыбаешься. Потому что занимает. Потому что “тогда выручил”. И ты всегда молчишь.

Она замолчала и резко втянула воздух. Затем ещё раз. И ещё. Плечи подрагивали. Взгляд метнулся к окну, к полу, к меню на столе – и снова к полу. Ни на чём не задерживался.

Губы приоткрылись, но звук не вышел. Только частое, рваное дыхание, срывающееся на короткие всхлипы.

Люда стояла не двигаясь. Грудная клетка окаменела, будто воздух в зале больше ей не полагался. Только в висках стучало – глухо, настойчиво, в ритме пульса.

Она тихо развернулась и подошла к колонке. Рука нащупала регулятор, повернула его почти до упора. Звук осел, огрызнулся коротким треском и стих – резко, как придушенный.

По пути её носок снова задел лестницу у стойки. Перекладина лязгнула и прокатилась на пару сантиметров по плитке. Никто даже не повернул головы.

Игнат склонился над девушкой так низко, что едва не коснулся носом её волос. Голос опустил до почти ласкового шёпота:

– Я вам, безусловно, сочувствую. С такими исходными данными вы могли бы претендовать на экземпляр получше нашей микрофибры для обработки унитазов. Но не соблаговолите ли вы ускорить выбор блюда? Я уже утомился пребывать в роли пассивного созерцателя этого затянувшегося фестиваля мужской некомпетентности.

– Чёрт... туалет.

Люда вскинула запястье к глазам. Стрелка уже переползла дальше назначенного времени, а сантехник так и не появился.

Она выхватила из-под стойки маркер, прижала лист к столешнице. Линии вышли рваными, буквы местами расползались:

Туалет временно не работает.

Бумага легла неровно. Один угол тут же оттопырился. Люда добавила ещё полоску скотча, пригладила ладонью. Лист дрогнул, но удержался.

– Блин, куда я этот ключ...

Люда пошарила по карманам брюк и фартука. Пусто.

– А! – она хлопнула себя по лбу, развернулась и помчалась в кладовку.

На крючках, прямо на уровне глаз, болталась запасная связка. Люда схватила её кончиками пальцев, но хватка сорвалась. Связка свалилась на пол, потерялась среди коробок и банок с хламом.

Громко выругавшись, Люда сунула руку в грудку хлама и начала шарить вслепую. Пальцы натыкались на холодное железо банок, скользили по деревянным обломкам, цеплялись за тряпки – через несколько минут она нащупала связку, стряхнула с неё паутину и сжала в кулаке.

– Люда! Извините, что отвлекаю, но тут заказ.

Голос Игната появился за спиной. Она дёрнулась, резко обернулась. Он протянул листок, взгляд оценивающе скользнул по её лицу.

– И, кстати, у вас лицо грязное.

– Можно на “ты”, – Люда криво усмехнулась. – Всё-таки работать ещё вместе.

– Как скажешь, – кивнул парень. – Я пойду. Зал оставлять нельзя.

– Ага. И музыку включи. Там колонка за баром, разберёшься.

Он кивнул и исчез резко, как будто распался на молекулы в воздухе, не оставив за собой ни звука.

Люда глянула на листок и округлила глаза. Буквы были выточены плавными изгибами, с витиеватыми завитками на концах штрихов. Они стояли ровно по линии, соблюдая строгую композицию. Каждая строка держала одинаковый ритм. Местами чернила ручки ложились плотнее, местами тоньше, словно на этом листке создавали картину, стараясь точно передать настроение, динамику и игру света.

– Нифига себе каллиграфия... – выдохнула она, пробежала глазами список и подскочила на месте. – Ой, нет, только не “Яйца барана”!

Она сплюнула прямо на пол, развернулась и рванула к туалету. Ключ ловко вошёл в скважину, щёлкнул, она сунула его в карман, прошла несколько шагов и нырнула в кухню. На бегу краем глаза заметила: Игнат что-то объяснял рыжей девушке, склонив голову чуть набок. Девушка снова заливисто смеялась, прикрывая рот ладонью.

“Уф, кажется, конфликт исчерпан, не начавшись. Слава богу” – промелькнуло в голове, пока Люда уже гремела ящиками, вышвыривая на стол всё подряд – лопатки, венчики, противни, – пока наконец не наткнулась на силиконовые половинки, похожие на разрезанные мячи для гольфа.

Найдя всё необходимое, она разложила ингредиенты по краю стола и включила плиту. Металл щёлкнул, пламя дрогнуло. Люда работала быстро: нож стучал по доске, масло шипело, крышки гремели, вытяжка оглушающе гудела, заглушая все звуки. Вскоре помещение кухни стало походить на разогретую сауну – влажную, жаркую, пропахшую чесноком и топлёным жиром.

Сосредоточившись так, что на лбу выступила испарина, она наклонила чашку с эспрессо. В питчере тихо перекачивалась горячая микропена – молоко, доведённое до плотной, глянцевой текстуры. Люда начала высоко, тонкой струёй, чтобы молоко смешалось с кофе. Затем опустила носик почти у самой поверхности и коротким движением кисти пустила пену в центр. Линия разошлась, расправилась, обрела форму. Ещё одно точное движение – и контур стал предельно читаемым.

Искусство латте-арта когда-то далось ей тяжело. Руки тряслись, молоко сворачивалось, рисунки расползались пятнами. Но оно того стоило. Теперь она могла нарисовать что угодно – не только лебедя или сердце.

Когда рисунок застыл, Люда схватила чашки, вынесла в зал и с сухим стуком поставила перед девушкой. На белой пенке, чётко и без стеснения,

красовалось наглядное пособие по мужской анатомии – детализированное, без намёка на целомудрие. Люда даже не поленилась прорисовать вены.

– Вот. – Люда перекричала музыку и швырнула салфетку рядом с чашкой.
– Тебе и чмошнику твоему. Вам обоим этого не хватает. По самые слюны.

Девушка не подняла головы. Её палец метался по экрану телефона, застревал на сообщениях, возвращался, снова листал. Брови так плотно прилегли к переносице, что между ними залегла глубокая складка. Рядом лежал другой телефон – в розовом чехле со стразами; экран то вспыхивал, то гас, отражая её напряжённое лицо.

Игнат сидел напротив. Методично, с хирургической точностью, он складывал из салфеток лебедей. Белые шеи изгибались, клювы смотрели друг на друга – на столе уже выстроилась целая стая.

Люда позвала его жестом.

– Музыку держи на таком уровне, – она кивнула на колонку. – Как я сейчас настроила. Ни громче, ни тише.

Она перевела взгляд на пустой стул.

– А где её герой? Тот, широкий. Испарился?

– Так он, это самое... В уборную пошёл. Давно уже. – Игнат чуть качнул плечом. – Может, сложности экзистенциального характера.

По спине Люды прошёл холодок. Она замерла, вслушиваясь. Музыка глухо лилась из колонки, в зале звякнула ложка о чашку. Рыжая девушка сидела всё там же. Телефон почти упирался в лоб, плечи подрагивали.

Люда шагнула в коридор. У двери уборной остановилась, постучала костяшками. Листок с надписью сиротливо валялся под ногами.

Изнутри грохнуло.

– Вы охуели совсем?! Тупые шутки у вас! Открывайте, мать вашу!

Что-то тяжёлое ударилось о дверь – может, кулак, может, плечо.

– Щас выйду, очкарику этому наваляю. Где Лиза?!

– Так! – Люда стукнула ладонью по двери. – Давай без истерик. А то вообще там ночевать останешься. Обещай: выйдешь, быковать не будешь. Закрыли случайно. Недоразумение. Остальное ты сам себе накрутил.

За дверью грохнуло, будто пнули по кафелю.

– Случайно, да?! – рявкнул Семён. – И тубзик, значит, я “накрутил”? Он сам сломался, по приколу?

– Ты меня слышал? – Люда прижалась лбом к холодной двери. – Перестаёшь быковать – открываю.

Из-за спины раздался быстрый цокот каблучков – резкий, частый, как будто азбука Морзе по плитке.

– Стойте!

Лиза почти налетела на Игната. В одной руке она сжимала телефон, другой тёрла щеку, размазывая тушь, и по коже расползлись чёрные потёки, как трещины на фарфоре.

– Не открывайте. – Она с трудом перевела дыхание. – Пусть сидит. Там ему самое место. У параша. Возле дерьма.

Голос сорвался, но она вздохнула и продолжила:

– Шлюхан! Бабник. Кобель!

За дверью глухо бухнуло.

– Лиза, ты чего несёшь?! – Семён дернул ручку, та жалобно зазвенела.

Лиза не шелохнулась. Стояла, вцепившись в телефон и смотрела на дверь.

– К чёрту концепцию. – Лиза вскинула подбородок, развернулась к Игнату.
– Вы были правы. Надо было телефон проверить.

Игнат аккуратно поправил очки.

– Я, это самое, сразу сказал. – Он чуть склонил голову, разглядывая Лизу поверх очков. – Такие экземпляры просвечиваются без рентгена. Какие будут распоряжения?

– Пусть сидит говном дышит. – Лиза выдохнула, и в этом выдохе смешались злость и что-то похожее на облегчение. – Пока я не уйду.

Она коротко, зло улыбнулась – одними уголками губ.

– И счёт пусть сам оплачивает. А то он, видите ли, “напополам, как обычно”. На всех у него хватает. Кроме меня.

Из туалета раздался стук и приглушённый голос.

– Люда... Или как тебя там. Открывай. Обещаю, не буду быковать.

Голос Семёна сел, потерял металлические нотки. Люда прижалась спиной к двери, поймала взгляд Лизы и коротко мотнула головой.

Лиза кивнула, тихо прошептала “спасибо” и скользнула к выходу. Дверь мягко хлопнула, оставив после неё только терпкий запах миндаля и ванили – густой, почти осязаемый.

Люда выдохнула, опустила плечи. В этот же момент входная дверь распахнулась – так, что ручка врезалась в стену. В зал взорвался мужик. Светлые волосы торчали во все стороны – не причёска, а результат удара током. Два передних зуба отсутствовали, когда он открывал рот, там чернела пустота. Спортивный костюм висел на нём мешком: дырявый,

вытянутый, он повис на плечах и коленях, как старая тряпка, которую забыли выбросить. Воздух вокруг него загустел от перегара.

– Эй! Тут есть кто? – прохрипел он, трясущейся рукой проводя по лицу.

– Наркология в другом районе. Приют для бездомных тоже. – Люда упёрла руки в бока. Глаза сверкнули. – Проваливай!

– Девушка, вы чего? Сами же звали. – Он протянул вперёд руку, и только тогда Люда заметила чемодан – тяжёлый, потёртый, с торчащими из-под крышки ручками ключей. – Сантехник я. Показывайте поломку.

– У нас что сантехники, что бомжи, – проворчала она, разглядывая его уже без агрессии, но с тем же выражением лица. Потом добавила громче: – Сюда проходите.

Мужик принялся и сморщил нос.

– Ты меня извини, красавица, но у вас тут чем воняет?

– Пока ты не пришёл, ничем не воняло.

– Да не, я серьёзно. Воняет, как яичница сгорела.

Люда бросилась на кухню.

Серый, едкий дым уже залезал под потолок, цеплялся за вытяжку, клубился над плитой. Игнат суетился у сковороды: схватил её голыми руками, дёрнулся, перехватил тряпкой и сунул под кран. Вода зашипела, металл взвизгнул, и из раковины повалил густой пар, смешанный с гарью.

Держась за сердце, девушка отскочила в угол, нашарила рукой огнетушитель. Пальцы скользнули по холодному баллону, нащупали чеку. Кольцо выскочило, пломба хрустнула. Она нажала на рычаг, не целясь, просто в сторону плиты.

Белая пена ударила мощной струёй, накрыла Игната с головой. Он замер на секунду, потом закашлялся, лихорадочно протирая стёкла очков.

Сковорода плюхнулась в раковину, подняв фонтан брызг.

– Это было вовсе не обязательно, – пробормотал Игнат, вытирая пену с губ и щёк. Хлопья сыпались на пол, на ноги, на очки, которые он никак не мог оттереть. – Всё не так критично. Возгорание исключительно локальное.

Он кивнул на сковороду. Из неё всё ещё тянулась струйка дыма.

– Э! Вы меня выпустите или нет? – прогреготал голос из туалета. – Я мать вашу...

– Эй, ребятки! – перекрыл его хриплый голос сантехника из коридора. – У вас что, официант провинился? За что вы его... Ой, батюшки!

Морщинистое лицо просунулось в щели между дверью и косяком – он заглядывал в кухню, как в зоопарк, с любопытством и лёгкой брезгливостью.

– Да ты, гляжу, начальница строгая, – закричал он, оглядывая Игната в пене. – Одного в сортире заперла, другого в мумию превратила.

– Да всё не так!. – голос Люды сорвался. Она перевела дыхание, посмотрела на Игната. – Игнат, прости...

– Ничего страшного. Не вини себя. Просто состояние аффекта.

Игнат орудовал полотенцем. С каждым движением пены на рубашке становилось всё меньше.

Люда подбежала к окну и распахнула его настежь – сырой воздух ворвался внутрь, смешиваясь с гарью и хлоркой. Люда схватила ключи и быстрым шагом направилась к туалету.

Как только ключ повернулся в замке, дверь распахнулась – и на неё, как бешеный павиан, набросился Семён. Тяжёлые ладони вцепились ей в плечи, сжали так, что кости хрустнули.

– Где Лиза? – он тряс Люду, как плюшевую игрушку. – Это она всё задумала, да? Вы с очкариком подыграли? Говори!

Люда не сопротивлялась. Только смотрела на него снизу вверх – устало, почти спокойно.

– Ушла. Отсюда и от тебя. Ничего мы не планировали. Просто иногда обстоятельства сами складываются так, что и придумать невозможно.

Из уборной уже доносилось кряхтение сантехника – он уже возился с бачком, бормотал что-то про “хитрый узел”.

Семён разжал пальцы, отступил. Медленно пошёл в зал. Люда – за ним. Секунду он стоял, глядя в одну точку на столе, где они недавно сидели с Лизой. Резко схватил куртку.

– Ты за кофе платишь. – Люда кивнула на стол, где сиротливо стояли две чашки с потускневшими рисунками. – За оба.

Лицо парня помрачнело. Он запустил руку в карман, долго шарил там, наконец вытащил горсть мелочи и пересчитал на ладони, не поднимая глаз.

– Тут не хватает, – отметила Люда.

– У меня больше нет.

Она выдохнула. Коротко, сквозь зубы.

– Ладно. Чёрт с тобой. Только проваливай быстрее.

Дверь за Семёном хлопнула, и звук этот рассосался в пустоте зала. Люда рухнула на стул. Из кухни вышел Игнат, на ходу вытирая шею полотенцем. На рубашке тут и там белели островки пены, рукава потемнели от воды и

липли к запястьям. Люда скользнула по нему взглядом – от влажных манжет до разводов на груди. Жар подступил к её щекам.

– Я химчистку оплачу, – пробормотала она куда-то в сторону. – Потом.

Игнат пожал плечами, бросил полотенце на спинку стула.

– Да брось. Я этот костюм всё равно выкинуть собирался. Мал становится.

Нос Люды уловил из коридора знакомый кислый шлейф. Через секунду из туалета показался сантехник, вытирая руки о ветхий рукав.

– Ну всё, ребятки, живите спокойно, – прохрипел он, останавливаясь. – Бачок теперь как с завода. Кто-то цепочку к поплавку перекрутил, да ещё с фантазией. Узел тугой, грамотный. Всё намертво. Я узел снял, цепь расправил. Длину выставил как надо, чтобы люфта хватало. Теперь кнопка нажимается, тяга идёт, клапан открывается, вода пошла. Всё по-человечески.

Он вытянул вперёд помятый листок, испещрённый карандашными схемами – стрелки, кружочки, подписи.

– Вот, накидал вам схемку. На всякий случай. Если опять кто-то в инженера поиграть решит. И вы, это, в туалете-то помойте, прямо сейчас, а то, ну...сами понимаете.

Он замолчал, прищурился, перевёл взгляд с Люды на Игната и обратно.

– Да уж, публика у вас, конечно, творческая.

Он назвал сумму. Люда кивнула и потянулась к рюкзаку. Молния разошлась с сухим треском. Рука нырнула внутрь. Люда нащупала косметичку, расчёску, скомканный чек. Она вытащила их, пошарила по дну. Пусто. Пальцы прошлись по подкладке ещё раз, медленно, внимательнее. Потом снова по кругу. Ничего.

В висках застучали невидимые молотки. В ушах зашумело, как будто к ним приложили ракушку. Люда перевернула рюкзак и вытряхнула – на стол высыпались блеск для губ, резинка для волос и мелкие крошки. Денег не было. Вчерашняя выручка исчезла. До последней копейки.

– Ты чего так побледнела? – Игнат склонил голову, разглядывая девушку. – Гипотония? Давление упало?

– Лучше бы оно... – Люда сглотнула, потирая пальцами виски.

Люда говорила коротко, обрубками фраз. Про рюкзак. Про ящик, где он весь день лежал, закрытый на ключ.

Про то, что деньги она не брала. Даже посчитать не успела, просто сунула и забыла.

Она смотрела мимо Игната, в точку на стене, где отслаивалась краска, пальцы тербели молнию косметички.

Игнат выслушал молча. Не перебивал, не кивал, просто стоял, сложив руки на груди.

– Это не катастрофа, – сказал он наконец. – Я оплачу. Потом сочтёмся. Нам ещё работать вместе.

– Хорошо. Спасибо, – тихо сказала Люда и кивнула.

Гриффон, йети и конина.

Следующие несколько часов они отмывали кухню и туалет. К вечеру потянулся народ.

Люда, сжав швабру, яростно тёрла пол. Серые разводы расплзались по светлому кафелю широкими дугами и, каждый раз, когда казалось – вот, чисто, – они проступали вновь, нагло, как будто решили, что теперь это такой дизайн. Ведро глухо каталось следом – железное, гулкое, с кривой

синей надписью “Урологическое отделение” на боку. Вода плескалась через край, оставляя за шваброй мокрую дорожку.

Люда работала размашисто, не глядя по сторонам. Мокрая насадка то и дело задевала чьи-то ботинки. Посетители одёргивали ноги, цыкали, переглядывались, но она даже головы не подняла – только швабра ходила туда-сюда, шлёпала по плитке, разбрызгивая мыльную воду.

Игнат сидел за столиком у окна, спиной ко входу. Перед ним аккуратным полукругом расположились чашка кофе, раскрытое меню и блокнот. Он листал страницы, делал пометки, чертил стрелки, временами щурился, поправлял очки и подчёркивал что-то с особой тщательностью. Дверь стучала всё чаще, голоса наслаивались, стулья скрипели, но он ни разу не обернулся, только рука двигалась по бумаге – ровно без спешки.

Зал наполнялся стремительно. Люда выпрямилась на секунду, чтобы перевести дух, и краем глаза заметила, что свободных столиков почти не осталось. Она снова согнулась над шваброй. Игнат перевернул страницу.

– Слушай, может хватит уже исполнять? – рявкнул парень, похожий на бочонок с ручками. – Ты ж вроде повариха. Вон, в фартуке.

Люда проигнорировала. Швабра очертила очередную дугу, подошва кроссовок отбила ритм. Плечи дёрнулись в такт, бёдра качнулись. Из колонок надрывались “Частушки” Сектора Газа – трещали на весь зал, бас глухо бил в стёкла.

Парень фыркнул, поправил ремень на животе.

– Ладно, пойду жрачку смотреть, – буркнул он и потопал к столу, оставляя на ещё влажной плитке чёткие следы подошв.

– Эй, свинтус! – гаркнула Люда.

Парень резко обернулся.

– О, откликаешься. Значит, сам всё понимаешь, пояснять не надо! Щас натопчешь – сам мыть будешь. Без швабры. Языком. Швы между плитками вылизывать будешь.

“Свинтус” обиженно надул губы, и без того выдающиеся, подбородок упрямо выдвинул вперёд. Но уходить не стал. Уселся шире, расправил меню и уткнулся в него, громко сопя.

Вдруг его глаза вспыхнули, как будто он нашёл сокровище.

– Эй, девушка! Официантка! – заорал он, набирая громкость от слова к слову. – Давай вот этот вот... “Обезжопленный Гусь-невдуплюсь”!

– Ага, принесу, – Люда бросила, не поворачиваясь. – Но имей в виду: гуся там нет и не планировалось. Сильно жирно для тебя будет.

– А что тогда есть?

– А что вообразишь, то и съешь. Попробуй голову использовать не только в режиме “жевать”. Фантазия – бесплатная опция.

Он на секунду завис, но быстро переключился:

– И кофе мне. Вот этот... “Профильтрованный через вонючие носки”

– Окей. Тебе двойную порцию носков или классическую?

Парень нахмурился, потом упрямо ткнул пальцем в строку:

– Ну вот эту.

Люда наклонилась ближе к столу, постучала ногтём по меню.

– Слушай, а ты знаешь, что такое “Рентгеноэлектрокардиографический? – отчеканила Люда.

– Рентген... что? Ты это к чему вообще? – на выпуклом лбу парня проступили крупные капли пота.

– Да вот думаю, – невозмутимо ответила она, – у тебя фетиш на длинные названия или только на грязные. Надо понимать масштаб трагедии. Ладно, жди своего гуся. И молись, чтобы я его вообще принесла. Настроение у меня вещь хрупкая: щёлк – и ты на диете.

– Слушай, а папка чё скользкая? Может, вытрешь?

Люда покосилась на меню, которое посетитель всё ещё вертел в руках.

– Только что в руках держала, – она пожала плечами, но для верности потёрла пальцы друг о друга. – Всё нормально было.

Из-за спины бесшумно возник Игнат.

– Тактильные галлюцинации – тревожный симптом, молодой человек. Впрочем, ожирение тоже. Вы определились, с чем будем работать в первую очередь?

Люда, давась смехом, юркнула на кухню. За спиной плотно захлопнулась дверь, отсекая зал.

Морозилка открылась, выпустив облако холодного пара. На металлический разделочный стол шлёпнулась куриная тушка. Люда сунула её в микроволновку, нажала кнопку. Внутри лениво загудело, тарелка поплыла по кругу.

Через несколько минут Люда уже орудовала ножом. Вскрыла тушку, извлекла внутренности, вытащив всё лишнее. Гузка отделилась одним точным движением. Люда подцепила её кончиком ножа, оценила взглядом, а затем положила в пластиковый контейнер. Это была особая тара – сюда уходила та самая часть туши для её авторской закуски “Клоака”. Люда гордилась этим рецептом.

Опустошённая тушка легла на противень. Люда набила её крупно нарезанными овощами, вдавила ладонью, чтобы лежали плотнее, скрепила края зубочистками. Соль, специи, щепотка паприки. Ещё секунда – и противень отправился в духовку. Таймер завёлся с тихим механическим треском.

Люда вытерла руки о фартук и выглянула в зал.

Там было не протолкнуться. Кто-то танцевал под “Частушки”, не дождавшись обслуживания. Игнат возвышался над “Свинтусом”, высоко подняв подбородок. Медленно, дикторски, почти с наслаждением он читал ему текст с телефона. Парень ёрзал на стуле, заливался краской и отчаянно шарил глазами по залу в поисках спасения. Голос Игната шумной волной катился по залу, сливаясь с музыкой, иногда поверх неё.

Люда хмыкнула и вынырнула в зал.

– Девушка, будьте добры, подойдите, пожалуйста. – Женщина в красной шляпке и таком же пальто стояла посреди зала, недовольно покачивая головой. – А то парня зову, он не реагирует. Глухой, что ли? Вон как громко разговаривает, точно глухой.

Под мышкой у неё уютно устроился маленький коричневый гриффон в красном ошейнике со стразами. Тельце собачки мелко подрагивало, чёрные глаза-пуговицы тревожно блестели, созерцая происходящее. Влажный носик шевелился, ловя запахи, а густая борода свисала вниз блестящим, ухоженным водопадом.

Люда скользнула по ним равнодушным взглядом, проходя мимо.

– Милая псинка, – бросила она на ходу, – да и гриффон тоже ничего.

От возмущения женщина открыла рот, но звук не вышел – только воздух застревал в горле короткими, сиплыми вслипами. Красная шляпка мелко качалась на голове в такт беззвучным словам. Бескровные, неестественно белые губы постоянно шевелились.

“Надо вывеску всё же помыть” – мелькнуло в голове у Люды, пока она наблюдала эту сцену.

– Итак... “Висцеральный жир накапливается вокруг внутренних органов. В небольшом количестве он необходим, но его избыток опасен...” – Игнат вещал почти торжественно, водя пальцем по экрану телефона.

Люда ткнула его локтём в бок и прошептала на ухо:

– Эй... Можешь вон той женщине объяснить, куда она попала, а то у неё культурный шок будет вкупе с инфарктом – не откачаем потом.

– Так. Продолжим позже. Не расслабляйся.

Он плавно, как театральный актёр, развернулся к женщине.

– Значит так, уважаемая, я, конечно, не геронтофил и не археолог, но чисто из своих профессиональных и моральных обязанностей проведу с вами короткую разъяснительную беседу. Прошу за стол.

Он галантно подхватил растерянную гостью под локоть, помог снять пальто и усадил на “Самый скрипучий стул”. Так гласила надпись на салфетке, прилепленной жвачкой к белой спинке. Стоило женщине сесть, как стул жалобно охнул, но всё же выдержал.

Не прошло и пары минут, как лицо женщины дрогнуло, разгладилось и расплылось в улыбке. Идеально ровные зубы блеснули ярко, как прожектор на сельской дискотеке. Гриффон перестал дрожать: Игнат пододвинул под стол косточку, и собака мгновенно нырнула за угощением, довольно посапывая.

Люда тем временем стояла над молодой парочкой, скрестив руки на груди. Парень с причёской “горшок” развалился на стуле, широко расставив ноги. Из-под прорезей джинсов проступали острые худые колени. Напротив него сидела девушка с губами, надутыми так, будто их тянули через соломинку, и волосами, выжженными до состояния сухих кукурузных рылец.

– Та-а-к... – парень с серьёзным лицом провёл пальцем по строчкам меню.
– Мне “Отрыжку гастрбайтера” и пиво “Ссаное”. – Девушке – закуску “Радость мандавошки” и вот этот коктейль “Для шлюхи”.

– Эй, – девушка сморщила маленький нос. – Ты охренел?

– Вы мою работу не отбирайте, – Люда закатила глаза к потолку и задержала их там на секунду. – “Для шлюхи”, так для шлюхи. Я, кстати, сразу догадалась.

Девушка всплеснула руками, затараторила что-то возмущённое, жестами подчёркивая каждое слово. Парень только ухмылялся – взгляд его прилип к декольте на её блузке и отлипнуть не собирался.

– Ну чё, с папой твоим всё в силе? – спросил он, даже не пытаясь сделать вид, что смотрит в глаза.

– Ну да. Сказал: даст он тебе должность, как договаривались, – цокнула девушка, расстёгивая замок брендовой сумки. В ладони блеснуло зеркальце. – Папочка не обманет.

Люда едва заметно дёрнула плечами и скривилась, имитируя рвотные позывы.

Коктейль она сварганила за пару минут: плеснула в блендер всё, что под руку попало, и залила туда двойную порцию дешёвой водки – на глаз, даже не глядя на мерный стакан. С “Радостью мандавошки” разобралась ещё быстрее: сушёная вонючая рыба шлёпнулась на крафтовую салфетку, расправив жёсткий хвост веером. Сверху лёг большой пучок кинзы – зелени для редкого любителя.

Люда поставила бокал и тарелку на поднос, подхватила его и быстрым шагом двинулась к столику. Парочка спорила уже в полный голос.

– Конечно, я не хочу вот так же, подносы разносить! – девушка даже не попыталась понизить голос и ткнула в Люду пальцем, как на неудачный товар на витрине. – Я для этого, что ли, училась?

– Ага, лучше венеричку разносить будешь.

Люда крикнула громко. Женщина в шляпе резко обернулась. Свинтус перестал листать меню и поднял глаза. Гриффон замер с косточкой в зубах.

Игнат невозмутимо выводил буквы на бумаге – аккуратно, ровно, как протокол допроса. Поставил точку, сложил листок вчетверо. И после этого коротко махнул Люде пальцами, подзывая. Она переместилась за долю секунды.

– Чё? – Люда вскинула подбородок.

Игнат сидел на стуле, закинув ногу на ногу и покачивая носком ботинка. Женщина выпрямилась, тяжело дыша и сложила ладони на коленях, как примерная школьница. Из-под скатерти торчал довольный нос гриффона – собака всё ещё возилась с косточкой, посапывая.

– Мы с дамой посоветовались, и, это самое... пришли к обоюдному согласию. – Игнат поправил очки, бросил взгляд на женщину, та энергично закивала. Короткие седые кудри подпрыгнули, как крошечные пружинки. – Неси десерт “Курага со слизью” и чай “Протухший”.

Люда хмыкнула и скрылась на кухне.

Минуту спустя Люда уже сыпала горсть сухофруктов в кипящий сахарный сироп – с ванилью и апельсиновой цедрой. Сироп булькал густо и лениво, пузыри лопались с маслянистым чмоканьем. Воздух на кухне мгновенно стал приторно-липким, сладость настырно лезла в нос, перебивая тёплый, землистый аромат паприки, тянущийся из духовки.

Когда масса сделалась тягучей и блестящей, Люда взяла креманку. На дне уже лежала горсть крем-фреша, медленно сползающая по стеклу – томно, с достоинством, как дама на шезлонге в солнечный день.

Горячий сироп лёг сверху густой лентой. Крем вздрогнул, осел, края его поплыли, образуя плавные завитки. Золото и молочная белизна переплелись, не спеша вступая в вынужденный союз.

Прозрачный чайник наполнился до краёв мутноватой янтарной жидкостью. Внутри плавали еловые ветки и облепиха – ягоды набухли, кое-где лопнули, отдавая воде терпкую горечь.

Люда одобрительно кивнула. Поставила рядом креманку, поправила салфетку и, выдержав паузу, подняла поднос – точным, выверенным жестом.

На кухне появился Игнат.

– Я услышал звонок, – сказал он спокойно. – Похоже, таймер. Я проверю.

– Ага, – бросила девушка через плечо, – прихватку возьми. И глянь, готово ли.

Игнат молча натянул прихватки и открыл духовку. Изнутри вырвался жар и запах паприки. Он аккуратно выдвинул противень, прищурился, разглядывая корочку.

Люда краем глаза успела отметить румяный, уверенный цвет – и выскользнула в зал.

Она опустила поднос на столик без лишнего шума, только креманка чуть стукнула о дерево.

– Ну, надеюсь, это наша не последняя встреча, – произнесла она с подчёркнуто траурным выражением лица.

– Ах, не волнуйся, милочка, – женщина весело подмигнула, – такие как я всех переживают. И тебя переживу.

Она откинулась на спинку стула, довольно разглядывая десерт.

– Ещё и труп твой вскрою и увижу, чем ты всю жизнь занималась. Я патологоанатом. Сорок лет стажа. Люблю, понимаешь ли, открытых людей.

– Значит, тухлятиной вас не удивишь, – не растерялась Люда.

– Разумеется, солнышко, – женщина улыбнулась ещё шире, – я и тухлее тебя повидала.

Клиентка флегматично отвернулась к столу, подвинула бокал и о чём-то глубоко задумалась. Люда стояла на месте, покачиваясь с пяток на носки, сжимая поднос и приподняв плечи.

До неё донесся монотонный голос Игната:

– ... “тактильные галлюцинации часто связаны с психическими расстройствами, абстинентными синдромами, поражением мозга...”

Люда обернулась. Игнат сидел напротив “Свинтуса” и читал с телефона – монотонно, с лёгкой протяжностью и явным удовольствием. Щёки парня налились густым свекольным румянцем, кусок застрял в горле, он закашлялся, пытаясь протолкнуть непрожёванное мясо. Игнат заботливо похлопал его по спине, и, не меняя интонации и темпа, продолжил:

– ... “участки теменной доли, которые считывают сигналы от кожи, начинают активироваться без реального импульса от рецепторов...”

Секунду спустя Люда уже стояла на кухне с маленьким зеркальцем в руке.

– Ну и чучело, – прошептала она, оттягивая нижнее веко.

В глаз словно плеснули алой краской и присыпали песком. Белки превратились в карту лопнувших капилляров. Лицо осунулось, кожа приобрела оттенок застиранной простыни, волосы давно просили шампуня и нормальной покраски. Глаза, когда-то голубые, выцвели до блёклой акварели, сжались, ушли глубже в глазницы. Щёки провалились – на их месте обозначились чёткие скулы, которых раньше не было.

– Да уж, – она убрала зеркало в карман, – если так дальше пойдёт, в следующий раз мы точно на её работе встретимся. Так, соберись давай!

Выйдя в зал, Люда с облегчением выдохнула: здесь всё осталось на своих местах. Разве что из колонки теперь надрывалась “Красная плесень”.

Игнат по-прежнему сидел напротив парня. Тот, похоже, уже перешёл к стадии принятия Игната: спокойно ел ужин и даже протянул ему тарелку.

– Я безмерно благодарен, но вынужден отказаться: из мяса я употребляю исключительно конину.

С тем же невозмутимым выражением Игнат поправил очки средним пальцем.

Услышав это, Люда не выдержала и прыснула. Она юркнула обратно на кухню и, быстро нарезала овощи и мясо. Всё полетело в мультиварку – прибор, который на этой кухне до сих пор служил только элементом интерьера.

Когда гости разошлись, Игнат собрал посуду. Переступив порог кухни, он замер. Ноздри дрогнули, а за стёклами очков резко возник экзофтальм – будто его включили кнопкой.

– Я знаю этот запах, – произнёс он, втягивая воздух.

– Для тебя приготовила, – весело отозвалась Люда, откусывая яблоко. – Жаркое из конины.

Из зала слышалась громкая брань.

– Да ёб вашу мать, ублюдки сраные! Кто эту железяку сюда поставил?! Узнаю, яйца оторву, в сортире промою!

Довершал картину металлический лязг, похожий на грохот арматуры.

– Так, ты садись пообедай. Я пошла, – отрезала Люда и мгновенно ретировалась.

У входа стояло нечто лохматое. На секунду Люде показалось, что к ним забрёл аниматор в костюме йети. Она даже протянула руку – принять очередную листовку с рекламой оптики. Не потому что нужна была, а чтобы поддержать несчастного.

Приглядевшись, она поняла: перед ней вовсе не костюм. Очертания у йети вполне человеческие. Он недовольно озирался по сторонам, не обращая на Люду никакого внимания. Причёской он напоминал командора, давно не видевшего ни ножниц, ни расчёски. Чёрные глазки размером с горошину довершали сходство. Бежевая толстовка выглядела так, будто её поверхность состояла из плотного скопления катышек – целая экосистема, живущая своей жизнью. К тому же ткань тут и там украшали пятна неизвестного происхождения. Вошедший нервно мялся на пороге.

– Девушка! – вдруг рявкнул он. – Вы это зачем на входе поставили? Чтобы люди спотыкались?

– Да, – спокойно кивнула Люда, даже не подняв глаз от блокнота.

Вошедший выпучил свои горошины так, что они едва не вывалились из орбит. Он распахнул рот, и оттуда хлынуло – густо, сочно, с подвываниями и характерным для таких случаев набором выражений. Минут пять он поливал всё: кафе, хамство, лестницу у входа, отсутствие совести и лично Люду.

– ... Я буду жаловаться!!! Чёртов капитализм! Чё хотят, то и делают!

– А тебе завидно, что ли? – она склонила голову, разглядывая его с лёгким любопытством. – Не можешь себе позволить, да?

“Такое бывает... Он просто не понял, куда зашёл. Просто продолжай работать”....

– Я не понял, – йети осёкся, почесал швабру на голове, – ты что себе позволяешь, сопля? Я не позволю какой-то прошмандовке мелкой со мной так обращаться! Ни извинений, “ни здравствуйте”, ни “до свидания”!

Люда захлопнула блокнот, посмотрела прямо в чёрные глаза-горошины и махнула рукой.

– До свидания!

Он медленно двинулся к девушке, выставив вперёд указательный палец – будто держал на мушке. Люда попятилась, не оборачиваясь.

Из кухни выглянул Игнат. Жевательные мышцы ходили ходуном, щека оттопыривалась. Он проглотил кусок, затем медленно, как шпион на задании, оценил диспозицию.

Тем временем йети не унимался. Люда спряталась за блокнотом, как за щитом. Сквозняк гулял по полу, холодил щиколотки.

– Если ты, мелкая сучка, – он приблизился к девушке почти вплотную, его палец уже коснулся её лба, – сейчас не извинишься за свой гнилой базар, я клянусь, я тебя...

Фраза оборвалась. Из-за плеча Люды, бесшумно и точно, вынырнула рука Игната. В ней был зажат маленький баллончик. Струя ударила мужику прямо в лицо – коротко, профессионально, без лишних движений. Йети всхлипнул, двинулся назад, замахал руками, пытаясь стереть то, что нельзя стереть. На лице проступили красные пятна, глаза залило слезами, дыхание превратилось в сдавленный, захлёбывающийся хрип.

– А-а-а! – вырвалось из него – не угрожающе, а жалобно, почти по-щенячьи.

Он отшатнулся, задел стул – тот с глухим стуком отлетел в сторону, едва не опрокинувшись. Мужик вцепился обеими руками в лицо, впился пальцами в горящую кожу.

Люда растерянно отскочила в сторону, вжимая голову в плечи.

– Ты что наделал?! – выдохнула она, кашлянув и разгоня ладонью едкий туман перед лицом.

Игнат не ответил. Он спокойно поправил очки, небрежно сунул баллончик в карман. Люда схватила его за рукав, дёрнула к себе.

– Это что? – прокаркала она сквозь кашель.

– Обычное средство самообороны. – Игнат кивнул в сторону мужика, который, согнувшись на стуле, сипло стонал и остервенением тёр лицо, размазывая слёзы по щекам. – От таких вот экземпляров.

– Ты с ума сошёл? – Люда схватилась за голову, глотая слёзы, – меня же за это посадят!

– Успокойся, – Игнат выставил вперёд ладонь. – Послушай меня.

Он снял заляпанные очки, протёр их рукавом рубашки и посмотрел на Люду. Без очков его глаза вдруг показались почти игрушечными – вдвое меньше и гораздо холоднее. Краем глаза он отметил мужика: тот всё ещё сидел зажмурившись, и методично колотил спинку стула.

– Во-первых, это самооборона. Он тебе угрожал. Никакого превышения нет. Во-вторых, вреда здоровью не причинено. Это временная реакция. По закону к нам не подкопаться. Сейчас посидит, подышит – и отпустит.

Люда прижала ладони к вискам, растирая круговыми движениями ноющую боль.

– Боже, дай мне сил, – прошептала она в пустоту, – а то я точно с катушек слечу.

Она отступила и прижалась спиной к холодной стене – между кухней и узким коридором, ведущим к чулану и уборной.

Игнат тем временем уже суеился возле мужика.

– Тебе бы умыться, а не мебель крушить, – сказал он почти ласково, склоняясь к самому уху. – Пойдём, до уборной провожу.

– Да пошёл ты! И девка твоя! – прохрипел тот, всё ещё щурясь и морщась.
– Я на вас заявление напишу! Дождётесь! Ждите проверку в своём гадюшнике!

Мужик яростно тёр красные глаза и, пошатываясь, матерясь сквозь зубы, направился к выходу. Люда покашливала, прижимая ладонь к груди, и смотрела ему вслед. Её плечи подрагивали; из причёски выбилась сальная прядь. Игнат лишь пожал плечами, разворачиваясь.

– Пойду доем, пока не остыло, – бросил он буднично и двинулся на кухню.

Мужик сделал ещё один шаг к выходу, но тут произошло то, чего не ожидал никто.

Из-под стола вылетело что-то мохнатое и приземистое. Будто пол решил исторгнуть из себя давно забытый элемент декора – и тот рванул в первую попавшуюся сторону. Этой стороной оказались ноги мужика. Коричневый комок врезался в голень, издав боевое, но совершенно не страшное “фыр-р-р!” Мужик взвыл, дёрнулся – и рефлекторный удар пришёлся прямо в бок существу. Оно отлетело в сторону, заскользило лапами по плитке, нелепо завалилось набок и выдало звук, в котором смешались визг, обиженный скулёр и истерический лай. Существо обиженно уползло под стол.

На секунду все замерли. Даже мужик, забыв про жжение в глазах, уставился вниз сквозь слёзную пелену. Люда перестала кашлять и стояла не моргая. Игнат застыл вполборота, так и не донеся руку до очков.

Из-под скатерти показалась взлохмаченная бородатая морда. Гриффон моргнул круглыми глазами-пуговками и тихо, но возмущённо тьякнул.

– Да что за поебень происходит в этой рыгаловке?! – взревел мужик, обращаясь к воздуху. – Тут ещё и зоопарк что ли? Контактный!

Гриффон, не менее ошарашенный, замер, выпучив круглые глаза, словно тоже требовал объяснений.

– Перцем брызгают, псы под ноги кидаются... – голос мужика взлетел до фальцета. – Вы нормальные вообще?!

Он покрутил пальцем у виска, попытался сделать ещё шаг к выходу, промахнулся мимо ручки, ткнулся лбом в дверной косяк, и, разразившись новой, уже совершенно бессвязной тирадой, наконец нащупал дверь.

Хлопок получился неровным и каким-то обиженным.

В зале повисла тишина. Гриффон, всё ещё сидевший на том же месте, осторожно чихнул.

Люда икнула.

– Я не выдержу этого всего, – бросила она, побледнев. Через секунду она скрылась за дверью уборной.

– С тобой всё в порядке? – Игнат осторожно постучал костяшками по двери. – Полчаса уже сидишь.

Щеколда лязгнула. Из уборной вышла Люда – с пылающими щеками и без макияжа. Не говоря ни слова, она задела Игната плечом и пошла в зал.

Дверь тут же распахнулась. Груша дёрнулась, но не сработала.

“Ну и чёрт с ней” – подумала Люда.

– Здравсьте! Я по объявлению! Вам же повар нужен?

На пороге стоял коренастый парнишка – ростом едва ли в половину Игната. Он был похож на гнома, случайно забредшего в мрачноватый человеческий мир. Из-под рваной чёрной бейсболки торчали плотные рыжие волосы – жёсткие, как заржавевшие проволоочки.

– Нужен, – выдохнула Люда, – проходите.

Парень переступал с ноги на ногу, по-хозяйски оглядывал зал. Колкие зелёные глаза не задерживались на предметах долго, на каждый ушло не больше секунды. Люда коротким жестом позвала на кухню. Игнат проводил их долгим, внимательным взглядом.

– Вот все раскладки, вот основные блюда – самые ходовые. Названия, ингредиенты. Опыт есть?

– Обижаете! – затараторил парень, расплываясь в улыбке. – Опыта о-го-го! Я быстро учусь. На лету схватываю. Я вообще человек надёжный. Работать люблю и хорошо зарабатывать.

Он полез в рюкзак.

– Резюме показать? Всё с собой. Яков, кстати.

– Людмила, – кивнула девушка. – Вы знаете, что у нас заведение концептуальное?

– Да, да, я в курсе! – Яков энергично закивал. – Я любые блюда могу. Смотрю, раскладки у вас простые, рецепты ...читерские. Изи справлюсь. Когда приступать? Могу прямо сейчас. Давайте вот этот салат сделаю. Как его... “Гнойный”.

Он ухмыльнулся. В свете лампы сверкнул золотой зуб.

– Могу и клиентам хамить, если по концепции положено. Тоже опыт есть. Ха-ха.

– Вы пока изучайте раскладки, – тихо сказала Люда. – Там есть и специфические позиции. С повышенной сложностью.

Яков уставился в листы. Тонкие брови сошлись у переносицы, нос шмыгал почти без пауз. Он еле слышно бубнил названия и время от времени криво ухмылялся.

– Кхм... Люда, – шепнул Игнат, когда она вернулась в зал. – Тебе повар настолько нужен?

– Спрашиваешь! – выпалила она. – Скоро Хэллоуин. Я хочу вечеринку устроить. Первая, в честь открытия, мягко говоря, провалилась. Ты не представляешь, что я тогда пережила. Я думала, сюда больше никто не придёт.

Она перевела дыхание и продолжила.

– Если всё получится, народу будет много. Я планирую скидку за костюмы. Я физически не успею и готовить, и носиться по залу вместе с тобой. Меню ещё нужно доработать – праздничное. Мы просто не вывезем.

Люда договорила и снова сжала виски пальцами.

– Он какой-то странный, – после паузы сказал Игнат.

– Да перестань ты ярлыки клеить, – вспыхнула Люда. – Посмотрю на него. Вдруг правда ас. Видел же, как уверенно говорит. Не зря же. Не уверен – не стал бы так распинаться.

– Не верь всему, что слышишь. Впрочем, дело твоё. – Игнат развёл руками и наконец-то повернулся к клиентам: двум мужчинам в деловых костюмах, которые всё это время стояли у официантов за спинами и безуспешно пытались до них докричаться.

– У нас нет тугоухости, молодые люди. И слабоумия – в отличие от вас – тоже. Говорят, в костюмах ходят либо гении, либо те, кто очень старается

ими казаться. Первые встречаются редко. Вторых – пруд пруди. Так вот: трёх гениев в одном помещении быть не может.

На Игната уставились четыре ошарашенных глаза. Секунда тишины – и оба мужчины громко расхохотались.

– Слушай, а ты молодец, парень. Роль свою отлично играешь.

– Я не играю, – серьёзно ответил Игнат, поднимая с пола перепуганного грифона.

Гости снова разразились громовым смехом.

– А это что за херня на ножках? Надеюсь, не повар? – один из парней бесцеремонно ткнул пальцем прямо в мокрый собачий нос.

– Если вы сейчас продолжите словесно унижать животное, – ровно произнёс Игнат, – вы поменяетесь с ним едой. С одной оговоркой: вы об этом не узнаете.

– Ну ладно, ладно, не обижайся, парень. Мы ж так – развлечься пришли. Реклама в Инстаграме попалась. Ну и поесть, само собой. И выпить. Дай меню.

Игнат молча указал пальцем на стол и уселся за барную стойку. Несколько минут он наблюдал, как парни – хохоча раскатисто, вздохнув, будто им под столом щекочут пятки – пытались поймать ускользающую папку. Вскоре Игнат понял, что выбор блюд – процесс небыстрый, и, погладив притихшего грифона по холке, поднялся.

На кухне он застал растерянную Люду. Чёрная футболка пестрела разводами неизвестного происхождения; джинсы не отставали – пятна расплзлись по ткани, как карта неизвестной местности. Она хваталась то за лоб, то за виски и металась по тесному пространству, натыкаясь на углы.

В сотый раз Люда пыталась объяснить новоиспечённому повару, как правильно резать огурцы для салата.

– Ты не знаешь, что значит “соломкой”? – она развела руками, чуть не смахнув со стола кружку. – Это как...палочками. Смотри.

Она выхватила нож из рук Якова, придвинула к себе доску и принялась яростно шинковать. Кухня мгновенно наполнилась запахом свежих огурцов – густой, въедливый, он смешался с паром от плиты.

– Вот. Это соломка. Палочка. Не кружок, не кусок, не шмат! Палочка. Понимаешь? Надеюсь, помидор черри на две части ты осилишь?

Она протянула Якову нож. Тот стоял с алыми щеками, глядя себе под ноги. Он принял нож, неловко перехватил его в ладони. Люда замерла, наблюдая. Через несколько секунд её глаза округлились.

– Да не поперёк! – вскрикнула она, закрывая лицо ладонью. – Ты где видел, чтобы помидоры так резали? Ты как собрался жопку отрезать? Выковыривать её, что ли?

– А какой смысл её отрезать? – пробубнил Яков. – Смысла нету. Это же черри, её и не видно. И вообще, я много где видел. В ресторанах, например. Все так делают. Зачем лишние заморочки?

– Режь как я сказала. – Люда шумно вдохнула. – И строго по раскладке. Без отсебятины. Продукты, если ты не в курсе, не резиновые.

Она подтолкнула к нему весы.

– Вот. И не говори, что в них нет смысла. Взвешиваем без тары. Сюда нажимаешь – сбрасываешь вес тары. Я это уже... – она осеклась, – не первый раз объясняю.

Она наконец повернулась к Игнату. Пёс дремал у него на руках, уткнувшись бородатой мордой в сгиб локтя, и тихо посапывал, вздрагивая лапами во сне.

– Хозяйка не объявилась? – осторожно спросил Игнат.

– Нет пока. Я во все соцсети посты выложила. Странно, что она сама ещё за ним не прибежала. Обычно для таких дамочек собачки дороже детей.

Нож стучал о доску – сбивчиво, неуверенно. Яков пыхтел, то и дело тыкал пальцем в панель весов и сыпал овощи в чашку.

Игнат покосился на него, но ничего не сказал.

Из зала донёсся вопль.

– Официа-а-ант!

Люда, нахмурившись, водила пальцем по листу с раскладками, шевелила губами, пересчитывая граммовку. Яков стоял над чашей с салатом и щедро, от души, лил соус на овощи – тонкая струйка всё толстела, пока он не спохватился. В следующую секунду он бросил банку, распахнул холодильник и замер, уткнувшись внутрь.

– Ты куда столько налил? – взвизгнула Люда, выныривая из расчётов. – одной столовой ложки более чем достаточно!

Она шагнула к нему, заглянула через плечо.

– Что ты там рассматриваешь? Лимонный сок не узнаёшь? Доставай. Делай. Я выйду на минутку.

Девушка вылетела из кухни, качая головой и что-то бормоча себе под нос – сквозь гул вытяжки доносилось только “...боже...” и “...за что...”

Яков проводил её взглядом, дождался, пока дверь захлопнется, и повернулся к Игнату. Щёки его уже налились почти бордовым.

– Ну и стерва, да?

Игнат поднял глаза. Посмотрел на Якова поверх очков – долго, спокойно, без тени улыбки.

– У тебя всегда кто-то другой виноват? Такая позиция по жизни? – он погладил собаку по мягким ушам. Пёс открыл глаза и зевнул. – Удобно, спору нет. Только работать так не выйдет.

Яков не ответил. Он едва заметно скривился, но тут же натянул прежнюю улыбку и отвернулся к чашке. Под пристальным взглядом человеческих и собачьих глаз он неловко усмехнулся, опустил взгляд и с удвоенным усердием принялся мешать салат, утопающий в жидком тёмном соусе.

– Да к этому салату только черпак подавать, – Игнат склонился над чашкой, разглядывая тонущие овощи. – Соуса многовато, не находишь?

Из зала снова донеслось:

– К нам кто-нибудь подойдёт? Эй, девушка!

Игнат выглянул из кухни.

Над столиком стояла Люда с таким выражением лица, что он невольно напрягся. Он что-то шипела в ответ на вопросы, резко чиркала ручкой по блокноту. В финале она демонстративно закатила глаза, цокнула и, разворачиваясь, показала через плечо средний палец. Жест вышел коротким, но адресным. Мужики оголтело ржали ей вслед.

Люда шла, не оборачиваясь, обхватив предплечья пальцами, лопатки под футболкой чуть вздрагивали.

– Вот. Заказ.

Люда швырнула листок на металлическую столешницу – бумага упала с сухим призвуком, край задрался. На сером холодном металле лист смотрелся чужим.

– Дел на две минуты. Ищи по раскладкам название, доставай и режь.

Она ткнула пальцем в строчки.

– Салаты “Свинья” и “Мудачный”. Закуска “Картошка фри”. – Слова вылетали, как пулемётная очередь. – Всё по алфавиту, если ты заметил. Картошку мы делаем только в аэрогриле, никакого жира. Никаких фритюрниц. – Она постучала костяшками по корпусу прибора. – В раскладке всё написано: время приготовления, температура. Чтобы без отсебятины.

Яков быстро закивал, не поднимая глаз – только шея ходила ходуном, кадык дёргался. Руки уже тянулись к холодильнику.

– Бекон для салата режем не ломтями, а тонко. – Люда выхватила из подставки самый длинный нож, блеснула лезвием прямо перед его носом. – Этим. Самым большим и острым. Пармезан на мелкой тёрке...

Телефон Люды завибрировал. Она нервно ткнула кнопку.

– Алло?

Цвет её лица изменился за секунду – стал конкурентом свежему молоку. Голос перемешался с равномерным стуком ножа по доске.

– Что?.. А нам что делать? Вот чёрт!

Она молча слушала звенящий голос из трубки ещё пару минут, изредка отвечая коротким “угу”. Потом швырнула телефон на столешницу. Тот глухо стукнул о холодный металл, отскочил, звякнул. Яков вздрогнул, рука дёрнулась, но он тут же продолжил нарезать бекон – куски выходили толщиной в сантиметр, неровные, корявые. Люда даже не взглянула на него. Крикнула, не оборачиваясь.

– Нарезай. Приду проверю. Игнат, иди сюда.

Они вышли из кухни, Люда жестом позвала Игната в коридор. Когда они дошли почти до чулана, она остановилась и заговорила свистящим шёпотом:

– Короче, полный пиздец. Хозяйка вот этого – она кивнула на гриффона, который дремал на руках у Игната, – умерла сегодня. Инфаркт. Представляешь? Как от нас вышла, плохо стало.

Она провела рукой по лицу, задержала ладонь на лбу.

– Надеюсь, не мой десерт виноват. И не моя шутка про инфаркт.

– То-то она за сердце хваталась. – Игнат говорил медленно, слегка запинаясь. – И дышала так, будто с марафона прибежала. Да и соображала туговато.

Он заметно напрягся, потёр шею, переложил собаку поудобнее.

– Хорошо, что хоть сообщили. А кто звонил? Тот, кто собаку заберёт?

– Не-а. – Люда мотнула головой. – Звонила соседка. Они обычно вместе гуляют, в одно и то же время. А тут она вышла, а Аполлинарии – так её звали – нет. Она давай звонить – та трубку не берёт. Ну думает, может уснула, возраст всё-таки. А потом телефон взяла ленту полистать – а там мой пост с фоткой собаки, она по ошейнику сразу узнала. Говорит, он какой-то дизайнерский, под заказ делали.

Люда выдохнула, голос сел, но она продолжила:

– Побежала к ней, благо ключи были. Заходит – а она лежит... Ой, кошмар. – Люда зажмурилась на секунду. – Детей у неё нет. Мужа тоже. Про родственников ничего не известно. Подруги все давно того... У этой соседки у самой три собаки в полуторке. Короче, некому забрать.

Вывалив всё это на одном дыхании, девушка прижалась спиной к стене и глухо стукнулась об неё затылком. Из зала слышался гогот, мат и звон посуды – в ожидании заказа гости развлекались съёмкой контента и громким декларированием вслух позиций из меню.

– Блин! – выдохнула Люда, отлепилась от стены и сорвалась с места. Игнат двинулся следом, на ходу что-то печатая в телефоне. Люда влетела в кухню первой. И через секунду от стен отскочил её вопль:

– Ты что делаешь, твою мать?!

Яков застыл посреди помещения, как памятник самому себе. В руках он держал пекинскую капусту – вернее то, что от неё осталось: измученный кочан, похожий на зелёную мочалку после годичного использования. От неожиданности он выронил эту ношу.

На столешнице царил хаос. Шмат бекона, ещё недавно бывший добротным куском мяса, валялся растерзанным – половина исчезла в неизвестном направлении, вторая сиротливо свисала с края столешницы, истекая жиром. Рядом громоздились горы криво нарезанных овощей, луковые кольца плавали в луже масла, а на полу белел рассыпанный пармезан.

Игнат заглянул через плечо Люды, перевёл взгляд с Якова на поле боя и обратно. Только пёс во сне довольно чмокнул – видимо, ему приснилась косточка покрупнее.

В чашке покоилось нечто, когда-то задуманное как салат “Свинья” – ещё одна гордость Людиного меню, выстраданное ещё до открытия. Бекон, перепелиные яйца и оливки утонули в соевом соусе без единого шанса на спасение, лишь макушки яиц торчали, как утопленники в болоте. Сверху, словно рухнув с огромной высоты, валялись ошметки помидоров черри. Рваные листья пекинской капусты почему-то лежали рядом с чашкой – по ним, не торопясь, ползла пухлая жёлто-зелёная гусеница, деловито перебирая лапками.

Люда схватилась за голову. Из груди вырвался звук – не то вздох, не то всхлип.

– Так... – она зажмурилась и резко открыла глаза. – Смотри и учись.

Из зала прилетел выкрик:

– Эй, вы там сдохли все? Где еда?

– Не обращайтесь внимания, – отрезала Люда. – Игнат, тоже сиди. В морозилке, кстати, кости есть, дай собаке.

Игнат кивнул и тут же нырнул в морозилку.

– Вот, повторяю ещё раз: берёшь бекон...

“Съебись, тупой олень, по моему хотению...” – весёлая песенка ворвалась в пространство без спроса, залезла в уши и повисла в воздухе, как пыль.

– Алло? – Игнат прижал телефон к уху с предельно серьёзным лицом. – Хорошо, выхожу.

Не говоря ни слова, он скользнул к выходу и исчез. На кухне повисла тишина – только гриффон довольно рычал над костью, вгрызаясь в неё с чавканьем и поскуливанием.

Не глядя по сторонам, Игнат прошагал через зал ровно, будто по размеченной линии.

– Эй, ты, профессор кислых щей! – донеслось вслед. – Жрачку неси, мы щас с голоду сдохнем! На твоей совести будет! Вот ведь сучонок, смотри-ка, игнорит!

Но Игнат не повернул головы. С невозмутимым видом он вышел на крыльцо, через минуту вернулся с большим белым пакетом, на боку которого красовалась эмблема зоомагазина. Он остановился посреди зала и принялся с интересом разглядывать содержимое – вытащил коробку с кормом, повертел в руках, сунул обратно. Гости притихли, косились на него уже без прежней наглости. Один из них едва заметно сглотнул, краем глаза заметив разноцветную упаковку с собачьим лакомством.

– Я же в топ-100 менеджеров попал, – сказал он, довольно откинувшись на стул и сцепив руки на затылке. – Скоро привалит. Десять лет работаю, и вот – результат! Долги раскидаю.

– Да это надо отметить! – улыбнулся второй и гаркнул в сторону Игната: – Эй, чел! Я понимаю, что ты слух свой в задницу засунул, когда мы вошли, но вытащи на минуточку! Нам коктейлей ещё запиши. Недорогих каких-нибудь, но чтоб крепких. Окей?

Игнат, не оборачиваясь и не сбавляя шага, скрылся на кухне.

– Что это? – Люда кивнула на пакет, рассеянно стряхивая прилипшие кусочки зелени с футболки, давно превратившейся в холст для абстрактной картины из пятен.

– Да, вот, это самое... купил. Поводок, новый ошейник, корм, шоколад для собак...

“Это же всё немалых денег стоит...” – подумала Люда, и тут же отмахнулась от мысли: не её дело. Её глаза каждую секунду косились вбок, где Яков предпринимал десятую попытку приготовить простое блюдо.

Спустя час они справились. Игнат аккуратно составил блюда на поднос и вышел в зал, но тут же вернулся обратно на кухню.

– Они ушли, – сухо констатировал он, ставя на разделочный стол поднос с осиротевшими чашками.

Люда бросила на спинку стула полотенце, которое до этого комкала в пальцах. Она молча опустилась на стул – тяжело, всем телом, будто кости вдруг стали свинцовыми. Телефон уже был в руках, экран засветился, посыпались уведомления отовсюду.

Люда листала, не глядя, просто водила пальцем, смахивая одно за другим. Отзывы. В основном негативные. Самый свежий написали несколько минут назад. “Полная хрень. С концепцией официанты перегнули так что еды мы вообще не дождались. Цены завышенные. Слишком дорого”. Были и хорошие. По большей части – про Игната. Про неё не писали ни слова.

Артур прислал фотку бицепса из спортзала. Рука на камеру, вены вздуты, на заднем плане – тренажёры. “*Ну хоть не диктик*” – мелькнуло в голове, но она даже не усмехнулась.

Банк прислал сообщение о просрочке платежа по кредиту. Подруга – напоминание о долге, короткое, без смайликов. Арендодатель – о приближающейся дате платежа. Отец, живущий в соседней деревне, по всей видимости, снова напился: семь пропущенных и голосовое длиной в минуту, где он отчаянно звал в гости и путал имена.

Люда вздохнула и набрала сообщение с извинениями в ответ на отзывы. На остальные не нашлось ни сил, ни желания.

– А с этим что делать? – Яков робко кивнул на тарелки с нетронутой едой.

Люда поднялась со стула – медленно, с хрустом в спине.

– Ешь, если хочешь, – ответила она тихо, почти беззвучно, и, не глядя на него, вышла в зал.

Трэш для Люды

Приближался день вечеринки. Яков приходил на стажировку вовремя – ровно к открытию, отряхивая кроссовки о порог и нырял на кухню, как примерный ученик, который боится опоздать к доске. Неделю спустя он всё ещё косячил, но уже реже: огурцы обрели наконец форму соломки, а соус перестал заливать всё вокруг слоем цунами. Даже гусеницы в капусте больше не водились.

Люде писали и другие кандидаты. Смотрели меню, задавали вопросы про график, а услышав про зарплату, исчезали быстрее, чем появлялись.

Артур уехал на соревнования. За неделю позвонил дважды – один раз уставший, второй раз на взводе, и оба раза разговор сворачивал на то, как ему тяжело и как он всех там сделает. На “давай увидимся, нужно

поговорить” находились причины: то режим, то тренировки, то просто “потом, солнце, всё потом”.

В один из вечеров Люда сидела над разработкой меню для праздника. Карандаш чиркал по бумаге, строчки налезали друг на друга.

– Так... – она водила пальцем по списку, писала и тут же стирала резинкой, крошки от которой липли к ладони. – “Сопли Дракулы”, “Кровь не-девственницы”, “Кишки отчима”... Вроде ничего не забыла. Так...ингредиенты...

Яков пыхтел на кухне: за неделю он освоил аж три блюда и научился нажимать кнопки на кофемашине. Но оставлять его одного Люда ещё не решалась – слишком часто приходилось ловить за руку в последний момент. Даже в дни авралов заглядывала на кухню.

С Игнатом у новенького не складывалось. Игнат называл его “когнитивно простым индивидуумом” и старался лишний раз не пересекаться – только если надо было ткнуть носом в грязную разделочную доску или молча забрать у него нож и перерезать всё заново. Они сцеплялись каждый день: из-за криво нарезанного лука, из-за пятен на бокалах, из-за заказа, который ушёл на десять минут позже.

Негативных отзывов становилось больше. Писали про грязь, невкусную еду и долгое ожидание. Даже Игната пару раз назвали “мутным типом в очках, который смотрит как рентген”. Но клиентов, к удивлению Люды, меньше не стало. Появились даже постоянные – те, кто заходил после работы сбросить пар, посидеть в углу с “Мутной жижей”, обменяться с официантами парой колких оскорблений и спокойно уйти.

Она всё так же часто ночевала в кафе. Раскладывала стулья, укрывалась курткой и засыпала под гул холодильника. До дома было пятнадцать минут пешком, но не было сил.

В момент, когда Люда расписывала ингредиенты для десерта “Прах деда” и обдумывала состав котлет “Молчание котят”, на пороге появились трое парней в спортивных костюмах. Костюмы выглядели так, будто их достали

из сундука вместе с наследством вышеупомянутого деда – вытянутые колени, въевшиеся пятна, шнурки на штанах волочились по полу. Люда даже принялась автоматически, но тут же зажала нос пальцами – на всякий случай. Из-под ладони взгляд упёрся в троицу по очереди: лысый, лысеющий и пока ещё лохматый.

– Здорово, девушка! – рявкнул лысый, звук получился такой, будто в пустой бочке залаял алабай. – В инсте пишут, у вас тут отвратно. Мы пришли лично убедиться. Оценить масштаб.

Он шумно, с присвистом, втянул воздух. Двое других заржали, разглядываядохлые фиалки на подоконниках. Люда специально их пока не убирала, оставила для антуража, к празднику. Теперь они смотрелись как иллюстрация к концепции.

– Наблюдательность у вас, конечно, – голос Люды прошёл сквозь пальцы гнусаво, с лёгкой примесью презрения, – но выводы могли бы оставить при себе.

Сегодня её руки дошли до настенного телевизора. Она загрузила на флэшку видео, и теперь глаза посетителей радовал мультфильм “Happy tree friends”. Радовал прямо с порога – телевизор висел прямо напротив входа, и первые секунды в зале гарантированно сопровождались чьей-нибудь кровожадной смертью на экране.

Парни заговорили наперебой, не обращая внимания ни на Люду с зажатым носом, ни на цветных зверушек, которые как раз разлетались на части.

– Чё, пацаны, куда сядем?

– А выпивка тут есть?

– Я своей десерт возьму, только не скажу, что он отсюда. Она меня убьёт, если узнает, что сюда ходил. Говорит, рыгаловка тут, а концепция – дерьмо.

– Дерьмо здесь только ты. – Люда плюнула словами, швыряя на стол меню.
– И воняешь соответствующе.

Секунду назад она вернулась из кухни, где щедро полила папку растительным маслом. Игнат и Яков даже перестали на секунду пререкаться по поводу “говядины, нарезанной как будто не верхними конечностями и вообще не конечностями” – одновременно замолчали и проводили её странные действия не менее странными взглядами.

С маслом Люда переборщила. Папка шлёпнулась на скатерть, разбрызгивая во все стороны ароматные капли. Парни переглянулись. Один из них открыл меню, держа за край ногтём, будто брал дохлую крысу.

В телевизоре лосю оторвали рога – брызнуло алым, зверёк замертво рухнул в сугроб под задорную музыку. Парни тыкали пальцами в строчки меню, лица при этом сохраняли на удивление серьёзное выражение.

К ним подошёл Игнат. Парадный пиджак сегодня был тусклого горчичного цвета – на фоне дохлых фиалок смотрелось почти органично.

– У вас интеллект определяют по количеству волос на голове? – он обратился к лохматому парню, у которого глаз уже заметно подёргивался, а шевелюра, кажется, встала дыбом от одного только звука его голоса. – Если да, то будьте добры, обратитесь на своём языке к вашим менее...волосатым товарищам. Спросите, не могли бы они поторопиться с выбором? Мы все тут немного заняты – кто-то разлагается, кто-то просто ждёт.

Парни переглянулись, но сказать ничего не успели – Игнат уже развернулся к стойке.

Люда сидела неподвижно. Голубое приталенное платье облегло фигуру, но сама она казалась неживой – бледное лицо, пустой взгляд в одну точку, руки сложены на коленях. Кукла, которую посадили и забыли. Она молча протянула ему лист с праздничным меню.

– Почти всё то же самое, что и раньше, только названия поменяла и пару ингредиентов. – Люда выдохнула после длинной паузы. – А то наш новый повар вообще не разберётся.

Ингат углубился в изучение кривых букв. Лицо оставалось неподвижным, только очки сползли к кончику носа – он машинально поправил их указательным пальцем и продолжил читать с той же каменной сосредоточенностью. Дойдя до последней строчки, замер. Губы дрогнули в едва заметной ухмылке. Там, в самом низу, значилась закуска “Херня из-под коня”. Никаких коней, разумеется, на кухне не водилось.

Дверь отворилась. Люда повернула голову – неестественно медленно, как в режиме замедленной съёмки, когда каждый миллиметр движения тянется бесконечно. Повернувшись, застыла. Руки дрогнули, телефон выскользнул из пальцев, глухо стукнулся о колено и упал на пол.

На пороге стоял Артур. Глаза горели – чересчур ясно, будто в них вкрутили лампочки. Зрачки были расширены даже для этого тусклого цвета. Он стоял, чуть покачиваясь с пятки на носок, не в силах устоять на месте – тело явно требовало движения, мышцы под футболкой перекачивались. Челюсть ритмично сжималась, желваки ходили ходуном. Он улыбнулся. Широко, но глаза остались холодными.

– Солнце, привет! Я второе место занял, отметить пришёл!

Он протянул девушке шоколадку – дешёвую, квадратную, точно из ларька возле метро. Люда смотрела на неё, но не видела. Плечи взлетели к ушам, челюсти сжались так, что зубы, кажется, сейчас треснут. Она не встала. Вцепилась в стул мёртвой хваткой и замерла – будто любое малейшее движение грозит ей гибелью.

– Люда! – Артур нахмурился, хриплый голос обиженно дрогнул. – Привет! Ты хоть бы встала поздороваться, вообще-то давно не виделись. Я говорю: второе место по области! Ты чё, не рада?

Игнат, навалившись на барную стойку, уткнулся носом в листок – слишком глубоко и старательно.

Наконец грудь девушки качнулась коротким, рваным вдохом. Жар пополз к ушам, залил шею, уши. Она поднялась. Стул качнулся, едва не рухнув следом. Ноги понесли её к Артуру – медленно, негнушимися шагами, как будто по дну бассейна, полного киселя. В ушах шумело, в висках стучало, и с каждым шагом мир сужался до одной точки – до его лица, до этих слишком ясных, слишком горящих глаз.

– Пойдём-ка, поговорим, – прошипела Люда сквозь зубы так, что в зале, кажется, на секунду стало тише.

– Я не понял, ты чем недовольна? – Артур развёл руками, голос прогремел.
– Звоню, у тебя голос недовольный, будто я тебе сделал что-то, трубку бросаешь...

Люда прижала палец к губам – резко, почти впилась в них – и мотнула головой в сторону двери. Пальцы другой руки сжались в кулак. Клиенты за столиком проводили их любопытными взглядами.

На крыльце вечер ещё держался. Солнце садилось, последние тёплые лучи лениво скользили по вывеске, по серым пятнам на пластике, по блестящей хомячьей лысине. Артур задрал голову, прищурился.

– Вывеску так и не переделали... – присвистнул он. – Вот бессовестные, сами же виноваты...

– А ты думаешь, мне до неё? – Люда дёрнула плечом. – До хомяка этого долбанного? У меня тут всё рушится! К залупам конским летит! Платить нечем! – Она шагнула ближе, упёрлась взглядом ему в переносицу. – Деньги зачем без спроса взял?

– А-а, – протянул Артур, и на его лице медленно, как масло по сковороде, расплзлась кривая ухмылка. – Вот ты на что дуешься! А я думал, скучаешь там, переживаешь... Да, я взял, чё такого? У нас вообще-то всё общее, пятьдесят на пятьдесят, так ведь договаривались?

– Только ответственность у нас тоже пятьдесят на пятьдесят в таком случае! – Люда сорвалась, голос взлетел и разбился о тишину пустой улицы. – А я всё на себе тащу! Всё! Куда ты их дел? Почему не сказал? Мне бы эту сумму как раз на кредит! Я в полной жопе сижу и просвета не вижу!

– Ну так соревнования! – рявкнул Артур в ответ, и голос его вдруг стал ниже, тяжелее. – Ты же знаешь, чё тебе говорить! Ты сама подумай, я тренером скоро буду, мне статус нужен, кубки нужны! Вообще-то без добавок я их не получу! А денег не было тогда, чтобы их купить. Да и на дорогу немало надо. Не думал, что ты такая жмотка. Думал, тебе для моей карьеры ничего не жалко! Я же тренером буду, деньги грести! А ты не хочешь вкладываться!

– А мне-то что от твоей карьеры?! Мне она что даст? Я...

Договорить она не успела. Кулак Артура врезался в перила. Дерево жалобно охнуло, по крыльцу пошла дрожь, ступеньки вздрогнули. Люда сжалась в комок, слёзы защипали глаза, но она даже не моргнула – смотрела на него, не дыша.

Дверь скрипнула. В щели показался ровный нос Игната, потом пол-лица.

– У вас тут всё нормально? Твой парень с тестостероном переборщил? Вколол больше, чем надо?

Люда моргнула. Слово не сразу дошло.

– В смысле – вколол?

– Люда, это что за ботаник? – Артур развернулся к двери, лицо налилось кровью, вены на висках вздулись, пульсировали. Кулаки сжались. – Он попутал что-то, а?

Игнат полез в карман.

– Стойте!!! – Люда рванула вперёд, встала между ними, широко раскинув руки. – Игнат, иди работай! Артур, успокойся!

Из зала донеслось:

– Что там за разборки? Точно дворовый пивняк какой-то...

– Игнат, иди, – повторила Люда тише, почти беззвучно.

Дверь закрылась. Артур подошёл к Люде, взгляд уставился ей в переносицу, рукой он схватился за косяк.

– Может, этот очкарик выйдет, объяснит, чё он имел в виду, а?

– Артур... – выдохнула Люда. – Иди домой, я тебя умоляю! Просто иди домой...

Она сглотнула слёзы – горький комок провалился внутрь, оставив царапину где-то в груди. Вернувшись в зал, захлопнула входную дверь, повернула ключ в замке до упора, дёрнула ручку – проверила. Ролл-штора с грохотом рухнула вниз, отсекая вечерний свет, улицу и Артура.

Он ещё кричал. Слова долбили по стеклу вместе с кулаками – глухо, яростно, но закалённое стекло даже не дрожало. Люда стояла по ту сторону, прижавшись лбом к двери, и считала удары. Раз. Два. Три. Потом сбилась.

Через несколько минут всё стихло. Артур бросил последнее проклятие – оно врезалось в дверь и рассыпалось на буквы. Шаги отдалились, сначала тяжёлые, злые, потом всё тише, пока не растворились в вечернем шуме.

За дверью повисла тишина. Только ветер шевелил мусор на крыльце и баннер, который всё ещё валялся под лестницей, да откуда-то издалека, за бараками, доносился лай собак. Люда не двигалась. Стояла, вжимаясь лбом в дверь, и слушала, как уходит звук, а вместе с ним – последние силы.

Парень из зала – в самом растянутом, синем, костюме – обернулся к ней:

– Девушка! Может, ментов вызвать? Вдруг, это... вернётся, опять буяннить начнёт. Чувак-то явно под чем-то. Не соображает.

Из кухни вышел Игнат с подносом. Двигался плавно, почти церемонно – будто подносы разносит исключительно по личной прихоти, а не по обязанности. На подносе теснились три одинаковые тарелки с салатами и три бокала с кофе – американо, судя по цвету, большего от Якова ждать не приходилось. Люда скользнула по ним взглядом и не увидела. Воздух закончился. Она прерывисто втянула его, развернулась и почти бегом нырнула в уборную.

Вышла только через сорок минут, когда зал уже опустел. Ладони были мокрыми, на лбу блестела испарина, хотя в кафе было прохладно.

– Ты зачем дверь открыл? – крикнула она Игнату.

Тот, уткнувшись в новое меню, даже не поднял глаз:

– Ну так, надо же было их выпустить. Кстати, Яков их рассчитал. Говорит, с кассой умеет.

– Закрой дверь. – Люда выдохнула. – Пока что просто закрой.

Игнат пожал плечами, вышел на крыльцо, огляделся – пусто, только мусор шевелился на ветру – и почти беззвучно прикрыл дверь.

– Там бы, это самое... – он кивнул в сторону крыльца, – мусор убрать.

Люда за барной стойкой снова вцепилась в ручку. Лист перед ней был исполосован, исчеркан, в некоторых местах продырявлен насквозь.

– “Тараканья гниль”... здесь соус терияки надо.. – Она грызла колпачок ручки, загибала края листка, отгибала обратно, пока бумага не начала рассыпаться под пальцами. – “Мозги твоего бывшего”... Здесь пустую тарелку подавать будем. И цену пишем – ноль.

Они диктовала себе под нос, не глядя по сторонам. На экране телевизора зайцу только что вырвали глаза, бобёр с радостью наматывал собственные кишки на еловую ветку, как праздничную гирлянду.

Наконец она со всей силы ткнула кончиком ручки в лист – так, что грифель хрустнул.

– Всё. Готово. – Она выдохнула и швырнула бумагу в сторону Игната. – Можешь ознакомиться с полным списком. Неделя до вечеринки, надо зал украсить успеть.

Игнат поймал лист на лету, пробежал глазами, поморгал. Потом поднял взгляд.

– Люд, всё, это самое...понятно, но, боюсь, я не смогу в день вечеринки выйти.

Люда минуту молчала. В телевизоре догорал очередной зверёк.

– Что? – коротко бросила она. – Я не ослышалась? Я вообще-то тебя наняла, чтоб самой на вечеринках с ума не сойти, а ты...не сможешь?

Она подалась вперёд, оперлась костяшками о стойку.

– И что за срочные дела такие, что важнее работы?

Игнат с ответом не спешил. Он теребил полы пиджака, переминаясь с ноги ногу и тихо покашливал.

– Ну, у меня соревнования... Дату буквально сейчас, это самое...утвердили.

– Твою ж мать! – Люда стукнула ладонью по столешнице. – Ещё один спортсмен на мою голову! А ты можешь в них не участвовать, например, а? Вот прям так важно?

– Да, – выдохнул Игнат. – Важно. Очень важно.

Люда молчала. Под потолком умирала осенняя муха – билась о плафон, падала, взлетала снова, наивно надеясь пробить стекло. В телевизоре умирал олень – под хихиканье цветных зверушек ему оторвали рога, потом вырвали уши и глаза, а потом добили. А надежда Люды на светлое будущее тоже умирала. Но, нарушая местные традиции, далеко не последней.

– Ладно, – выдохнула она наконец. – Я у тебя в долгу всё-таки.

В подтверждение её слов из туалета слышалось ровное, успокаивающее журчание воды – бачок набирался. Телевизор временно замолчал. Муха замолчала навсегда.

Повисла такая тишина, что любой внезапный звук казался ядерным взрывом. С кухни донеслось: Яков гремел кастрюлями, что-то падало, шипело – осваивал четвёртое блюдо. Люда не пошевелилась. Сидела, вцепившись в стул и мысленно считала потери.

Зайдя на кухню, она невольно охнула. Яков пыхтел над плитой, пытаясь приготовить что-то неизвестное из горячего. Обессиленная девушка рухнула на стул, но тут же резко встала и принялась рыскать по шкафам. От плиты валил дым, Яков закинул в кастрюлю огромные кривые куски картофеля.

Стараясь не смотреть на это, Люда открывала шкаф за шкафом. Когда дело дошло до холодильника, её лицо и шея покрылись красными пятнами.

– А где весь кетчуп? – спросила она, с трудом сохраняя интонацию ровной.
– Где макароны? Их много было, на неделю хватило бы. Соусы?
Приправы?

Она захлопнула дверцу шкафа и ринулась к морозилке. Там зияла та же пустота – только пара заледепелых котлет сиротливо лежали на дне.

– Где все продукты? Они не могли так быстро испортиться. – Люда повернулась к нему. – Все полки пустые!

– Ну так, я использовал всё. – Яков развёл руками, и картофельный ломоть шлёпнулся на пол. – Учился же. Ты же всё время с Игнатом по залу бегала: то полы мыла, то обслуживала, то звонят тебе по сто раз. Чё я тебя дёргать ещё буду?

Люда смотрела на него в упор. Красные пятна на шее стали багровыми.

– Учился, значит. – Она шагнула к столу, где валялись остатки упаковок. – На трёх килограммах мяса? На десятке пачек макарон? На пяти литрах соуса? Ты серьёзно?

Яков опустил глаза и принялся усердно мешать дымящуюся картошку.

– Ну, я ж не знал, как правильно. Переваривал, пережаривал, с раскладками всё время сверял. Если не сходится или не получалось чего-то – выкидывал. Чтоб качество было.

Люда молчала. В голове крутились тысячи картинок и вопросов, но сил не было. Она только выдохнула, схватила со стола испорченный кусок мяса и швырнула в ведро. Тот плюхнулся на дно, забрызгав стены чем-то липким.

– Ты хоть знаешь, сколько всё это стоит? – Голос Люды хрипел, ей пришлось откашляться. – Вон чеки, накладные, можешь ознакомиться, поинтересоваться, во сколько мне твоя “учёба” обошлась.

Она снова рухнула на стул – тело стало ватным, неподъёмным. Глаза горели нездоровым блеском, в висках пульсировало, картинка перед глазами мелко подрагивала.

Яков подошёл к столу, взял бумаги, повертел в руках. Курносый нос шмыгнул, пальцы побежали по строчкам.

– Ого! Да ты, подруга, дорого покупаешься! – он сверкнул золотым зубом – Сразу видно: неопытная.

Люда дёрнулась, но смолчала.

– У меня знакомые есть, поставщики, – Яков отложил чеки, развёл руками,
– у них продукты те же, а цены в два раза ниже. А то ты, смотрю, ещё и с доставкой берёшь, из элитного магазина! – Он хмыкнул, покачал головой.
– Херня эта элита, разницы с рынком никакой, я тебе говорю. Только в цене разница.

Яков подался вперёд, понизил голос до доверительного шёпота:

– Давай, я сам буду покупать. Если времени у тебя нет. У меня там контакты все остались. Сам буду приходить, забирать. Тут через две улицы, мне от дома по пути. – Он выдержал паузу, глядя ей прямо в глаза с каким-то сочувствием. – Соглашайся, не тупи, начальница! Это знаешь какая экономия! Сразу заметишь.

Люда смотрела на него сквозь пелену усталости. Мысли ворочались медленно, тягуче. Экономия. Меньше времени. Меньше головной боли. Звучало почти как спасение.

– Ладно, – выдохнула она, – попробуй. Но чётко по списку. И чеки – каждый раз.

Яков часто закивал, пряча довольный блеск в глазах.

– Обижаешь, начальница. Всё пучком будет.

В зале Игнат суетился вокруг двух девушек. Они хихикали, прикрывая губы ладонями, переглядывались и снова прыскали в кулак, пока он с невозмутимым видом читал лекцию о происхождении слова “прошмандовка”. Руки его плавали в воздухе, очки поблёскивали, а голос оставался ровным, будто он вещал с кафедры филфака.

Следом зашла компания. И мужик с огромной клетчатой сумкой. Люда упорно не замечала никого из них. Когда все расположились за столами, она развернулась к залу спиной, опёрлась локтями о барную стойку и уткнулась в телефон.

На телевизоре тем временем продолжали умирать зверушки, а из колонок теперь радовал свежий плейлист – “Мизофония”. Люда собирала его с особой тщательностью: почти полсотни самых раздражающих звуков, отобранных с любовью и знанием дела. Треки длились кто во что горазд – от десяти секунд до пяти минут. Угадать, что именно и когда выстрелит следом за звуком шлифовальной машины – скрежет железа по стеклу, ор младенца или монотонное капание воды из крана, – было невозможно.

Изредка Люда оборачивалась. Гости затыкали уши, мужик с сумкой побледнел.

“Надеюсь, не инфаркт опять”, – подумала девушка и сделала звук тише.

К мужику она подошла в первую очередь. Он тут расплылся в улыбке – щербатой, маслянистой, с дёснами напоказ.

– Девушка, а вы какими духами пользуетесь?

Люда чавкнула жвачкой. Громко, как будто пережёвывала резиновую шину. Звук перекрыл и предсмертные вопли зверушек, и “Мизофонию”, которая как раз выдала серию скрежета.

– С какой целью интересуешься?

– Может, посмотрите? У меня тут лучшего качества. Бренды, но по дешёвке. Без поставщиков. В бутиках дорого, потому что аренда, зарплата, импорт... А у меня напрямую, без посредников так сказать.

Люда покосилась на сумку – потёртую, с оторванным углом, из которого торчало что-то целлофановое.

– Брендовые, как сумка твоя? – Она снова чавкнула, выдержала паузу. – Нахер иди. Не позорься.

Она быстро развернулась и рванула к другому столику, на ходу дожёвывая жвачку.

“Лучше бы инфаркт”, – пульсировало в голове.

Мужик обиженно крикнул ей вслед что-то про невоспитанность молодёжи, даже погрозил жилистым кулаком. Но бесполезно: Люда вычеркнула его из реальности за секунду – даже ухом не повела.

Подойдя к столику, где сидела компания, Люда оглядела их по очереди. Сморщила нос, как будто почуяла тухлую рыбу, её верхняя губа брезгливо дёрнулась вверх.

– А вы всегда толпой ходите? – спросила она, не меняя выражения лица. – У вас, похоже, один мозг на пятерых, у каждого по кусочку. Если кто-то отойдёт, вы потеряетесь нафиг. Вы пожрать пришли или так, жопами стулья погреть?

Компания взорвалась хохотом. Только один парень, с самого края, даже не улыбнулся – сидел, уставившись в стол.

– Слышь ты, шаболда с подворотни, – хмыкнул лысый парень в кожаной куртке. Его лицо напоминало только что пойманного карпа, даже зеленоватый оттенок присутствовал. – У нас друган с девушкой расстался. Ну она та ещё шмара была, невелика потеря. – Он выдержал паузу, обвёл взглядом своих и снова уставился на Люду. – На тебя похожа, кстати. Я таких сотни две перетрахал.

Люда моргнула. Один раз. Потом медленно, не разжимая губ, процедила сквозь зубы:

– Поздравляю! Теперь он свободен, тебе пора действовать. От меня что требуется? Салфетку для слёз дать? Ссылку на порносайт скинуть? Или тебе вазелин принести? Вы уж определитесь, зачем пришли.

К концу фразы голос дрогнул – или показалось. Лысый что-то ответил, но она не слышала. Смотрела на него, но видела другое: перила крыльца, пальцы, свои руки, прижатые к груди. Моргнула ещё раз – картинка сменилась. Теперь перед ней сидел чужой парень с карповым лицом и ждал ответа.

– Ты чё зависла? – заорал лысый, подаваясь вперёд. – В мозгах загрузка идёт? Пиво “Конское” всем неси и сухарики, вот эти – “Бабкины пятки”. Со жрачкой ещё не определились.

Он обвёл взглядом компанию, те закивали и заулыбались.

– Эй! – он снова повернулся к ней. – Тебе названия так сильно нравятся? Хочешь их по сто раз слушать? Тупые бабы! Толку никакого от вас. Мясо ебаное.

Компания взорвалась ржанием – противным, густым. Оно отскочило от стен и прилетело Люде прямо в уши. Она громко фыркнула, развернулась и побежала на кухню. На бегу, не оборачиваясь, вскинула обе руки и показала через плечо два средних пальца – чётко, в такт шагам.

– Уроды, – выдохнула она, влетая на кухню. – Ненавижу. Почему таких уёбков не кастрируют принудительно, а?!

Листок с заказом она швырнула на столешницу – бумага ударилась о металл и спланировала на стол. Люда даже не нагнулась.

– Заказ номер ноль, – дрожащим голосом прошипела она.

Яков нахмурился, почесал затылок пятернёй, глядя на упавший листок.

– Что? – замешкался он. – Там же просто пиво налить и сухари насыпать. Что за шифр? Что тут ещё делать-то? А, начальница?

– Ничего не делать. – Люда выдохнула и медленно сползла на стул, будто кости разом перестали держать тело. – А если делать, то не скоро.

Яков потоптался ещё, почесал щёку.

– Кстати, продукты там, того... закончились совсем. Сходить бы на рынок. Давай список.

Люда молча кивнула. Глаза закрылись сами собой – всего на секунду, но этого хватило, чтобы в голове поплыли цветные круги.

На кухню бесшумно вошёл Игнат. Он крался как ниндзя, у которого скрутило спину – чуть согнувшись, но без единого звука.

– Вот тех придурков сам обслуживать будешь, – сказала Люда, глядя на него снизу вверх тяжёлым, мутным взглядом. – Какую бы дрянь они ни заказали, просто делаем из того, что есть. Можно что-нибудь из мусорки достать.

Последняя фраза была адресована Якову. Тот растерянно кивнул в ответ, едва удерживая в руках половник – деревянная ручка дрожала, черпак стукнулся о край кастрюли. Глаза бегали от Люды к плите и обратно.

Из зала крикнули:

– Эй! Можно нам заказ сделать? И другую официантку! А то у этой чердак протёк. Заказы принимает как личное оскорбление.

Голос нарастал, приближался, и к концу фразы уже казалось, что орут прямо над ухом. Впрочем, так оно и было. Какого-то чёрта возле дверей кухни топтался один из компании – мутный тип с белыми, как у альбиноса волосами и носом, размером с перезревшую дыню.

– Я понимаю, что у вас топографический кретинизм прогрессирует, но, боюсь, вы ошиблись дверью, ваше место вот в том коридоре. Позвольте, я вас провожу.

Голос Игната звучал ласково, почти заботливо. Шаги отдалились, дверь за ними мягко прикрылась.

Через несколько минут Игнат вернулся с очередным произведением каллиграфического искусства – на этот раз на клочке туалетной бумаги, ровно оторванном по перфорации.

– Я это, пожалуй, сохраню, – хмыкнула Люда, принимая шедевр.

Глаза побежали по идеальным буквам, и вместе с ними по телу пробежала мелкая дрожь. Она приложила ладонь ко лбу – пальцы казались чужими, негнущимися.

– Чёрт! – выдохнула она. – Они как чуяли, суки! Тут паста “Для дебилов” и блины с мясом “Пузо отчима”. Для них вообще ни одного ингредиента нет. Даже в мусорке.

Она подняла глаза на Якова. Тот переминался с ноги на ногу, и смотрел с таким видом, будто уже знал, что сейчас произойдёт.

– Иди на рынок, к знакомым своим. Я тут пока может придумаю что-нибудь. Только быстро. – Она схватила огрызок карандаша и придвинула клочок бумаги. – Вот список...

Рука двигалась по бумаге – буквы выходили кривые, прыгающие, наползающие друг на друга. Люда строчила, не глядя, только иногда прикусывала губу, вспоминая, не забыла ли чего.

Глаза Якова загорелись. Он расправил плечи и чуть заметно подпрыгнул на месте, будто внутри что-то щёлкнуло и привело в движение все пружины сразу.

Через минуту Люда протянула ему листок и свёрнутую вдвое пачку денег – только что тщательно пересчитанную.

– Держи. Точно по списку. – Она ткнула пальцем в бумажку. – И смотри мне – что дешевле, не значит тухлое. Я проверю.

Яков быстро закивал, натягивая куртку прямо поверх фартука. Деньги исчезли в кармане с ловкостью фокусника.

– Обижаешь, начальница, – он улыбнулся во весь рот, золотой зуб блеснул.
– У меня знакомые – огонь. Всё самое свежее, а цены – сказка. Я тебе отвечаю, всё в лучшем виде будет.

Он уже развернулся к выходу, когда Люда окликнула его:

– Яков.

Он замер.

– Шевелись давай. Клиенты ждать не любят. И больше никакой учёбы. Скоро вечеринка, я на неё рассчитываю. Во всех смыслах.

Когда он вышел, Люда ещё долго смотрела на закрытую дверь, потом перевела взгляд на Игната. Тот стоял, сложив руки на груди и смотрел куда-то вперёд, в окно – задумчиво, как считал про себя до ста.

– Эй, очкарик! – из зала донеслось – голос звучал так, будто говорили через консервную банку, приставленную к губам. – Ты скажи, хавку долго ждать?

Игнат даже не повернулся. Только бросил через плечо:

– До каннибализма не дойдёте. Может быть.

Из зала снова заржали. Люда сидела на стуле, заламывая пальцы. Каждые несколько секунд она закидывала голову, и впивалась взглядом в настенные часы. Стрелки ползли по циферблату, как сонные мухи по стеклу.

Яков влетел на кухню через полчаса – запыхавшийся, с красными щеками и двумя тяжёлыми пакетами в руках. Грохнул их на разделочный стол, вытер пот со лба рукавом куртки.

– Фу-у-ух, – выдохнул он, переводя дух. – Еле успел. Там очереди, но я пробился. Знакомые помогли, без очереди пропустили. Всё, как заказывала, начальница!

Он начал вытаскивать продукты и выкладывать на стол: мясо в вакуумной упаковке, пару килограммов овощей, банки с соусами, макароны. Движения у него были суетливые, но довольные.

Люда поднялась, подошла к столу. Мельком осмотрела мясо – на вид нормальное, свежего цвета. Картошка была чуть проросшей, но для супа вполне сносно. Она с облегчением выдохнула – хоть здесь без сюрпризов.

– Чеки? – спросила она, протягивая руку.

Яков зашарил по карманам. Спустя пару минут извлёк несколько бумажек, скомканных в плотный комок. Развернул их на столе, приглаживая ладонью.

– Вот. Тут всё. Спешил очень, в карман закинул, – протараторил он, глядя прямо в глаза. – Да, не фискальные, но сумма-то есть.

Люда взяла чеки. Бумага была тёплой и мятой, будто их пожевали и выплюнули. Края потрепались, печать местами стёрлась на сгибах. Она мельком взглянула на цифры – они плыли перед глазами, усталость брала своё. Сумма действительно оказалась чуть меньше, чем обычно выходило у неё.

– А это что? – она ткнула пальцем в пакет с мясом. – Ты где брал?

– На рынке, у своих, – выпалил Яков, поправляя съехавшую бейсболку. – Там павильон мясной, они постоянным скидку делают. Я ж говорю, у меня связи.

Люда ещё раз посмотрела на мясо. Что-то царапнуло внутри – то ли цвет мяса был слишком ярким, то ли упаковка не той фирмы. Но мысли уже разбегались, как тараканы от яркого света: в зале клиенты, заказ висит, телефон вибрирует от бесконечных сообщений.

– Ладно, – она махнула рукой. – Давай нарежай. Для “Пуза отчима” мясо нужно мелкими кубиками, понял? И без жилок. Зажаривать капитально, чтоб горелым пахло на весь зал. Понял?

Яков закивал, хватая нож. Люда вышла в зал, но на секунду задержалась, обернувшись. Игнат стоял у входа в кухню, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на повара в упор. Ничего не говорил, а просто смотрел.

Через час блюда были готовы. Игнат изящно, словно сервировал банкет в ресторане с мишленовскими звёздами, расставил тарелки на подносе. На одной салфетке он нарисовал то, что Люда на днях изображала на кофейной пене. Внизу красовалась надпись: “Ты этого достоин”. На другой салфетке появился кот, сосредоточенно справляющий нужду в лотке. Пушистый, с идеально нарисованными усами и выражением глубочайшего удовлетворения на морде.

Третью салфетку Игнат заполнил несколькими витиеватыми фразами про мать. Оскорбления выглядели так изысканно, что их хотелось повесить в рамочку. В самом центре красными буквами значилось: “Глубокая признательность твоей маме за вклад в демографическую яму”.

Чуть ниже пестрело разноцветными буквами: “Твоя мать — шалава с пересадкой печени, а ты — её ходячий венерический симптом”.

Игнат взял со стола салфетку — слегка заляпанную жиром, с потрёпанными краями. Повертел в пальцах, разглядывая так, будто перед ним не использованная бумажка, а древний манускрипт. Потом достал из кармана ручку и склонился над импровизированным холстом.

Через минуту на салфетке появились строки. Каллиграфические завитки ложились на жирные пятна, не смешиваясь с ними, а существуя как незванные гости:

“Она правильно сделала. Ты это заслужил, мудила.”

“Это не расставание, а просто предотвращение ошибки эволюции”.

Игнат полюбовался работой, дал чернилам впитаться и поставил сверху самую тяжёлую тарелку.

Разложив всё на подносе с видом музейного куратора, он гордо выпрямился. Поднос поплыл по воздуху, мизинцы изящно оттопырились. Люда, молча наблюдавшая за ним, тихо хихикнула и тут же прикрыла рот ладонью.

Весь вечер в зале не прекращался смех. Гости веселились, заказывали и платили. Ближе к закрытию Люда, хватаясь за виски, пересчитывала деньги в кассе.

– Ничего не пойму, – бубнила она, – ни черта не сходится... – Она потёрла глаза, вчиталась снова, потом откинулась на спинку стула. – Ладно, я уже просто ничего не соображаю.

Она шумно захлопнула тетрадь.

– Давай, начальница, пока! Завтра - по расписанию!

Люда махнула рукой не глядя.

Игнат спешно натягивал куртку.

– Мне это самое.. домой срочно, – сказал он, поймав её взгляд. – Байта выгуливать пора. Да и дрессировать надо. В ветклинике сказали, он ещё щенок.

– Ага, – бросила Люда равнодушно, уткнувшись в тетрадь.

Она секунду помолчала, а потом подняла глаза:

– А что за спорт у тебя, если не секрет? – она бесстыдно оглядела его худосочную фигуру – сверху донизу, задержалась на плечах. – Шахматы?

Игнат поправил сползшие на нос очки и посмотрел на неё в упор. Карие глаза не моргали. Лицо стало таким серьёзным, что у Люды по спине пробежал холодок.

– Я – почётный член областной федерации хоббихорсинга, – произнёс он монотонно, чеканя каждое слово. – Трижды чемпион страны. Мой прыжок на хорсе составил сто сорок сантиметров в высоту.

Люда открыла рот. И тут же закрыла – подходящие слова просто не сформировались. Но у Игната – наоборот.

– Будет ярмарка инвентаря. Я свой товар подготовил. Я всегда самый первый с пустым прилавком остаюсь. У меня лучшие хорсы. Уздечки своими руками делаю. Хенд мейд ценится. – гордо заявил он.

– Ага, удачи с лошадами, – улыбнулась Люда. Её щёки уже пылали, воздуха не хватало.

Когда дверь за Игнатом закрылась, она рассмеялась – истерично, в голос, запрокинув голову, так, что слёзы брызнули из глаз.

– Боже, ну и кринжатина, – шептала она, смахивая слёзы.

Страшнее твоей мамки

В назначенный день Люда, смахивая уведомления с плохими отзывами и сообщениями от Артура, выставила пост с коротким посланием: “Я жду вас, уроды, на вечеринку “Страшнее твоей мамки””.

Нажав “опубликовать”, она бросила телефон в сторону и посмотрела в зеркало.

Грим не требовался – лицо и так выглядело достаточно потусторонним. Но она всё-таки подвела глаза, надела чёрное платье с белым воротником. На голову натянула парик с двумя тонкими косичками – они свисали по бокам, как паутина в туалете. Чёрным карандашом она щедро обвела губы.

Зверушки из мультфильма больше не умирали на экране. Теперь они, вполне осязаемые, но не очень целые, валялись повсюду: на барной стойке, на подоконниках, под ногами. Глаз у белки держался на одной нитке, а

бобру словно сделали неудачную резекцию кишки, и содержимое теперь намекало, что внутри ничего не было и раньше. У зайца из лап торчали гвозди – не то распяли, не то просто приколотили к столу для устойчивости.

Скатерти сменили на чёрные, тяжёлые – они глушили звуки и делали зал похожим на траурный. На каждом столе красовались красные тарелки, бокалы и резные керамические урны – точь-в-точь такие, в каких хранят прах. В каждую Люда бросила по две дешёвые карамельки. Для некоторых блюд она приготовила похожую посуду.

На стену рядом с телевизором она повесила плакат. Корявыми красными буквами, выведенными дрожащей рукой, там значилось:

“Говори здесь всё, что хочешь, всё равно ты сдохнешь и это никто не вспомнит. Никому ты нахуй не нужен”.

– Блин, – бубнила она, приглаживая непослушную липкую ленту к краям бумаги, – надо было Игната попросить. Красиво бы написал. – Она отступила на шаг, оценила. – Хотя ладно. Для них и так сойдёт.

Она махнула рукой – верхний край плаката болтался, как глист, случайно выглянувший наружу. Переклеивать не стала.

Над входом мигала лампочка. Мерзко, часто, как стробоскоп в дешёвом клубе – приступ тошноты гарантирован даже самым устойчивым. Люда специально не стала её чинить.

Вечер опустился на город, и вместе с ним из колонок поплыл “Реквием”. Моцарт глухо давил на стёкла, растекался по залу, оседал на мёртвых зверушках.

Люда уселась за барную стойку. Гостей не встречала, не здоровалась. Просто сидела, скрестив руки на груди, и смотрела в одну точку – так, будто уже всё, что могло случиться плохого, случилось, и теперь только осталось дожидаться финальных титров.

Спустя час после начала вечеринки в зале было всего несколько человек: две девушки в костюмах ведьм – дешёвые накидки из секонд-хенда, веники вместо метёлок – и парни с гримом корпспейнт, который уже потёк от духоты. Они листали меню, переглядывались, но заказывать не спешили. Просто пилились по сторонам, щёлкали телефонами и перебрасывались непонятными фразами, в которые Люда даже не вслушивалась.

Потом дверь открылась и вошли четверо. Два Джина, один Ли Сяоюй – Люда узнала, потому что Артур когда-то залипал в эту игру неделями. Костюмы были не из дешёвого магазина: кожа блестела, нашивки сидели ровно, парики уложены так, что ни один лишний волосок не торчал. Девушка-Сяоюй даже два хвоста заплела так, будто родилась с ними.

Они вошли, встали полукругом и медленно обвели взглядами зал. Увидели бельчонка с болтающимся глазом. Увидели урны. Увидели плакат, который Люда так и не повесила нормально.

Джин слева скривил губы. Ли Чаолан приподнял бровь и посмотрел на Сяоюй. Та ничего не сказала, только пожала плечами, поправила галстук и коротко мотнула головой – мол, и не спрашивай.

Они развернулись и вышли. Молча, даже не хлопнув дверью.

Люда только закатила глаза, отсекая нахлынувшие эмоции коротким движением век. Она отвернулась к полкам с сиропами и взяла флакон – серая жидкость пшикнула, оседая на деревянных поверхностях мелкодисперсной пылью. Через минуту полки стали выглядеть так, будто их не трогали лет сто.

– Эй, ты, Уэнсдей! – голос сзади резанул по ушам. – Сюда повернись! Ты чего копаешься там, а?

– Тебе чего? – Люда не обернулась. Пшикнула ещё раз, для ровного слоя.

– Пожрать.

Она развернулась медленно, с расстановкой. Закатила глаза уже перед носом собеседника – разукрашенного парня в белой рубашке, с чёрными разводами под глазами. Тот стоял, уперев кулак в бок, и скалился.

– Мне “Дерьмо летучей мыши” и “Тараканью слизь”. – Он ткнул пальцем в сторону столика, где сидели остальные. – Им – “Бифштекс из алкаша”, три порции, “Трупный экссудат”, “Желудочный сок” и “Бабкину желчь”.

– Помедленнее! – выпалила Люда так, что парень дёрнулся. – Я не успеваю хер класть на каждое слово.

Люда опёрлась ладонями о столешницу, подалась вперёд. Она смотрела прямо в глаза, не моргая, и перекатывала во рту жвачку – влево, вправо, надула пузырь. Он лопнул с глухим хлопком, прилип к губам. Она собрала остатки языком и надула следующий.

– А ты хороша! – парень заржал и вскинул указательный палец. – Положи ещё хер на суп “Рвотная масса”. Только можно не сильно горячим подать?

– Радуйся, если я тебе его вообще подам.

Люда мысленно пробежала по полкам – как по чертогам разума, открывая один ящик за другим. Она спохватилась прямо перед вечеринкой и проверила: продуктов там опять не доставало. Знакомое чувство царапнуло изнутри.

Яков копошился на кухне – возился с кастрюлями, что-то переставлял, двигал. Заметив Люду в дверях, он дёрнулся всем телом и резко обернулся, едва не смахнув локтём миску с приправой.

– Ты чего? – спросила она, не улыбаясь.

– Да грим твой, – выпалил он слишком быстро и выставил перед собой ладони, выпучив глаза. – Страшный!

– Там грима-то особо нет, – Люда прошла мимо него, краем глаза сканируя полки. – Вот заказ. Делай.

Она положила листок, припечатала ладонью.

– И давай сразу нормально. Без косяков. Понял? А то продукты опять уходят. Похоже, ты опять в мусорку выбрасывал. И не говори, что это не так.

– Ну-у... Честно, да, было пару раз. – Он виновато опустил глаза, но тут же вскинул их снова, сияя золотым зубом. – Но больше не повторится, обещаю, начальница! На вечеринку хватит! Гарантирую!

Он часто закивал, зачем-то поднимая сжатый кулак, как спортсмен на клятве. Люда молча подвинула к нему листок с заказом.

– Бифштекс прожарки “Хард”, чтобы до черноты.

Сказав это, она вышла из кухни. Новых лиц в зале не добавилось. Тот же разукрашенный парень сидел за своим столиком, двое его друзей листали меню, делая вид, что выбирают. Люда молча уселась за стойку, уставилась в телефон.

Экран вспыхнул сообщением от Артура:

“Солнце, прости, я погорячился, просто понимаешь, соревнования, нервы, ну ты же понимаешь. Как дела в кафе? Помочь нужно? Если нужно, я мигом примчусь!”

Люда вдохнула. Палец завис над кнопкой “удалить у всех” – секунду, другую. Потом упал на экран, просто закрывая сообщение. Не сейчас.

Лента соцсетей пестрила новыми постами. Один из них – Игната. Она чуть не выронила телефон.

Он предлагал услуги. Мастер-класс по прыжкам на хорсе. Глаза девушки округлились. Цены стояли такие, что она моргнула и перечитала заново. Желающих в комментариях – хоть отбавляй. Люди записывались в

очередь. Были сообщения и от благодарных клиентов, уже купивших услугу. Люда проверила – не фейки.

– Может, я не тем занимаюсь, – прошептала она, вскидывая брови. – Как может быть кринжовым то, что деньги приносит? Вот у меня сейчас кринж, кто бы там что ни говорил. Ни денег, ни репутации.

Она отложила телефон и уставилась в одну точку. За один мастер-класс Игнат зарабатывал столько, сколько она за несколько дней работы в кафе.

– А я-то думала, что это крутая идея... – губы сами зашевелились, слова выходили тихие, почти беззвучные. – Наверное, я чего-то не понимаю, как у них-то шло... И клиенты нормальные были...

– Эй, Уэнсдей! – разукрашенный парень вновь возник перед стойкой, только теперь уже с таким же разрисованным другом. – Ты что, с тульпой разговариваешь?

Люда моргнула, возвращаясь в реальность.

– В “Детском мире” грим по акции был? – она оглядела их с ног до головы. – “Приведи друга – получи подарок?” – Уж больно хреново сделано.

Парень заржал, полез в карман и вытащил листок – большой, вырванный из тетради, с криво написанными цифрами.

– Такой уж праздник, чем хреннее, тем лучше! – он протянул листок Люде. – Если хочешь обсудить, вот номер мой. Напиши.

Люда взяла листок двумя пальцами, покрутила, разглядывая.

– О, спасибо. – она положила листок на стойку. – Салфетки закончатся – воспользуюсь. Вопросы есть?

Парни замялись. Люда заметила, как у первого под слоем грима проступили красные пятна – щёки горели даже сквозь краску.

– Да.. Мы это...пару блюд отменить хотели, – второй разукрашенный переступил с ноги на ногу и устоялся в пол. – В бюджет не укладываемся...

Первый ткнул его в бок и выпалил:

– Не надо нам, короче, передумали. Оставь только напитки.

Повисла неловкая, тягучая пауза. Скрипка из колонки плакала так жалостливо, будто её резали.

– Быстро оба на место пошли. – Её голос сочился спокойствием. – И чтоб вообще до конца вечеринки ко мне не подходили.

Она взяла листок. Бумага хрустнула, разрываясь пополам. Потом ещё раз. И ещё. Когда в руках остались клочки, она скомкала их, размяла в крошки и дунула в сторону парней. Бумажная пыль осела на пол между ними. Те переглянулись, но так и не нашли слов. Просто стояли, переминаясь, пока Люда не скрылась на кухне.

– Бифштексы – отбой, – выпалила она с порога. – Они нищebroды. Такие, что даже сами не сразу это поняли.

Яков замер с ножом в руке. На сковороде уже шипело мясо.

– Что, даже твои цены не тянут? – Яков почесал затылок кулаком и на секунду задумался. – Блин! Я уже делаю...второй!

Он со вздохом выключил плиту. Взгляд уткнулся в контейнеры с продуктами, которые он вытащил для готовки – мясо, соусы, овощи. Всё уже нарезанное, готовое отправиться на сковороду.

– Я уже так-то и “Летучую мышь” начал потихоньку делать, – протянул он и странно замер, глядя на гору ингредиентов. – Жаль, выбросить придётся...

Голос его звучал ровно, но что-то в интонации задело бы, если бы Люда слушала внимательнее. Она не слушала. Из зала уже доносились чьи-то нетерпеливые крики.

– Ничего не выбрасывай, пригодится ещё. Жди заказов.

Яков проводил её взглядом, подождал пару секунд и медленно перевёл глаза обратно на продукты. Рука его потянулась к контейнеру с мясом. Он открыл крышку, принюхался – нос сморщился, но он только хмыкнул. Он подхватил контейнер, сунул под кран с холодной водой, прополоскал куски, стряхивая липкую влагу. Потом достал соль и уксус. Спустя минуту два куска уже плавали в мутноватом растворе, пуская редкие пузыри.

Зал наполнялся медленно. Первая компания всё ещё сидела на своих местах и не спеша потягивала напитки. Парни косились на Люду. В ответ она фыркала, корчила злобные рожи и показывала средний палец – их лица оставались каменными, никто даже не улыбнулся. Парень в чёрном длинном плаще, дыхнув на Люду свежим алкоголем, склонился над стойкой.

– Эй, ты, овечка угрюмая! Рожу попроще сделай, а то на тебя даже у бомжа не встанет. Выпить наливай. Праздник сегодня, дешевле сделаешь?

– Ты охренел? – Люда даже не обернулась, продолжая протирать стакан. – И так цены смешные. Плати по полной.

– Ты меня услышала, уёбище с сиськами? Праздник! Или скидку делаешь или мы уходим, нас шестеро, между прочим. Тебе трудно полтинник скинуть? Жмотка что ли? Ты сама дешевле стоишь.

Она резко развернулась, упёрлась ладонями в стойку.

– Ну и валите в жопу, вас там уже заждались! В другом месте халяву найдёшь, придурок!

Парень повернулся к друзьям. Они выглядели так, словно сошли с одного конвейера: длинные плащи, бледные лица и одинаковое опьянение в глазах.

– Пацаны! Слышите? – он обвёл их торжествующим взглядом. – Эта гнида полтос зажала, прикиньте! Вот так они клиентов ценят! Говорит, и так дёшево! Если дёшево, можешь ещё дешевле сделать. За копейки всё покупает, накручивает и продаёт как нормальное.

Компания заржала в голос, одновременно – как дрессированные. Смех был пустым, механическим.

– Пошли нахуй отсюда! Хватит тут языком срать! – закричала Люда, и её голос сорвался, разлетевшись эхом по залу. Внутри всё мелко завибрировало, зубы едва не лязгнули.

– Что-то скучная у тебя концепция, – парень скривил губы в усмешке, обернувшись к своим, – правильно пишут – параша полная!

– Это не концепция! – Люда вытолкнула сквозь сжатые челюсти. – Я серьёзно говорю. Идите. Нахуй.

Бледное лицо парня перекосилось. Круглые, глубоко посаженные глаза налились красным – казалось, разом лопнули все капилляры, окрасив белки в грязно-розовый.

– Ты чё несёшь, сучка скоторылая?! – процедил он сквозь редкие, маленькие зубы, – я знаешь что с такими как ты делаю? Хочешь, покажу?

Глаза Люды забежали от входной двери до кухни, скользнули к дальнему столу, где сидела первая компания. Она попятилась, пока лопатки не вжались в деревянные полки с сиропами. Полки дрогнули, бутылки звякнули, стукнувшись горлышками. Колени мелко подрагивали, пальцы миглом похолодели. Она хотела что-то ответить, но горло свело спазмом.

– Чё, уже не такая смелая, да? – он медленно обошёл барную стойку и с хозяйским видом подошёл к дверце.

Люда нащупала за спиной горлышко бутылки с сиропом – пальцы скользнули по гладкому стеклу, сжались.

Парень рванул хлипкую дверцу с такой силой, что дерево жалобно треснуло. Но петли выдержали. Люда увидела, как тонкий стальной шпингалет, который она успела задвинуть секундой ранее, натянулся до предела, удерживая хлипкую створку. Она вжалась спиной в полки – твёрдые края тут же впились в лопатки.

– Эй, Тим, успокойся! – один из друзей подошёл и положил руку ему на плечо. – Ты перегибаешь. Чё тебе девчонка сделала? Ты глянь, она метр с кепкой. Остынь.

Тим нервно дёрнулся и со всей силы ударил ладонями по дверце. Люда медленно разжала пальцы, отпуская бутылку.

– Э! – из-за спин послышался голос. – Ты, придурок! Легко на девчонку быковать, да? А ты на меня попробуй.

Разукрашенный парень неожиданно возник из глубины зала – бесшумно, будто материализовался. Грим на его лице поплыл от духоты, под глазами расплылись тёмные потёки. Он широко раскинул руки и ухмылялся, демонстрируя белоснежные зубы.

– Ты кто такой? Твоя баба? Ебёшь её что ли? Сочувствую. – Тим резко развернулся к нему. – Пошёл нахер отсюда, пока я тебе новый грим не сделал!

Парень в рубашке подошёл к Тиму близко, почти вплотную и что-то шепнул на ухо. Люда не расслышала ни слова – из колонок как раз грянул “День гнева”. Хор и оркестр надрывались в унисон, звук давил на уши почти физически, заставляя вибрировать рёбра. И когда струнные ворвались в бурный пассаж, а хор взвыл, сотрясая стены, кулак разукрашенного парня впечатался в щёку Тима.

Удар пришёлся точно в такт – будто дирижёр взмахнул палочкой.

Тим не остался в долгу. Худые кулаки замелькали в воздухе, и каждый удар ложился на пульсирующие аккорды. Всё это сопровождалось не только трагическим саундтреком, но и сочным, стремительным матом, который летел с обеих сторон, не уступая оркестру в экспрессии.

Ноги Люды приросли к полу. Лопатки вдавились в полки так, что дерево закрипело. Она сжимала в руках бутылку с сиропом, готовая в любой момент пустить её в ход. Перед её взором разворачивалась эпичная баталия: разукрашенный парень схватил Тима за грудки и с размаху припечатал к барной стойке. Тот согнулся, прижатый лопатками к столешнице, и, вцепившись оппоненту в лицо, отчаянно дрыгал ногами, рыча и матерясь.

Со столов повскакивали друзья разукрашенного. Девушки заверещали что-то неразборчивое, парни подбежали к стойке и попытались оттащить товарища. Друзья Тима тут же окружили дерущихся плотным кольцом, заорали наперебой, и через секунду свалка стала всеобщей.

Кулаки замелькали под Моцарта. Кто-то снёс стул, тот с грохотом врезался в соседний стол. Локоть одного из компании Тима угодил в урну с карамельками – “прах” разлетелся по залу, хрустя под ногами. Девушка в дешёвом костюме ведьмы взвизгнула, когда в неё прилетела сбитая бейсболка, и в ответ запустила меню в ближайшего дерущегося. Ещё минута – и в ход пошли тарелки. Одна разбилась о барную стойку, осколки брызнули Люде под ноги. Вторая врезалась в стену прямо над плакатом, и тот жалобно отклеился, повиснув на одном маленьком кусочке скотча.

Люда, не отпуская бутылки, вжалась в угол. Глаза её метались по залу, выхватывая то чью-то разбитую губу, то порванную рубашку, то парик, слетевший и затоптанный в карамельной крошке.

Один из дерущихся, кажется, парень из компании разукрашенного, отлетел от толчка и врезался в стойку прямо рядом с ней. Люда рефлекторно замахнулась бутылкой, но парень уже схватился за стойку, пытаясь удержаться и соскользнул на пол.

Оркестр в колонках достиг крещендо. Хор гремел так, что казалось, сейчас рухнут стены. В этом грохоте никто не услышал, как на улице завывали сирены.

Дверь распахнулась. В проёме застыли двое в форме.

Музыка оборвалась на полуслове. Тишина рухнула на зал такой тяжестью, что заложило уши.

Все замерли. Кто с занесённым кулаком, кто с осколком в руке, кто в нелепой позе, придавленный стулом. Только карамельки тихо шуршали под ногами.

В этой тишине из кухни вылетел Яков. В руках он сжимал пачку макарон. Увидев полицейских он замер на месте, выпучил глаза и медленно поднял свободную руку, забыв про макароны. Пачка так и осталась висеть в воздухе, неестественно задранная к потолку.

Люда медленно опустила бутылку.

— Руки вверх! — рявкнул один из полицейских.

Никто не шелохнулся. Тишину нарушал только сдавленный кашель Тима, который всё ещё лежал на полу, прижатый коленом смуглого коренастого парня, да шорох макарон, которые Яков нервно перехватил в потной ладони.

Второй полицейский поднял голову к потолку, где мигала лампа, и устало произнёс:

— Вызов от соседей. Говорят, у вас тут то ли бардель, то ли цирк — шум постоянный. Сегодня, видимо, представление уродов. Терпение у соседей лопнуло.

Полицейские огляделись, оценивая обстановку.

— Кто зачинщик? — громко спросил один из них.

Люда обвела взглядом зал и ткнула дрожащим пальцем сначала в Тима, всё ещё лежавшего на полу, потом в разукрашенного парня, который стоял, вытирая остатки грима.

– Оба, – выдохнула она. – Этот угрожал, лез за стойку, а этот первый ударил.

Полицейский кивнул и она, наконец, стянула парик и провела им по щекам, вытирая слёзы.

– Вставай, – бросил полицейский Тиму. – Если сам не пойдёшь – помогу, но лучше до этого не доводить.

Тим, матерясь и сверля Люду злобным взглядом, поднялся и, подгоняемый в спину, направился к выходу. Разукрашенный парень уже стоял рядом с другим полицейским, устало вытирая лицо салфеткой.

– А ты? – спросил полицейский, смотря на Люду. Та всё ещё сжимала бутылку с сиропом побелевшими пальцами.

– Я... я владелица, – выдохнула она.

– Понятно. – Он оглядел разгром, разбитые тарелки, сломанный стул. – Заявление писать будете?

Люда моргнула. Потом перевела взгляд на уходящего Тима, которого уже вели в машину.

– А надо?

– Не хотите – не пишите. Но эти двое поедут с нами в любом случае. Там разберёмся, кто прав, кто виноват. А вам бы тишину обеспечить, а то соседи больше терпеть не будут, жилой дом всё-таки.

Люда только кивнула. Говорить не хотелось.

Остальные гуськом потянулись к выходу. Вскоре зал опустел.

Люда проводила взглядом последнего уходящего гостя – тот выскочил, даже не попрощавшись. Дверь за ним хлопнула, и в зале наконец-то стало тихо. Только плитка хрустнула под ногами, когда она сделала шаг от стойки.

Яков, всё ещё ошарашенный, стоял, сжимая пачку макарон, как ребёнок – игрушку. Он открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Люда жестом показала ему молчать.

Она огляделась.

Столы были сдвинуты с мест, чёрные скатерти сбились в гармошку, свисали со столов, где-то порванные. На одном столе ещё стояла урна, чудом уцелевшая. На другом – осколки тарелок, смешанные с раздавленными кусками сухариков.

Зверушки валялись где попало. Белка с болтающимся глазом закатилась под стул, заяц с гвоздями в лапах лежал на боку, распятый и забытый. Бобру явно сделали ещё одну неудачную резекцию – теперь у него не хватало и хвоста.

Она подошла к двери, которую выломал Тим. Шпингалет держался на честном слове, дерево треснуло вдоль, но петли выдержали. Люда потрогала щепки пальцем, и кусок дерева отвалился, упав к ногам.

– Твою ж мать, – выдохнула тихо, в пустоту.

Она вернулась в центр зала, остановилась, ещё раз обвела взглядом разгром. Перед внутренним взором замелькали цифры, те, которых у неё уже не было. Правая колонка той самой тетради выросла так, что еле помещалась на лист.

Глаза защипало. Она не плакала – просто стояла и смотрела на то, во что превратилась её идея “дёшево и хамство без границ”.

Из кухни донёсся шорох. Люда обернулась – Якова не было. С трудом развернув тяжёлое тело, она направилась на кухню. Яков сжимал в руках чёрный пакет. Увидев её, он замер и медленно выпрямился. Его лицо было бледным, глаза бегали.

– Я это... убираться начал, – проблеял он. – Мусор собрался вынести.

– Положи на место.

Он замялся, переступил с ноги на ногу. Потом нехотя вернулся к столу, поставил пакет и вдруг начал судорожно оглядываться. Люда медленно подошла к нему.

– Я в уборную, – быстро выпалил он и убежал так быстро, что она не успел даже схватить за рукав.

Она заглянула в пакет. Свежее мясо, пара упаковок макарон и несколько бутылок с соусами. Всё аккуратно сложено, будто для домашнего ужина.

– Яков!!! – закричала она, и голос сорвался, разлетелся эхом по пустой кухне.

Она бросилась в коридор. Дверь уборной была распахнута настежь. Внутри мирно журчала вода.

Она зашла в зал. На барной стойке жалобно поскрипывала, покачиваясь, сломанная дверца, которую недавно едва не вынесли с корнем. От входной двери тянуло сквозняком. Люда подошла ближе: с боков облицовки сиротливо болтались остатки былой конструкции – две тонкие трубки, которые она когда-то приматывала скотчем, свисали теперь обрубками, едва держась на задубевших остатках клейкой ленты. Груша валялась на полу, сморщенная, грязная и бесполезная.

Ветер вцепился в щёки, залез под платье ледяными пальцами. Баннер валялся на том же месте – под крыльцом, грязный, мокрый, одинокий. Похоже даже местные алкоголики обходили его стороной.

Люда вернулась в зал. Плакат, ещё недавно державшейся на одном кусочке скотча, теперь лежал на полу – скотч отклеился, и бумага безжизненно распласталась у стены. Она посмотрела на него, но не увидела букв. Глаза просто скользнули по красным корявым строчкам и ушли в пустоту.

Ноги подкосились. Она опустилась прямо на пол, не выбирая места. Голова гудела – тяжёлая, как переполненная урна, из которой сыплются карамельки. В ушах звенело. Внутри было пусто, холодно и противно, как в выгребной яме.

Она обвела зал мутным взглядом и вдруг заметила у двери что-то белое. Маленький прямоугольник на тёмном от грязи полу.

Люда поднялась. Медленно, держась за стену.

Она наклонилась к прямоугольнику. Взяла его в руки – бумага была сухой, чистой, будто её обрели только что. Глаза с трудом сфокусировались на цифрах. На мгновение воздух стал густым. Сердце с глухим стуком провалилось.

Чек из магазина – годовой давности. Магазин на другом конце города. И никакой фискальной отметки – просто кусок бумаги с ценником, который можно напечатать на любом принтере. Это был тот самый чек, который Яков протянул ей пару дней назад, когда вернулся с рынка. Мятый, тёплый, якобы только что полученный.

– Ублюдок... – прошептала она, и голос прозвучал чуждо и хрипло. – Урод!

Пальцы сжали бумагу. Внутри всё оборвалось и рухнуло куда-то вниз.

– Как я могла? – закричала она, но крик вышел сдавленным, почти беззвучным. – Дура! Чем я смотрела?!

Слёзы хлынули сами – горячие, злые, они текли по щекам, капали на чек, размывая и без того еле видимые цифры. Она стояла посреди

разгромленного зала и смотрела на мокрую бумажку в руках, не в силах поверить, что могла быть такой доверчивой.

Через секунду её словно ударило током. Она подбежала к кассе, с силой рванула ящик. Пусто. Ни одной купюры. Только пара монет на дне – мелочь, которую она не успела забрать.

– Чёрт... Когда успел-то?

Она выдернула из ящика тетрадь. Страницы зашуршали, пальцы забегали по строчкам, сбиваясь, возвращаясь назад. Ручка царапала бумагу, выписывая цифры поверх цифр, пока столбики не превратились в кашу.

Люда откинулась на спинку стула, уставилась в потолок. Потом снова в тетрадь. Ещё раз пересчитала.

– Доход... аренда... продукты... кредит....

Голос сел. Она замолчала и просто смотрела на разницу между тем, что должно было быть и тем, что было на самом деле. Цифры не сходились. Даже близко.

Где-то внутри, под рёбрами, заныло. Не остро – тупо, тяжело, как будто там поселился камень. Она провела рукой по лицу и только тогда заметила, что пальцы дрожат.

Со дня открытия она заработала нервный тик на глазу, хроническую усталость и привычку просыпаться в три часа ночи с мыслью “я ничего не успеваю”. Денег не было. Был минус. Глубокий, как яма, из которой не видно света.

Телефон зазвонил резко и громко. Люда посмотрела на экран – звонил арендодатель. Она нажала на зелёную кнопку, но не успела сказать ни слова.

– Людмила, добрый вечер. – Голос в трубке звучал вежливо, ровно, но от этой вежливости веяло холодом. – Вынужден напомнить об оплате. Жду

средства в ближайшие дни, иначе, сами понимаете, на это место желающих много. Очень много – не сомневайтесь.

Послышались короткие гудки. Люда снова уставилась в потолок. Телефон выскользнул из пальцев и глухо стукнулся о столешницу.

Она снова оглядела зал. Мысленно пробежалась по полкам в кладовке – мусорных мешков должно хватить. Она с трудом подняла ноющее тело, ключи звякнули в руке. Вечеринка, кажется, закончилась.

Сердце сжалось испуганным котёнком. По ступенькам кто-то поднимался. Шаги – тихие, лёгкие, женские – на секунду остановились прямо у двери. Люда замерла, прижавшись спиной к стене. Спустя мгновение она выдохнула и побежала к входу.

– Вечеринки здесь нет! Пошли в жопу! – хрипло крикнула она, распахивая дверь.

– Хм.. Похоже, верно всё пишут – с концепцией ты перегнула. Идею взяла, а всё остальное не учла.

Голос – нежный, почти ласковый – долетел с порога.

Люда подняла глаза и наконец сфокусировалась на госте. Серые миндалевидные глаза, аккуратный, словно кукольный носик, тёмные волосы, собранные в тугую шишку на макушке. Перед ней стояла Ева. Руки скрещены на груди, на губах – лёгкая, почти незаметная ухмылка.

– Ну привет. – Она повела подбородком вверх, в сторону вывески. – Как бизнес?

Люда молчала, вцепившись в дверной косяк.

– Зря ты к ним обратилась, – Ева шагнула ближе, разглядывая облупившуюся краску на фасаде. – Могу посоветовать нормальное агентство. Эти всегда халтуру гонят, у них сотрудники как перчатки меняются – потом концов не найдёшь. Я понимаю, хотелось подешевле, но

хорошее дешёвым не бывает. Лучше уж вложиться сразу в хорошее, чем потом расхлёбывать последствия дерьмового.

Она перевела взгляд на Люду. Та стояла, не в силах вымолвить ни слова. В горле пересохло, глаза щипало.

– Ты... Ты почему здесь?.. – выдавила Люда. – Откуда знаешь?

– Слово “интернет” тебе о чём-нибудь говорит? – Ева рассмеялась – легко, мелодично, обнажая ровные белые зубы. – Там там, видимо, редко бываешь. Не понимаешь, как всё работает. За каждым подписчиком не уследишь, как ни старайся. А я давно подписана и слежу. И знаешь, это сплошной фейспалм!

Она сделала паузу, наслаждаясь эффектом.

– А чего мы на пороге стоим? Пригласить не хочешь?

Люда отступила на шаг, приглашая гостью внутрь.

– Заходи... – Голос Люды дрогнул и сорвался на хрип. – Только тут смотреть не на что.

– Ага, я так и подумала. – Голос Евы утонул в пустоте зала, отразился от стен и вернулся глухим эхом. – И, в принципе, правильно подумала.

Она шагнула внутрь, и взгляд её сразу наткнулся на плакат – тот валялся на полу скомканной тряпкой, грязный и затоптанный. Ева задержалась на нём на секунду, уголок губ дёрнулся вверх.

Потом она медленно обвела взглядом зал. Цеплялась за каждую деталь: за мятые чёрные скатерти, за липкие пятна на полу, за дохлые фиалки в горшках. Взгляд её скользил по всему этому разгрому с лёгким, почти профессиональным интересом, будто она оценивала объём работ или, наоборот, степень катастрофы. Она остановилась на сломанной дверце барной стойки. На белке с болтающимся глазом, которая валялась под стулом.

– Дай угадаю, – Ева хмыкнула, заметив, как Люда съёжилась и бесшумно исчезла за стойкой, будто надеялась слиться с баром. – Кто-то нажрался, подрался, и разгромил всё, включая твою психику?

Она обвела зал рукой – жест получился широким, почти театральным.

– А какой контингент ты хотела за такие цены? За такой дизайн? – Куртка на ней шуршала, пряжки тихо звенели. Она скрестила руки на груди. – За копейки только быдло и прёт.

Люда молчала. Пальцы методично выдирали из парика по волоску – чёрные ниточки падали на стойку, на пол, путались в пальцах.

– Перед тем, как кафе открыть, папа десять лет в этой сфере работал, – заговорила Ева, не дожидаясь ответа. – То поваром, то менеджером. Какого только дерьма не повидал – мама не горюй. А когда своё открыл, тоже намучался. То повара – сплошь дебилы и алкаши, воровали по-чёрному. То официанты на смену не выходили, терялись в неизвестном направлении. То концепция с дырами – гости позволяли себе лишнего.

Она выдохнула и в упор посмотрела на Люду. Та сидела, уткнувшись в парик, и старательно накручивала прядь на палец, пока искусственные волокна не начинали выскальзывать.

– Ты не подумай: я на тебя не злюсь. – В голосе Евы проскользнула лёгкая усмешка. – Просто могла из этого тайны не делать. Двадцать первый век, капитализм – никто тебя за идею не съест. Не ты первая, не ты последняя. А ты скрывалась.

Она сделала паузу, давая словам осесть.

– Могла бы у меня спросить, поинтересоваться. Я не кусаюсь. – Ева чуть склонила голову, разглядывая Люду с любопытством. – Может, и скооперировались бы. Если нужно, сейчас спрашивай – подскажу.

Улыбка тронула её губы, но глаза оставались холодными, цепкими.

– Мы же не враги с тобой. – Она произнесла это так, что стало непонятно: то ли правда не враги, то ли как раз наоборот.

– А с чего ты взяла, что я скрываюсь? – тихо спросила Люда, прижимая парик к груди.

– Да так, общие знакомые напели. – Ева пожала плечами так легко, будто речь шла о погоде. – Ты вообще не знаешь, как жизнь устроена? Меня, если честно, чужой бизнес не колышет. Я просто зашла лично посмотреть и заодно сообщить: папино кафе почти восстановили. Сам папа в порядке, ему всего пятьдесят восемь – ещё жить да жить. Вазген уже заявление написал, фартук с вышивкой “Царский” снял, к нам возвращается. Пацаны все на прежних местах будут. Хмырь уже идей в общий чат накидал. Даже Степанида Рудольфовна вернётся, она и сейчас там полы моет. Клиенты телефон оборвали: такого места, говорят, как у нас, не найти. Ты давай тоже позиции не сдавай. Может, ещё посотрудничаем.

Ева замолчала. За её спиной шумно распахнулась дверь. В проёме возник букет – огромный, пышный, он заслонил собой вошедшего. Люда вскочила, щёки вспыхнули, она рванула к двери, даже не взглянув на Еву.

– Тебе чего надо? – прошипела она, встав на пути. – Выйди отсюда! Ты сейчас вообще не вовремя!

– Солнце, прости! – виноватое лицо Артура высунулось из-за цветов, бейсболка съехала набок. – Я как сволочь себя повёл! Мы с тобой как поссорились, я места себе не нахожу! Ну прости, Люда! Обещаю, больше не повторится! Я просто перенервничал тогда, сама понимаешь!

– Букет этот засунь себе...

Люда осеклась, мельком обернулась на Еву. Та стояла у стойки, перелистывая меню, и на губах её играла лёгкая ухмылка.

– Так, если хочешь поговорить – на крыльцо выйдем!

В глазах Артура на секунду мелькнуло что-то злое, то тут же сменилось растерянностью, когда он заглянул через её плечо внутрь.

– Пошли... – Люда толкнула его в грудь.

– А что тут Ева делает? – спросил он, почёсывая затылок, бейсболка совсем съехала. – Ты чего, с ней теперь работаешь?

– Тебе какая разница, что она тут делает? – Люда ткнула пальцем в букет, который Артур держал опущенным, и розы печально свесили головы. – Ты бы лучше вместо этого веника кредит мне оплатил. Или за аренду закинул! Мне зачем твои цветочки, когда я в полной жопе! На могилу их принести?

– Ладно, ладно, Люд, остынь. – Он переложил букет в другую руку и криво улыбнулся. – Я вообще-то и деньги заработал. Завтра принесу наличкой. Обещаю. Всё тебе закроем. Ну, солнце! Не кипятись! Простишь меня?

Артур раскинул руки, готовый заключить её в объятия. Люда, чуть успокоившись, сделала шаг к нему.

– Эй, голубки! Извините, что помешала, но мне пора идти.

Ева возникла на пороге бесшумно, будто и была здесь. Она хмыкнула, смерив Артура долгим, изучающим взглядом – с ног до головы, особенно задержавшись на букете.

– Кажется, у меня дежавю, – голос её сочился лёгкой усмешкой. – Уж больно слова знакомые. По тому же сценарию действуешь? Ну давай, удачи. В этот раз точно повезёт.

Она рассмеялась – громко, мелодично, и, не дожидаясь ответа, вихрем сбежала по лестнице. Вскоре от неё остался лишь лёгкий шлейф – мускус и серая амбра, дорогой, чужой запах, который ещё несколько секунд висел в воздухе, смешиваясь с вонью разлитых сиропов и алкоголя из зала.

– Она о чём? – Люда резко повернулась к Артуру.

– Да я откуда знаю? – он пожал плечами, растерянно моргая. Взгляд его на секунду метнулся вслед Еве, но он быстро вернул его к Люде. – Свои какие-то загоны. – Он переступил с ноги на ногу, перехватил букет поудобнее. – Ну что, пойдём, помогу тебе. Надо же всё это разгрести.

Люда посмотрела на него, на цветы, на разгром за дверью. Хотела что-то сказать, но только устало махнула рукой, пропуская его внутрь.

На следующий день у Артура появились срочные дела. И на следующий – тоже. Люда перестала ждать.

Она сидела за стойкой, уткнувшись в телефон и методично вбивала цифры в таблицу. Доход, расход, кредит. Аренда. Долг Игнату. С каждой строчкой сумма всё больше сползала в минус.

Лента соцсетей обновилась.

Игнат стоял на фото в странной, но гордой позе – в одной руке хорс, в другой кожаные поводья, на лице улыбка, которой Люда никогда у него не видала. Вокруг толпились люди в амуниции, кто-то держал кубок, кто-то просто радостно махал в камеру.

Она нажала “лайк” не думая. Просто ткнула пальцем. Через секунду экран вспыхнул сообщением.

“Привет! Люда, я тебе премного благодарен за опыт. Но, увы, я больше не буду твоим сотрудником. Моя основная деятельность стала приносить мне хороший доход и занимать всё больше времени. Деньги возвращать не нужно. Пусть они останутся в качестве моей благодарности. Удачи в бизнесе! Надеюсь, мы ещё увидимся!”

Люда перечитала два раза. Пальцы замерли над экраном, но писать было нечего. Она просто смотрела на буквы, сложенные в ровные, вежливые фразы.

– Хоть один нормальный человек в моей жизни, – выдохнула она в пустоту.

Телефон снова завибрировал. Люда глянула на экран – арендодатель.

Ответила, уже зная, что услышит.

– Людмила, я всё понимаю, но ждать больше не могу. До завтрашнего вечера. Если денег не будет – вы сами понимаете. Освобождайте помещение.

Она открыла было рот, но из трубки послышались короткие гудки.

Она отложила телефон и снова уткнулась в ленту. Палец сам остановился на посте: “Эй, сосунки! Хамкафе возвращается! Мы готовы снова унижать вас так, как не может ни ваша мать, ни начальник, ни бывшая!”

Мстислав скалился на фото, вокруг него – команда. Ева в голубом фартуке широко улыбалась, держа в одной руке раздавленный торт с кривой свечкой, а другой показывая средний палец. Люди в комментариях рыдали от счастья, строчили “наконец-то”, “это лучшее место, ублюдки”, “Соскучились! А котлеты из говна будут?!”

Люда смотрела на цифры – сотни лайков, десятки репостов. Потом перевела взгляд на свой аккаунт: последний пост о вечеринке набрал жалкие три лайка и комментарий “ну и хрень”.

Она закрыла приложение. Внутри, под рёбрами, медленно разворачивалось тяжёлое, липкое понимание: конкуренции не будет. Потому что конкуренция – это когда на равных. Когда у тебя есть шанс. У неё же не было ничего.

Телефон не унимался. Люда закатила глаза – Артур строчил очередную эпопею про то, что “наверное, вечером забежит”. Она нажала “заблокировать”, даже не дочитав. Просто ткнула пальцем и свернула мессенджер. Пальцы сами набрали другой номер.

– Алло! Привет. – Она откашлялась, голос сипел. – Да, прочитала. Я по делу звоню.

Она замолчала, тяжело дыша.

– Слушай, а как на инструктора отучиться? Поможешь? – Она зажмурилась, будто решаясь прыгнуть в воду. – Да-да, именно на тренера. Мастер-классы давать. Можно?

В трубке что-то ответили.

– О, супер. – Люда выдохнула, и плечи её наконец опустились. – Сегодня приду.

Конец